

СЕНТЯБРЬ | 2010

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОТУШИЛИ!
С Божьей помощью

ЧТОБ НАМ НЕ УГОРЕТЬ

ЭТИМ ЛЕТОМ У НАС ТОЛЬКО И РАЗГОВОРОВ, ЧТО О КЛИМАТЕ. Такой, мол, жары не было тысячу лет, бодренько «успокаивают» метеорологи. Жары, может, и не было, а вот пожары на Руси были всегда. По разным причинам, но большинство этих причин в нынешнее время объединили одним емким термином – «человеческий фактор».

Вот, например, великая жара случилась на Руси в 1364 году. В Никоновской летописи о ней написано: «Солнце бысть аки кровь, и по нем места черны, и мгла... леса и болота, и земля горяше, и реки пересохла, иные же водные места до конца иссохла и бысть страх велик и ужас во всех человецех и скорбь великая». Еще через четыре года «мгла стояла 3 месяца». Было так жарко, что «дохла рыба в реках».

Но тогда лесные пожары вдали от человеческого жилья никто на вертолетах не облетал, масштабы последствий не мерили. Огромные пространства нашей страны издавна, увы, привили нам вредную привычку относиться к ним как к нескончаемому, неисчерпаемому и... «халявным». Если раньше причиной возникновения лесных пожаров были разве только молнии, то сегодня брошенная в лесу стеклянная бутылка может, как линза, разжечь настоящий пожар. А уж битым стеклом да бутылками у нас чуть ли не вся страна завалена.

И ведь никакие строгости так и не привили нам врожденное «противопожарное чувство». Уж как горели в старину наши города (да и европейские тоже)! При соломенных крышах да деревянных постройках пожары никто и не тушил: горело, пока само не прекратится. Даже в Москве чуть ли не до XV века пожары не тушили толком, только детей да скарб выносили. Большим, то есть достойным упоминания в летописи, считался пожар, при котором сгорало несколько тысяч дворов. А если пара сотен – то и помянуть не о чем: леса вокруг полно, сруб срубить за сезон можно. Тем более что всем миром обычно помогали.

И ведь нельзя сказать, что власти проблеме не видели. По «Русской правде» (XI век), поджигателя и членов его семьи за умышленные поджоги обращали в рабство, а их имущество шло в казну. Судебник 1497 года выносит еще более жесткий приговор: «Зажигальщику животе не дать, казнить его смертной казнью».

Лишь при Иване III появляется первая на Руси пожарная служба. А в самом конце его правления (1504 год) – первые известные систематические противопожарные правила: так, запрещается топить бани и избы летом без крайней необходимости, зажигать с наступлением сумерек в доме свечи, кузнецам и другим ремесленникам, которые использовали в своем деле огонь, разрешалось устраивать плавильни вдали от жилищ.

Перечитаешь тот свод правил – и хоть сегодня заново вводи его в действие, чтобы хоть как-то образумить невольных преступников, пренебрегающих своей страной. С поправкой, разумеется, насчет разжигания костров в лесах, шашлыков на природе, непогашенных окурков и пивных бутылок.

Потому что ведь это лето нам наглядно показало: будем себя так же вести – угорим насмерть. ❀

[01]

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [01]

[02]

[05]

[03]

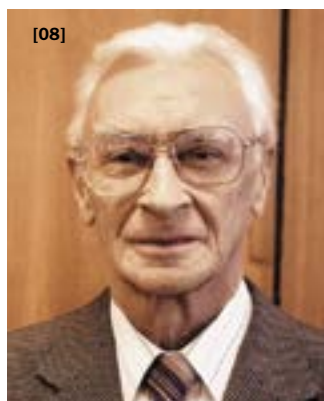
[06]

[04]

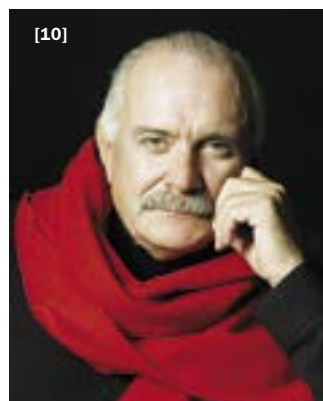
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**

Председатель комиссии Совета Федерации по культуре, заместитель председателя комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**
Генеральный директор ИТАР – ТАСС [06]

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**
Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [08]

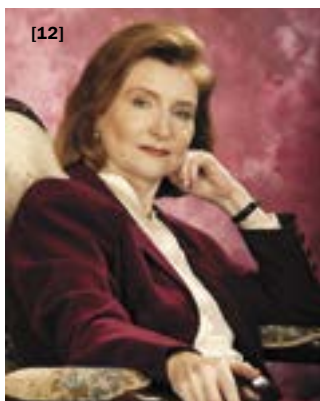
**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**
Министр иностранных дел Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**
Президент Российского фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**
Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») [11]

[11]

[12]

[17]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

[13]

[14]

[18]

[19]

[15]

[16]

[20]

[21]

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Заместитель министра
Министерства
образования и науки
Российской Федерации [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

РУССКИЙ МИР

- 06 | «Опереться на Запад, стабилизировать Юг и идти на Восток»
- 08 | Возрождение Казанского храма в Юрмале
- 10 | Сохранить и передать
- 12 | Живое русское слово

ГЛАВНАЯ ТЕМА

- 16 | Старожилы, запомните!
- 20 | В пожарном порядке
- 26 | Опаленное лето

МОРСКОЙ ПОХОД

- 32 | Графские пристани

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 40 | «Место свиданий – концлагерь»

СИТУАЦИИ

- 44 | Маленькие мадонны

ИСТОРИЯ

- 46 | И не забудьте прапорщика Оленина

НАСЛЕДИЕ

- 56 | Девяносто лет забвения

ИНТЕРВЬЮ

- 60 | Угадать талант

МУЗЕИ

- 62 | Музейной флотилии адмирал
- 66 | «Парадиз земли русской»

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

72 | Врач по имени Ангелина

78 | Повелители пчел

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

84 | «Северный Крест»

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

88 | Одна страна

ДИАСПОРА

94 | Хижина
тети Забозюк

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Дмитрий ПОЛЕТАЕВ
Оксана ПРИЛЕПИНА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
ИТАР-ТАСС

«ОПЕРЕТЬСЯ НА ЗАПАД, СТАБИЛИЗИРОВАТЬ ЮГ И ИДТИ НА ВОСТОК»

ПУТИ КАЧЕСТВЕННОГО УЛУЧШЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР ОБСУДИЛИ ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ ЭКСПЕРТЫ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМ КРУГЛОМ СТОЛЕ, СОСТОЯВШЕМСЯ 8 ИЮЛЯ В МОСКОВСКОМ ОТЕЛЕ «АРАРАТ-ХАЙТТ». МЕРОПРИЯТИЕ ОРГАНИЗОВАЛИ ФОНД «РУССКИЙ МИР» И РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БЕЗОПАСНОСТИ (АТССБ) СОВМЕСТНО С ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППОЙ ПО СОЗДАНИЮ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО комитета АТССБ, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов выступил с докладом «Тихоокеанская стратегия России». Изначально доклад был подготовлен коллективом российских экспертов под руководством Вячеслава Никонова для совещания по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами АТР, состоявшегося под руководством президента РФ Дмитрия Медведева 2 июля в Хабаровске. Доклад, а также ряд других бумаг, подготовленных экспертной группой, использовались при выработке документов совещания в Хабаровске.

Выступивший первым замглавы МИД России Алексей Бородавкин отметил серьезность задач российской политики на азиатско-тихоокеанском направлении. В наше общественное и политическое сознание, заметил он, приходит понимание, что Россия – часть АТР. Тем более что именно в АТР сместился центр глобального развития. Работа на данном направлении должна быть последовательной и системной. Речь идет о комплексной программе действий по существенному укреплению позиций России в регионе, повышению ее роли в делах АТР. Представляя доклад, Вячеслав Никонов остановился на новых вопросах, которые встают перед Россией в проводимой ею политике на Востоке. «Императивы XXI века, – процитировал он важный вывод

доклада, – заставляют взглянуть на Российскую Федерацию не как на европейскую или евразийскую страну, а как на страну евротихоокеанскую. Необходимо выдвигать стратегические инициативы в рамках всего континента, в первую очередь с учетом опыта европейской интеграции в экономической области». «Опереться на Запад, стабилизировать Юг и идти на Восток» – так вкратце, по мнению Никонова, могла бы сформулировать Россия свое геополитическое поведение на ближайшие десятилетия. Запад – основной источник высоких технологий и качественных инвестиций; Юг представляет основные источники угроз безопасности страны, в то время как Восток – рынки сбыта энергоносителей, сырья, технологий, новые направления двустороннего и международного сотрудничества.

Вопрос в том, насколько Россия готова к сотрудничеству со своими соседями по АТР. Насколько российский Дальний Восток сегодня конкурентоспособен с экономиками бурно развивающихся стран? Насколько удастся использовать все преференции политических взаимоотношений, экономических связей и географического положения?

На все эти вопросы, указал Вячеслав Никонов, еще предстоит дать ответы в процессе подготовки комплексной государственной программы действий по укреплению позиций России в АТР, работа над которой должна быть завершена до конца этого года.

Координатор Российского национального комитета АТССБ, руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая, поблагодарив докладчика, заметил, что Россия начинает четвертый в истории «поход» на Восток. Первый пришелся на середину XIX века, второй был в начале XX столетия, третий состоялся в советский период.

Выступили также содокладчики: ректор Дипломатической академии МИД РФ Александр Панов, директор Департамента стран Азиатско-

Тихоокеанского региона МИД РФ Бахтиер Хакимов и ректор Дальневосточного государственного университета Владимир Курилов. Они констатировали крайне незначительное участие России в экономической жизни и интеграционных процессах АТР. Весь российский экспорт в страны АТР не превышает суммарно 100 миллиардов долларов в год, заметил Хакимов. Причем половина этого объема приходится на несколько крупнейших стран региона. Программу-то можно написать, отметил Александр Панов, но еще важнее отыскать реальные пути достижения поставленных целей. Кстати, именно на это обратил внимание в Хабаровске президент Медведев, нацеливший экспертов и правительство на подготовку реально работающей, а не декларативной программы. Но пока, продолжил тему директор Института Дальнего Востока РАН Михаил Титаренко, роль экспертов и науки при разработке подобных документов весьма невысока; содержание программ

придумывали до сих пор чиновники, не принимая во внимание рекомендации и наработки экспертного сообщества.

Доклады, подготовленные нашими рабочими группами, успокоил собравшихся Вячеслав Никонов, положили начало практической работе по подготовке программы расширения участия России в делах АТР. И передал благодарность от администрации президента тем экспертам, которые участвовали в работе. Это внушило оптимизм декану факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ Алексею Воскресенскому, посетовавшему на то, что «проблема неиспользования экспертов – одна из больших в нашей стране». А председательствовавший на послеобеденном заседании Александр Панов в заключение круглого стола заметил: «Во многом благодаря усилиям Вячеслава Никонова экспертная жизнь вокруг проблематики АТР в России закипела». ❀

Евгений Верлин

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХРАМА В ЮРМАЛЕ

ВЛАСТИ ЛАТВИЙСКОГО ГОРОДА-КУРОРТА ВЕРНУЛИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗЕМЛЮ, НА КОТОРОЙ КОГДА-ТО СТОЯЛ ХРАМ, ВОЗВЕДЕННЫЙ В ЧЕСТЬ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

В РАЗГАР КУРОРТНОГО СЕЗОНА СОТНИ ЛЮДЕЙ собрались на главной пешеходной улице города Юрмалы. Но не для того, чтобы, как здесь водится в это время, поглазеть на заезжих эстрадных знаменитостей, выступающих в концертном зале «Дзинтари», где проходил музыкальный конкурс «Новая волна». Жители и гости города с волнением наблюдали за торжественным богослужением, которое возглавлял митрополит Рижский и всея Латвии Александр. Прямо под открытым небом в этот жаркий день на улице Йомас был совершен молебен и прочитан акафист пресвятой Богородице. Он совершался у Казанской иконы Божией Матери, которую по этому случаю доставили в Юрмалу из рижского храма Рождества Христова. Почему именно здесь, с недоумением спрашивали непосвященные. Что здесь произошло? Что ж, это действительно малоизвестные и довольно темные страницы нашей истории...

Почти 50 лет назад на этом месте за одни сутки был стерт с лица земли единственный в Латвии храм, построенный в честь одной из самых почитаемых русскими православными святынь – Казанской иконы Божией Матери. Зная о печальной участи, уготованной их церкви, священники и прихожане тайно выносили под одеждой священные книги, образа, фрагменты

иконостаса, церковную утварь. Все спасенные святыни были переданы в соседнюю церковь, где хранятся и поныне. Сносу православной церкви в Дзинтари предшествовала широкая антирелигиозная кампания в прессе.

Особенно досталось настоятелю храма отцу Серафиму Шенроку. В главном партийном рупоре республики, газете «Советская Латвия», его обвинили в одурманивании народа и заклеили позором. Фельетон назывался: «Поп – толоконный лоб». В 1962 году храм снесли, говорят, по ходатайству директора находящегося по соседству Дома творчества художников, задумавшего построить здесь выставочные залы и павильоны. Впрочем, главным виновником ликвидации церкви в народе все же считают Никиту Сергеевича Хрущева, который незадолго до описываемых событий посетил Рижское взморье и выразил недовольство по поводу оплота религии в самом центре знаменитого советского курорта...

Казанский храм в Дзинтари (в ту пору – Эдинбурге) возвели в 1896 году по инициативе Рижского православного братства. Это была красивейшая церковь, деревянная, очень изящная, стройная, украшенная тонкой резьбой и золочеными главами. Автором проекта был известный рижский архитектор Кизельбаш, он не взял ни копейки за работу. Построенный на средства благотворителей, среди которых была Мария Николаевна Мансурова, бывшая фрейлина императорского двора, мать сестер-основательниц Рижского женского монастыря, храм блистал своим великолепием. На средства жертвователей был изготовлен иконостас с чудесной резьбой, приобретены церковные колокола. Неподалеку от церкви построили два скромных двухэтажных дома для священнослужителей и домик для сторожа. (В советские времена здесь разместили детские сады.) Строить церковь начали в 1893 году, через три года

Торжественный молебен в Юрмале по случаю возвращения церкви ее земли был совершен у Казанской иконы Божией Матери

1960 год.
По воскресеньям
в храме пел
великолепный
церковный хор,
послушать который
в Дзинтари приходили
не только жители
Юрмалы, но и
отдыхающие здесь
деятели искусств

храм освятил архиепископ Рижский и Митавский Арсений, именно при нем в Латвии была возведена большая часть православных храмов. В довоенные времена эдинбургский храм ежегодно принимал чтимые православные святыни – Якобштадтскую икону Богородицы, ее привозили сюда из соседнего Екабпилсского монастыря, и чудотворную Псково-Печерскую икону Богородицы... В храме служил и предстоятель церкви архиепископ Иоанн Поммер, ныне – святой латвийской земли.

Война не затронула здание православного храма, что само по себе уже было чудом. В 1944-м здесь проводил службу митрополит Сергей Воскресенский, проживавший некоторое время в доме при церкви (глава Псковской православной миссии стал прототипом одного из главных героев нового художественного фильма В. Хотиненко, «Поп»). После войны церковь действовала еще 17 лет.

Среди собравшихся на богослужение в Юрмале был протоиерей Никольской церкви (г. Тукумс) Иоанн Шенрок – сын последнего настоятеля эдинбургской церкви. Он был еще ребенком, но хорошо помнит тот день, когда на его глазах уничтожали Казанскую церковь: «Храм поручили снести юрмальской бригаде, но они отказались рушить

И Господь
услышит
наши
просьбы...

любимую церковь горожан, тогда привезли рабочих из Риги. Я пришел из школы и за всем происходящим смотрел из окна нашего домика, прямо напротив храма. Приехал бульдозер, зацепил сначала одну стену и начал отрывать ее, потом вторую. Но заплакал я, когда снимали купола, так горько на душе стало, не передать...»

...По воспоминаниям сестры Иоанна Шенрока, Ларисы Серафимовны, на богослужения в церковь приходили не только местные горожане, но и отдыхающие из Москвы, Ленинграда. Здесь часто бывал Вертинский, утренние службы нередко посещали писатели и художники, отдыхавшие в юрмальском Доме творческих союзов. По воскресеньям в храме пел великолепный церковный хор, в котором была матушка Ларисы и Иоанна, Евгения Гавриловна. Когда храм разрушили, священника с семьей выселили из дома. Им пришлось переехать в другой поселок. В 2004 году Серафим Шенрок умер, оставив по себе светлую память.

«В начале 90-х на этом месте построили летний кооперативный ресторанчик, – рассказала Скайдрите Гутмане, ректор Латвийской христианской академии. – И оттуда все время доносилась громкая разудалая музыка. Я в те годы была лютеранкой, но когда проходила мимо, мне было больно видеть, как на этом священном, намоленном месте безобразничают люди. Однажды на встрече с одним депутатом Юрмальской думы я сказала ему: «Вы знаете, что здесь раньше была православная церковь? Как же можно устраивать тут дискотеки?» Тот депутат оказался верующим человеком, католиком, он ничего не знал про эту церковь. А после нашей с ним беседы дискотеки здесь запретили. Не важно, к какой конфессии принадлежит человек, важно, чтобы душа любила Господа! И сейчас, когда я сама стала православной, я так ликовала, когда узнала о молебне... Я уверена, церковь здесь обязательно будет построена, и скоро!»

Увы, не все так просто. Да, Латвийской православной церкви вернули землю, на которой стоял Казанский храм. Но незадолго до этого расположенные на этой территории старые уродливые помещения выставочных павильонов (в последние годы здесь размещался музей автотехники, вернее, автохлама) были внесены в земельную книгу. Теперь Юрмальская дума предлагает церкви купить эти сараи за непомерные деньги. «Мы бы очень хотели по мере наших возможностей воссоздать церковь такой, какой она была до ее разрушения, – поделился своими мыслями с собравшимися на молебен митрополит. – Денег на покупку этих прогнивших построек, которые давно было пора снести, у нас нет, и потом, нам надо собирать средства на строительство самого храма. Нам нужны вера и молитва. Помните, существовала такая древняя христианская практика, когда члены одной общины, находясь в самых разных уголках и местах, ежедневно в 21.00 все вместе погружались в молитву к Господу и Пресвятой Богородице? Если каждый из нас будет вечером возносить хотя бы одну-две молитвы, чтобы в Дзинтари вновь воссияла красота храма, Господь услышит наши просьбы. И эта земля вновь обретет свои святость и спасительность». ❀

Алла Берзовская

СОХРАНИТЬ И ПЕРЕДАТЬ

ОППОЗИЦИОННЫЕ ДЕПУТАТЫ ЛАТВИЙСКОГО СЕЙМА ФРАКЦИИ ЗАПЧЕЛ СОВМЕСТНО С ФОНДОМ ДЕПУТАТА ЕВРОПАРЛАМЕНТА ТАТЬЯНОЙ ЖДАНОВ РАСПРОСТРАНИЛИ ПО РУССКИМ ШКОЛАМ ЛАТВИИ ВИДЕОФИЛЬМЫ С ВОЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ХРОНИКОЙ И КНИГИ С ВОСПОМИНАНИЯМИ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ. В ОСНОВУ ЭТОГО ИЗДАНИЯ ВОШЛИ РАССКАЗЫ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ, ЗАПИСАННЫЕ ШКОЛЬНИКАМИ И СТУДЕНТАМИ В РАМКАХ КОНКУРСА «МОЛОДЕЖЬ – ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ». САМЫЕ АКТИВНЫЕ АВТОРЫ БЫЛИ ОТМЕЧЕНЫ ПОЕЗДКОЙ В БРЮССЕЛЬ.

КАК РАССКАЗАЛ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» один из организаторов проекта, доктор педагогики и депутат Сейма Латвии Яков Плинер, сначала был подготовлен буклет, посвященный освобождению Латвии от фашистских захватчиков. В нем представлена хроника боев за латвийские города весной и летом 1944 года. В ходе кровопролит-

ных сражений, в которых погибли 150 тысяч солдат и офицеров Красной армии, были освобождены от немецких захватчиков Резекне, Даугавпилс, Елгава, Рига, Лиепая, Вентспилс... Сегодня в этих городах, вопреки воле властей, жители отдают дань памяти павшим героям, ухаживают за памятниками, воинскими захоронениями, принимают участие в памятных мероприятиях, организаторами которых выступают ветеранские и культурные общественные организации при поддержке посольства России.

«В нашей стране целенаправленно проводится ревизия истории, в ходе которой черное становится белым – легионеры СС и бандиты превращаются в народных героев и борцов за освобождение Латвии, а ветераны войны – в оккупантов. С подачи ангажированных придворных «историков» фашистские концентрационные лагеря цинично выдаются за трудовые исправительные учреждения, – с горечью говорит депутат Плинер, педагог с 40-летним стажем работы. – В школах Латвии Вторая мировая война изучается в усеченном варианте, многие факты замалчиваются или подаются тенденциозно. Уже сегодня далеко не все ученики могут правильно ответить, кто на кого напал и кто в результате этой войны победил, а главное – почему война закончилась Нюрнбергским трибуналом. Не владея исторической правдой, молодое поколение не может в полной мере осознать значение Дня Победы, который празднуют все участники антигитлеровской коалиции. Поэтому мы и посчитали своим долгом восполнить эти пробелы в образовании молодежи».

Яков Плинер, сын солдата Великой Отечественной войны, родился в Резекне в 1946 году, но он помнит свой город в руинах. Мама рассказывала ему, как еще до прихода немцев местные полиция и активисты начали преследовать евреев. Ее сосед-латыш, с которым вместе росли и играли во дворе, со злорадством предупредил девушку: «Ну что, Мирочка, скоро вам всем...» и провел большим пальцем у своего горла. Она немного понимала по-немецки, поймав однажды германскую радиостанцию, услышала речь Гитлера и то, как он обещал, что после победоносной войны от

Слева направо: представители фракции «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ), депутаты Сейма Латвии кандидат технических наук Владимир Бузаев, доктор педагогики Яков Плинер, доктор педагогики Валерий Бухвалов

ния и вынесла вердикт, суть которого сводилась к тому, что ей тоже не нравится то, чем мы занимаемся, но она не имеет права запрещать

коммунистов в музее останется лишь голова Сталина и голова одного еврея. После чего ей удалось убедить всю родню срочно эвакуироваться из Резекне. Они успели уехать в последнем поезде в Горьковскую область. На следующий день в город вошли немцы...

Отец Якова Плинера служил в Латышской красной гвардейской дивизии, в которую собрали всех выходцев из Латвии, среди них были не только латыши, но и немало русских, белорусов, евреев. Плечом к плечу они прошли вместе дорогами войны, зная и прекрасно понимая, с кем и за что они воюют. Сегодня в Латвии предпочитают не вспоминать, что согласно планам гитлеровцев на территории Остланда (страны Балтии) планировалось большую часть латышей онемечить, остальных или уничтожить, или выслать в северные районы России.

После выхода буклета депутаты от ЗаПЧЕЛ вместе с рижскими студентами подготовили документальный фильм «День Победы – наш праздник», рассказывающий об основных сражениях Великой Отечественной войны. Вторая часть фильма была посвящена традициям празднования Дня Победы в Риге и других городах Латвии – это торжественные митинги, поддержание в порядке братских могил, праздничные концерты и поздравления ветеранов войны. Диски с видеоматериалами были разосланы по школам Латвии. Авторы рекомендовали классным руководителям посмотреть с учениками хронику военных лет и обсудить увиденное на классных часах или уроках истории.

Но инициатива депутатов из оппозиции вызвала неудовольствие политиков из радикальной партии «Тевземе ун Бривибай» («Отчизне и свободе»), которые обратились с заявлением в Генеральную прокуратуру республики с просьбой проверить, не был ли нарушен закон о запрете пропаганды коммунизма. «Прокуратура передала заявление в полицию безопасности, по их просьбе я предоставил им наш фильм, – рассказывает Яков Плинер. – После просмотра они признали, что закон мы не нарушили. Но наши не в меру ретивые коллеги на этом не успокоились, они написали депутатский запрос министру образования Татьяне Коке, требуя от нее, чтобы она запретила рассылать наши материалы по учебным заведениям. Министр тоже запросила фильм для изуче-

депутатам Сейма что-либо дарить школам. Мы решили продолжать нашу деятельность, поскольку считаем своим святым долгом сохранить и передать следующим поколениям память о Победе советского народа в Великой Отечественной войне».

В течение года силами студентов при поддержке левых депутатов было снято еще несколько любительских фильмов, посвященных 65-летию Победы, в том числе хроника освобождения Латвии от фашизма, выпущены диски с песнями военных лет. И все эти материалы также раздавали по школам, дарили ветеранским организациям. За этот же период были подготовлены и проведены различные конкурсы, участники которых предлагали свои проекты и идеи по организации мероприятий на военно-исторические темы. Что интересно, участие в конкурсах принимали не только молодые люди, но и старшее поколение. Так, 75-летняя пенсионерка Геновефа Черковска, в прошлом учительница латышского языка, прислала обширную работу в несколько печатных страниц с фотоиллюстрациями с воспоминаниями о том, как в их школе в 1970-х годах велась работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ребята приглашали к себе на уроки ветеранов войны, сами проводили большую исследовательскую работу, разыскивали пропавших без вести, ухаживали за братскими могилами и кладбищами. Конечно, учительница тоже была отмечена дипломом и памятным подарком.

Завершающим аккордом проекта «Сохраним память о Великой Отечественной войне» стал выпуск книги «Нам дороги эти позабыть нельзя», в которой были собраны воспоминания ветеранов войны, бывших узников концлагерей и тех, кто работал в тылу, приближая Победу. Эти воспоминания слово в слово записали ученики нескольких русских школ, расспросив своих пожилых родственников, соседей, знакомых. Возможно, не все тексты написаны безукоризненным литературным стилем, но тем пронзительнее читается каждый рассказ. В августе и сентябре книга будет также разослана по школам Латвии, несмотря на то, что это не по нраву некоторым национально озабоченным местным политикам. ❶

Алла Березовская

Елена Панина

ЖИВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

НИКТО НЕ ВЕРИЛ, ЧТО ЭТО ПОЛУЧИТСЯ. ВСЕГО ГОД НАЗАД ПЕРВЫЙ ВСЕЯПОНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В ПОДДЕРЖКУ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СУЩЕСТВОВАЛ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ВИДЕ ДЕРЗКОЙ ИДЕИ ОСНОВАТЕЛЕЙ ТОКИЙСКОЙ ШКОЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ «ЛИНГВАДАР». И ВСЕ ЖЕ 17 МАЯ 2010 ГОДА В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ «ТАУЭР ХОЛЛ ФУНАБОРИ» В ТОКИО ФЕСТИВАЛЬ «ЖИВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» ПРАЗДНОВАЛ СВОЕ ОТКРЫТИЕ И ВСТРЕЧАЛ ПЕРВЫХ ГОСТЕЙ.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД немногочисленное русскоязычное население Японии, сосредоточенное преимущественно в Токио, не имело ни одного культурно-просветительного учреждения. Дети, рожденные в дальнем зарубежье, стремительно ассимилировались. Даже подчас вопреки настойчивым попыткам родителей помочь им не забыть русский язык с помощью домашних занятий. Но что в одиночку могут сделать родители, особенно если речь заходит об интернациональных семьях, когда ребенок, появившийся на свет в другом государстве, автоматически усваивает язык этого государства как основной? Прогноз неутешителен: год-другой в новой языковой среде – и молодое поколение утрачивает связь со своими культурными корнями. Тяжесть ситуации усугублялась еще и тем, что, в отличие от европейских стран или США, где носители русского языка исчисляются миллионами, а история организованной эмиграции – десятилетиями, относительно

молодое русское сообщество в Японии разрозненно. Так что традиционно русский вопрос «что делать?» буквально висел в воздухе.

Заговори, чтобы я тебя увидел

В 2006 году небольшая группа наших соотечественников-энтузиастов решила изменить ситуацию. «Мы видели, как дети росли, как они теряли язык, как углублялись то в японский, то в английский – только не в русский. Возникало ощущение, что мы совершенно бессильны что-либо сделать. Для нас вопрос ставился ребром: как погрузить свое чадо в русскую языковую среду и сохранить связь с культурными корнями?» – говорит директор частной русской школы дополнительного образования «Лингвадар» Елена Корээда. Лучший способ найти школу для своего ребенка – создать ее самому. Елена Корээда так и решила сделать. Именно она оказалась в числе тех самых родителей, которым было далеко не безразлично, на каком

языке будут разговаривать их дети. Коллектив единомышленников-родителей взялся за дело: нашли помещение, купили парты, доски, книги, методические пособия, развивающие игры и видеоматериалы. «В первые три-четыре месяца пришлось столько детей, что мы были вынуждены проводить занятия уже не только по субботам, как изначально планировалось, а гораздо чаще. Вскоре к нам потянулись родители с детьми со всего Токио», – рассказывает Елена.

Методику преподавания и воспитания сотрудникам «Лингвадара» пришлось самостоятельно выстраивать с нуля. Способы, которыми учебники со всего мира попадали в токийскую школу, не поддавались исчислению и поражали воображение. Каждый родитель, отъезжающий на родину, давал обещание во что бы то ни стало привезти детям обучающий вспомогательный материал: книги, тетради, прописи. В условиях нехватки учебных материалов и методических пособий задействовались все известные подходы для максимальной интеграции ребенка в атмосферу живого общения.

«У детей должен быть дом, который будет их ждать, дом, который будет оборудован так, чтобы у них существовала возможность целиком и полностью погружаться в русскоязычную среду. Потому что в пустом классе, где есть только стол, стулья и доска, нет души. А если нет души – не возникает и мотивации. Совсем другое дело – свое собственное пространство, где каждая картинка, каждая вещичка создана руками ребенка, – объясняет Елена Корээда. – Неоценимый вклад в создание атмосферы теплоты и уюта внесли педагоги. Все это создает для ребенка такие условия, когда он чувствует, что здесь его любят, ждут и понимают. Вот тогда ребенок раскрывается, хочет здесь остаться. Приходят мамы, а дети плачут и говорят: «Оставь меня здесь!» Два года спустя активно развивающийся «Лингвадар» уже располагал серьезной командой преподавателей и насчитывал порядка 40 учеников, многие из которых начали посещать первые уроки в возрасте двух лет. Темы и направления преподавания

Учащиеся школы
«Лингвадар»
в мюзикле
«Муха-Цокотуха»

были разработаны с учетом новаторского опыта педагогов-русистов. Желание совершенствоваться в какой-то момент привело основателей школы к четкому пониманию необходимости перехода на следующий этап. Помимо занятий детей надо было объединить еще и неформальным общением, найти не-

кую «площадку», которая давала бы пространство для самовыражения, простор для полета фантазии. Общий праздник? Но в «Лингвадаре» и так регулярно проходили внутренние праздники и пикники. Нужно было что-то другое. Более открытое, более значимое, более масштабное. Елена предложила фестиваль.

Ключевое слово

В 2009 году в токийском православном Александро-Невском храме Елена Корээда случайно познакомилась с представителями фонда «Русский мир», они как раз занимались поиском организации, на базе которой можно было бы основать в Токио Русский центр.

В результате долгих и обстоятельных бесед с исполнительным директором «Русского мира» Вячеславом Никоновым обоюдная заинтересованность перерастает в стратегию совместной работы, поворотным пунктом которой стало решение об открытии осенью 2010 года Русского центра на основе школы «Лингвадар».

Впервые с момента создания «Лингвадара» его основатели почувствовали себя не на обочине зарубежья, а в самом центре русского культурно-просветительного процесса. Сотрудничество с фондом «Русский мир» позволяло кардинальным образом решить сразу две ключевые проблемы – технологическую и коммуникативную. Именно с такими проблемами неизбежно сталкивается любое индивидуальное начинание соотечественников

Ансамбль школы
при посольстве
РФ в Японии
«Россиянка»

за границей. Огромные возможности взаимодействия с коллегами из других стран, обмен опытом, участие в тематических конференциях, регулярное повышение квалификации преподавателей и доступ к инновационным методикам обучения – все то, о чем три года назад можно было только мечтать, теперь стало доступным. Давно назревший замысел проведения фестиваля теперь тоже оказывался близок к реализации как никогда. Более того, он обретал новое звучание.

На очередной встрече с сотрудниками фонда «Русский мир» Елена Корэда предложила провести крупное литературно-музыкальное мероприятие, которое смогло бы не только объединить детско-юношескую аудиторию, но и сформировать у нового поколения восприятие русской культурной действительности в ее живом, неискаженном виде. «Нам всем очень хотелось преподнести что-то правильное, истинное, первозданное. То, что изменит статус русского языка и русской музыки здесь, в Японии», – подчеркивает Елена Корэда.

Грантовая программа фонда «Русский мир» как раз предполагала финансовую поддержку подобного рода начинаний.

Настоятель храма
Св. Александра
Невского в Токио
протоиерей
Николай Кацюбан

Связанные одной целью

Миссия фестиваля «Живое русское слово» оказалась созвучна настроениям и ожиданиям большинства соотечественников. Родители и преподаватели, руководители общественных и коммерческих организаций энергично подключались к проекту. Для мотивации им доста-

точно было понимания, что дети, вырастающие в среде популярных японских стереотипов о России, успеют потерять интерес к подлинной русской культуре, так ни разу его и не испытав. Причем это в равной степени относилось как к детям из интернациональных семей, так и к полностью русским, чьи родите-

«Вдруг какой-то
паучок-старичок...» –
звучало на двух языках

ли имели возможность лишь эпизодически бывать на родине.

«Мы старались всколыхнуть в детях и взрослых память, затронуть их внутренние струнки и душевные нотки, дать понять взаимосвязь времен, поколений, народов современности и прошлого. Показать какие-то пути, которые для многих существуют только на невидимом уровне – не все ведь знают, куда нужно идти и к чему стремиться. Мы делали все возможное, чтобы немного поднять всех над обыденностью, чтобы люди хоть на секундочку могли стать теми, кем они на самом деле хотели бы быть вне зависимости от жизненных перипетий», – объясняет Елена. Движение к намеченной цели заняло год подготовительной работы. Соединяя приобретенную японскую основательность с русским беззаветным подвижничеством, энтузиасты «Лингвадара» по кирпичику складывали то, что изначально задумывалось как детский праздник, а воплотилось в трехдневное культурное событие международного уровня. К организации подключились посольство РФ и токийское представительство Россотрудничества.

К участию пригласили известных людей, в том числе композитора Александра Шульгина и пианиста-

виртуоза Юрия Розума. Александр Шульгин преподнес в дар «Живому русскому слову» премьеру трех своих произведений, одно из которых – специально созданная в преддверии мероприятия фортепианная пьеса «Алтайская». «Музыка создается автором на уровне чувств, на уровне подсознания, в музыку вкладывается та основа, что есть в человеке, состоящая из данного ему свыше таланта и приобретенного опыта жизни. И точно так же на уровне чувств музыка воздействует на своего слушателя, образуя соучастие в Диалоге, – говорит Александр Шульгин. – И я стремился к тому, чтобы поколение русских детей, родившихся в Японии и никогда не видевших Россию во всем ее величии, имело возможность сквозь музыку хотя бы отчасти преодолеть пространственно-временной разрыв. Чтобы они, пусть даже немного, но соприкоснулись с этими впечатлениями, с моими музыкальными образами, прочувствовали это ощущение переживания, которое могли бы испытать, приехав на Алтай, на Валаамский архипелаг или на Байкал».

Накануне открытия интерес к фестивалю возрастает многократно. На церемонии открытия хотят присутствовать посольства Италии,

Франции и стран СНГ, представители японской общественности, студенты и преподаватели гуманитарных факультетов, деятели науки и образования – все, кто в силу тех или иных обстоятельств ставит значение русской культуры выше праздного безразличия.

И все получилось. Именно так, как было задумано. Четырехчасовой концерт в день открытия, на котором более 130 юных участников из разных творческих коллективов и школ делили сцену с профессиональными артистами и общепризнанными мэтрами. Круглый стол, предоставивший право на точку зрения максимально широкому кругу докладчиков – от преподавателей ведущих университетов до поэтов и музыкантов. И аккорд финального дня – сольное выступление Юрия Розума. «Я восторгался общим движением души, – делится впечатлениями Юрий Розум. – Потому что прежде всего это была инициатива неравнодушных сердец. Особая эмоциональная наполненность этого явления происходила из того, что оно было рождено энтузиазмом обыкновенных людей. Это не было никем навязано, это не было никем продиктовано. Это было непреодолимое веление души. Русские люди, которым захотелось что-то сделать для своей культуры на далеком расстоянии от родины. И в этом главная особенность этого фестиваля».

Когда оказываешься на пронизывающем удалении от страны, где родился и вырос, невидимая глазу связующая нить внезапно натягивается до звенящего напряжения. Естественная потребность говорить, думать и чувствовать на родном языке обостряется до жизненной необходимости. Желание передать детям то лучшее, что есть в тебе самом, оказывается спаянным с родным словом, родной музыкой, родной культурой. И именно тогда настойчивое стремление спасти и сохранить духовную сопричастность с незыблемой русской цивилизацией становится пронзительно осмысленным предназначением. Созидательной силой вне границ и расстояний. ■

Ирина Лукьянова

СТАРОЖИЛЫ, ЗАПОМНИТЕ!

ЖАРАМИНУВШЕГО ЛЕТА – НЕ ПЕРВАЯ И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ В РОССИИ. ЗАСУХИ У НАС СЛУЧАЮТСЯ РЕГУЛЯРНО. ПОСЛЕДНЯЯ, КОТОРУЮ ЖИВО ПОМНЯТ ЖИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ, СЛУЧИЛАСЬ В 1972 ГОДУ. И ГАЗЕТНЫЕ ЗАМЕТКИ ТОГО ВРЕМЕНИ УДИВИТЕЛЬНО ПОХОЖИ НА СЕГОДНЯШНИЕ.

ЖАРА И ПОЖАРЫ НЕ БЫЛИ ГЛАВНОЙ темой советской печати. О них писали на последних страницах, мелким шрифтом. Первые полосы были заняты новостями с полей страны. Награждение Фиделя Кастро орденом Ленина, переход к всеобщему обязательному среднему образованию, вьетнамская война, визит Джейн Фонда в Северный Вьетнам – вот главные новости лета-1972.

Первые сообщения об аномальной жаре, приходящие из разных точек страны, появляются в газетах в июне – совсем крохотные, где-нибудь возле телепрограммы. 13 июня «Известия» сообщили, что под Пицундой в поселке Кабардинка после недели «настоящего летнего зноя» разгорелся пожар на горе. Причиной пожара стала «шалость детей с огнем». Лесники самостоятельно справиться с пожаром не смогли, тогда на помощь им пришли туристы – отдыхающие с турбаз и из домов отдыха. «Особенно отличилась группа туристов с турбазы «Солнечная». Ночью они совершили восхождение на гору к очагу пожара и не отступили, пока на рассвете не был потушен опасный пожар».

Восьмого июля в статье «Жаркие Соловки» говорится: «Уже две недели жара под тридцать стоит! Курорт на Соловках, да и только! – говорят северяне». Люди купаются в Белом море, и только «вынесенные для просушки тулупы, полушубки и валенки напоминают о том, что Полярный круг – вот он».

Синоптики, как и во все времена, разъясняли гражданам, почему «на Белом море жарче, чем в Крыму» (это из газетного заголовка): начальник отдела Гидрометцентра СССР А. Снитковский рассказывал об «обширнейшем антициклоне, установившемся над Уралом» и не пропускающем холодные массы воздуха. В 1941, 1946, 1948 и 1956 годах июль в Москве был жарче нынешнего, рассказывал синоптик. Между тем с Дальнего Востока шли совсем другие сводки: с Сахалина

писали, что «такого дождливого лета старожилы не припомнят».

Двадцать второго августа заметка в «Известиях» называлась «Старожилы, запомните!»: в Москве впервые за всю историю синоптических наблюдений температура во второй половине августа достигла 36 градусов. Но абсолютные температурные рекорды были все-таки поставлены летом 2010 года. 23 августа синоптики уже радовали: жара отступает.

«ПИТЬЕВОЙ КРИЗИС»

Четырнадцатого июля страдающим от жары горожанам давала советы кандидат медицинских наук Н. Иванникова: «Прежде всего надо научиться предупреждать перегревание». Для этого врач советовала соблюдать питьевой режим: 60 процентов воды выпивать на работе, остальное – во второй половине дня, все это – маленькими пор-

PHOTOXPRESS

циями по 50–100 граммов – ведь взрослому здоровому человеку в жару в день нужно 7–8 литров жидкости, с учетом пищи. Пить рекомендовалось зеленый чай, фруктовые и слегка подсоленные овощные отвары, носить «хлопчатобумажные и льняные ткани светлых тонов», не давать детям перегреваться (рассказывалось о симптомах перегрева) и в жару чаще купать их или «обливать из лейки [только не на солнце!]».

С середины июля стало понятно, что жара – это, по-ленински говоря, всерьез и надолго. Газетные публикации середины июля слабо отражают возмущение горожан тем, что на пляжах «негде яблоку упасть», в парках грязно, а в городах не купить воды, лимонаду и квасу. Об этом 17 июля писал в «Известиях» москвич А. Поляков: «Установлены тысячи автоматов, но добрая половина из них не работает, а оставшаяся работает с перебоями. Около автоматов нет размена монет». Кваса поч-

ти не продают – «у каждой цистерны хвост людей с бидонами», а стоять на жаре трудно. Заканчивалась публикация советом «соответствующим министерствам» увеличить производство кваса и пива. А позже, 12 августа, в статье «Утоление жажды», посвященной невозможности купить прохладительные напитки в жарком летнем Курске, грозно констатировалось, что «питьевой кризис» создает управление пищевой промышленности города, которое «плохо занимается строительством нового завода безалкогольных напитков». Так что на появление их в розничной сети в достаточном количестве уже этим летом рассчитывать не приходилось.

Двадцать первого июля в заметке «Жаркое лето парков» говорилось, что лето, когда горожане рванули отдыхать в тени, стало экзаменом для парков: нагрузка на них многократно возросла. В одних – «смотры, фестивали самодеятельного искусства, праздники», другие – неблагоустроенные, в них нет аттракционов, «днем с огнем не сыщешь бутылки лимонада»... Жители страны откликнулись на статью потоком жалоб на близлежащие парки: грязно, мусорно, детям негде играть, возле спортплощадок не предусмотрены раздевалки, нет даже тишины, жаловался один измученный горожанин: в парке – гонки мотоциклистов.

Вообще же, слова «жаркий», «горячий», «огонь» и «пламя» газетами использовались очень часто – но почти исключительно в переносном смысле. «Жаркая страда», «жаркое лето торопит», «горячая пора» – это о ходе уборки урожая. И «пламя, зажженное учителем» – это вовсе не об учителе-поджигателе, и «жаркое лето Парижа» – о студенческих волнениях. А если попадается заголовок «Мрачные прогнозы» – то это о количестве жертв в автомобильных авариях на дорогах западных стран.

«ДЫМНАЯ МГЛА»

Между тем прогнозы погоды с конца июля если не мрачные, то неутешительные: «Август ожидается теплым на большей части территории страны». «Жаркий август» – так назывался один из прогнозов в «Известиях», и это редкий случай прямого смысла слова.

Уже с начала августа в прогнозах погоды для Москвы повторяются слова «дымная мгла». Температура держится на отметке 31–33 градуса. О причинах «дымной мглы» газеты почти не пишут – только 11 августа в крохотной заметочке ГАИ предупредило автомобилистов: «Уже несколько дней над дорогами висит голубовато-сизая дымка, образовавшаяся в результате горения торфа в нескольких районах Подмосковья». ГАИ призывало к бдительности в условиях ухудшившейся видимости.

Еще в начале июля лес начал гореть в Бурятии. Пилот И. Карпов написал в «Комсомольскую правду» возмущенное письмо: засуха, жара, лес и сам собой может вспыхнуть – «А тут еще люди,

не задумываясь, устраивают лесные фейерверки. Кто они? Дети, отдыхающие, браконьеры, туристы, геологи, механизаторы». Карпов приводит пример: тракторист поджег стерню, чтобы легче было работать, но не опалил ее предварительно – и огонь, вышедший из-под контроля, сжег 7 тысяч гектаров леса. «Если сожжен гектар леса – значит, украдено у государства 10 тонн кислорода, 40 тысяч метров ткани, многие килограммы лекарств, краски. Нужно привлечь для пропаганды ученых, биологов, медиков, художников, писателей», – призывал летчик.

«БОРЦЫ СО СТИХИЕЙ»

Однако никакой особенной пропаганды пресса не вела. О лесных и торфяных пожарах даже в августе, когда они всюду горели, не сообщалось как о самостоятельном событии – пожары, скорее, служили новостным поводом, чтобы рассказать о чем-то другом. Например, 12 августа в «Известиях» появилась статья «Борцы со стихией», посвященная новой разработке центральной лаборатории мелиоративных и гидровзрывных исследований Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. А в ней – рассказ о небольших подмосковных селах Алексеево и Васютино, вокруг которых торфяники и леса «внезапно загорелись – августовская сушь!». «Казалось, запылали небо и земля. Жители сел, оказавшихся в эпицентре пожара, стали заблаговременно покидать дома: по вековечному крестьянскому опыту они знали, что с таким огнем не поспоришь – всемогущ». Однако сильнее всемогущего огня оказалась разработка «Крот»: два трактора окопали села за несколько часов, в траншею засыпали взрывчатку, рванули, образовалась широкая полоса... «Огонь, подойдя к песчаным валам канавы, слизал островки сухой травы и заглох».

А 18 августа вышла большая статья Э. Поляновского «Огонь и люди». Некоторые фрагменты прямо как этим летом написаны: «Невеселое это зрелище – выжженный, опустевший лес». «Машины разъехались по участкам, жители лопатами, баграми и кто чем стали сбивать огонь». Один телефон в поселке испорчен, другой в магазине, но продавщица закрывает его и уходит: «У меня материальные ценности!» – и надо вызывать на дрезине связиста, чтобы телефон вывели наружу... Одним ни до чего нет дела, другим есть до всего: когда загорелась соседняя деревня, Зинаида Рыбина, председатель Новоагарского сельсовета, хотя у нее дома грудной ребенок, «тут же организовала людей, стала сама на рубеже огня», «днем и ночевала там», а ребенка ей мать приносила кормить – пешком за несколько километров. Меняется мало что – даже причина пожаров: пьянство, брошенные окурки, битое стекло, собирающее солнечные лучи, как линза, несоблюдение техники безопасности.

БИЧ ОГНЕННЫЙ

Древнейший из известных нам русских сборников законов – «Русская правда», составленная Ярославом Мудрым в XI веке, – приговаривал поджигателя и членов его семьи к принудительному рабству.

В 1092 году от затяжной неслыханной жары иссохли поля, леса даже в болотных местах сами собой воспламенялись. Голод, мор, болезни свирепствовали во многих русских областях, в Киеве с ноября 1092 по февраль 1093 года умерло около 7 тысяч человек.

В 1124 году, в правление Владимира Мономаха, случились редкая жара и засуха, а страшный пожар в Киеве, продолжавшийся два дня, уничтожил большую часть города, монастыри и около 600 церквей. Тогда же, как сообщается в летописях, случились два землетрясения в Южной Руси, а народ с ужасом наблюдал затмение солнца и звезды на небе в полдень.

В 1212 году в Новгороде в страшном пожаре сгорело 4300 дворов из 5000. В 1231 году в Новгороде во время затяжного голода вновь бушевал ужасный пожар, спасаясь от которого новгородцы бросались в Волхов, где многие и утонули. «Новгород кончался...» – писали летописцы.

В 30-х годах XIII века летом на Руси случилась ужасающая засуха, леса, болота воспламенялись сами. Как сообщают летописи, густые облака дыма затмевали свет солнца, а птицы, к ужасу людей, мертвыми падали на землю. Пожары, голод и болезни терзали страну.

В 1356 году пожар за считанные часы уничтожил почти всю Москву, в том числе Кремль и посады. Летописи сообщают, что «была тогда сильная засуха и буря была к тому же сильная... нельзя было тушить».

В 1371 году долговременная засуха на Руси вызвала столь густые туманы, что, как указывается в летописях, в двух саженьях нельзя было разглядеть лица человеческого. Птицы не могли летать и ходили по земле стаями, луга и поля высохли, скот умирал стадами, начался голод, и болезни косили людей.

В 1430 году от великой засухи на Руси истощились водоемы, земля, болота и леса горели. Как свидетельствуют летописи, люди не видели друг друга из-за дыма, звери, птицы и рыбы гибли, свирепствовали голод и болезни.

С 1453 по 1493 год Москва практически полностью выгорала не менее десяти раз.

С удебник 1497 года, изданный московским князем Иваном III (правил в 1462–1505 годах), приговаривал поджигателя к смертной казни.

С именем Ивана III связано введение первых противопожарных мер на Руси. В 1504 году издаются указы, по которым было запрещено без крайней необходимости топить летом бани и избы, зажигать свечи в домах в сумерках, а кузнецам и ремесленникам, использовавшим в своем деле огонь, было приказано строить плавильни и горны в стороне от жилищ. Была создана пожарно-сторожевая охрана, а по концам городских улиц было приказано установить специальные заставы-«рогатки», которые запирались на ночь. На этих заставах было организовано круглосуточное дежурство.

В 1547 году Иван Грозный издал указ, который обязывал москвичей держать на крышах домов и во дворах чаны с водой. С 1550 года царь приказал стрельцам участвовать в тушении пожаров. На тушение пожара стрельцы отправлялись с топорами, поскольку первым средством считалось не заливание огня водой, а разрушение близстоящих строений, чтобы огонь не перекинулся на них. Есть также свидетельства о том, что за определенную плату соседние дома не разрушались, а огораживались стрельцами бычьими кожами, натянутыми на деревянные рамы, – такими своеобразными щитами, которые постоянно поливались водой.

В 1560 году в сухое лето загорелся Арбат, Москва вновь сильно выгорела. Иван Грозный сам принимал участие в организации тушения пожара.

В 20-е годы XVII века в Москве была создана первая пожарная команда.

«В Павлово-Посадском районе два тракториста сожгли сухую солому, закопали ее, истлевающую, в землю. Через несколько дней неподалеку из-под земли рванул вверх столб дыма, а потом – огня». Председателя совхоза «Павловский» много раз просили убрать с поля сухую солому – «теперь эта солома взрывается, как порох».

Краснянский и Шляпенков в «Комсомолке» писали в статье «Огонь отступит»: «В Шатурском, Орехово-Зуевском, Егорьевском, Павлово-Посадском районах загорелись выработанные торфяники». Та же география, те же районы, те же погибшие березняки, то же напрасное ожидание ливня...

«МУЖЕСТВО – ПРЕГРАДА ОГНЮ»

«И в деревне Дальней, и в Павлово-Посадском районе, и во всей Московской области лесные и торфяные пожары не коснулись ни одного дома. От них не погиб ни один человек», – писали «Известия». В наше время приводят другие данные жертв пожаров 1972 года: 19 деревень сгорело, 100 человек погибло. Но тем летом можно было рассказывать только о героях.

Многое похоже на наши дни. Главное отличие, наверное, в тональности рассказа о тушении пожара. В 1972-м эта тональность была героической, приподнятая: «Мужество – преграда огню». «Много отваги и мужества проявили воины Московского ордена Ленина военного округа на тушении пожаров, возникших в торфяных районах Подмоскovie. Огню преграждают путь смелые люди, вооруженные современной техникой. Сутками работали воинские подразделения в очагах пожара. Воины смело шли в наступление на огненную лаву и заставляли отступать беду», – писали «Известия». А «Комсомолка» 15 июля повествовала об «огненном десанте» – десантных войсках, помогающих тушить пожар. «Комсомолка» же первой рассказывала о молодом трактористе Анатолии Мерзлове из Михайловского района Рязанской области. Мерзлов пытался потушить свой трактор, когда он загорелся на поле. Из статьи следует просто, что и хлеб, и трактор загорелись очень быстро – так быстро, что напарники молодого тракториста не успели прийти на помощь; Мерзлов торопился погасить огонь телогрейкой, потом стал отгонять трактор, а он забуксовал... Заметка называлась «Он спасал урожай»; потом историю Мерзлова подробно рассказал Константин Симонов, и Мерзлов начал стремительно превращаться в символ самопожертвования ради спасения урожая.

В конце августа стало холодать, антициклон ушел, в сентябре пошли дожди и загасили пожары. «Дымная мгла» пропала. О жертвах умолчали, героев наградили. А на страницах газет появилась совсем другая тема: Олимпиада в Мюнхене. 🏆

Анна Гамалова

В ПОЖАРНОМ ПОРЯДКЕ

СБОР ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ – ДЕЛО ПРИВЫЧНОЕ И ЧАСТО ВСЕНАРОДНОЕ. НО ЛЕТНИЕ ПОЖАРЫ 2010 ГОДА ПОКАЗАЛИ, ЧТО ПОМОЩЬ МОЖЕТ ВЫРАЖАТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО В СБОРЕ ДЕНЕГ И ВЕЩЕЙ, НО И В СРЕДИТЕЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ МИРНЫХ ГРАЖДАН И БЫСТРОЙ РЕАКЦИИ НА ТРЕБОВАНИЯ МОМЕНТА.

РИА НОВОСТИ

КОНЕЧНО, ЖАРА БЫЛА РЕДКАЯ И СТРАШНАЯ. Но огонь спокойно пожирал леса, перебегая через заросшие просеки и полосы опашки: техника старая, лесников почти нет, пожарных прудов нет, оповещения нет – о пожаре узнаешь, увидев дым в нескольких километрах от дома. Первые репортажи из сгоревших деревень были шоком – как старое кино о войне: Хатынь, Смоленщина – печные трубы и плачущие женщины на пепелище. Жара между тем делается все страшнее, дышать нечем, кажется, воздух кончается: весь выгорел. И невозможно спокойно слушать и читать, что говорят и пишут те, кто был в горящих регионах. «Там – война». «Верховой пожар – это только прыгать в машину и молиться, чтобы успеть выехать из леса». «Два лесника против моря огня – что они сделают?» Невозможно смотреть на съемки: растекшийся лужей металл, обожженные звери, паленые овощи на умерших огородах, крохотные люди против стены огня – и тихо сидеть дома: кому положено – тот потушит, а мы-то что? – по телевизору сказали, за неделю погасят.

МУРАВЕЙНИК

Началось, конечно, все с помощи погорельцам. Крупнейшим центром ее сбора стал Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской православной церкви – в устной речи его быстро сократили до «Синодального». Именно здесь, во дворе храма Св. Сергия Радонежского, добровольцы собрали, рассортировали и распределили по нуждающимся огромный объем помощи пострадавшим. Как откликаются люди – сужу по знакомым. Начало августа. Тяжелый, серо-желтый вонючий дым над Москвой. На выгоревших, пыльных газонах возле бирюзового храма, уходящего маковой в дым, – горы мешков с помощью и таблички с наименованиями вещей для сортировки. За день приходит до 500 человек, из них примерно 150–200 остаются, чтобы помочь разобрать вещи; люди разные – от бабушек в платочках до юношей с пирсингом. Каждые несколько минут приходят новые машины, выгружают новые сумки и мешки. Весь этот человеческий муравейник держится силами очень небольшого коллектива: всего трое штатных сотрудников плюс сестричества, плюс добровольцы. Их привлекали не только разбирать вещи, но и работать в офисе: систематизировать данные, связываться с горящими регионами, организовывать адресную помощь. Позади желтого здания Синодального отдела девушки комплектуют личные наборы по

АНТОН БЕРКASов

спискам для пострадавших, с фамилией и названием деревни. Кому-то памперсы для лежачего больного, кому-то электрочайник, теплые гамаши и женские вещи 64-го размера.

Ношеной одежды уже в первые дни принесли столько, что стало ясно: больше не надо. На ее разбор уходит масса сил и времени, а погорельцам она не нужна. Нарядные, но надоевшие хозяйке офисные костюмчики на тоненькую девушку... партия непроданных вечерних накидок со стразами и пухом... Венец абсурда – искусственная елка и лыжные ботинки без лыж, тоже пожертвованные погорельцам. А немолодым тетускам и бабушкам нужны были вещи больших размеров, новое белье, колготки, халаты, ночные рубашки, мыло, посуда...

СПАСТИ СПАСАТЕЛЯ

Из регионов, куда увозили гуманитарную помощь погорельцам, хлынули назад плохие новости: лес сухой, при первом ветре полыхнет – и опять начнут гореть дома. Не хватает пожарных машин, шлангов, бензопил, людей. Тем, кто тушит огонь, помогать нужно больше, чем тем, кто пострадал от него. Нужны еда и вода, и лекарства от ожогов, и капли для глаз, и молоко, чтобы отпаивать отравившихся. Нужны рукавицы, мотопомпы, пилы, лопаты, запасные пожарные рукава – они быстро прогорают, – нужны садовые опрыскиватели, и ведра тоже нужны.

Мирные граждане, хмуро задаваясь вопросом, с какой стати они должны отличать рукава 51 мм

от 77 мм, занялись закупкой и доставкой. Добровольческие пожарные отряды стали создавать байкеры, автомобилисты, страйкболисты, геокешеры, экологи и обычные граждане. Москвичи больше связывались через «ЖЖ», в других городах – через местные форумы. Воронежцы, к примеру, искали друг друга через Большой воронежский форум. Чувашцы, собравшиеся через местный чебоксарский «На-связи.ру», тушили заповедник, отстояли дачный поселок, пустив встречный пал – а это требует серьезной квалификации.

Мирные граждане научились пускать встречный пал и точить бензопилы, обучили друг друга технике безопасности и первой помощи. Мирные граждане пошли в разведчики: именно так стали называть в том же Синодальном людей, передающих оперативные сводки с мест. Художникам, программистам и менеджерам среднего звена пришлось в пожарном порядке учить матчасть, на опыте разбираясь в ранцевых огнетушителях, мотопомпах, разветвителях и полугайках. Обучение добровольных пожарных дружин организовал Гринпис, в своих отделениях собрало и обучило волонтеров Всесоюзное добровольное пожарное общество. Люди оказались способны

АНТОН БЕРКАСОВ

АНТОН БЕРКАСОВ

к моментальной, независимой от существующих инстанций самоорганизации и самообучению. Люди перестали ждать, пока их спасут, и пошли помогать своим спасателям. От безысходности, от злости, от ужаса. Дом горит – надо тушить.

КООРДИНАЦИЯ

Оказалось, для эффективной работы не нужны заседания, селекторные совещания и канцелярская переписка – чаты в скайпе или ICQ, совместная работа над документами в Google и координация через ЖЖ-комьюнити и блоги позволяет делать максимум работы с минимумом издержек: нескольких человек за домашними компьютерами в разных точках земли достаточно для контроля сложных процессов.

Ручейки и реки помощи за несколько дней слились в общий поток. Крупным центром сбора помощи стал фонд «Справедливая помощь» Елизаветы Глинки, или Доктора Лизы. К середине августа в горячие регионы из него ушло 117 машин помощи (из Синодального – 208). Еще один крупный центр – квартира журналиста Игоря Черского, средство координации – его личный блог. Еще – ЖЖ-сообщество [rozar_ru](#), где постоянно обновляется информация о сиюминутных нуждах из горящих регионов. Заработала «Карта помощи», созданная Алексеем Сидоренко на платформе «Ушахида», – ее придумали в Кении и применяли на Гаити после землетрясения. Эта технология помогает быстро собрать и обработать информацию из различных источников,

проверить ее достоверность и показать в режиме реального времени на карте все актуальные просьбы о помощи и предложения помощи. Сотрудники «Карты помощи» помогают соединить одних и других. С 1 по 19 августа на «Карте помощи» появилось 1060 сообщений; из них 419 – «могу помочь».

Ситуационный центр реагирования на чрезвычайные ситуации (Scer.net.ru) принимает заявки на помощь и предложения помочь, отслеживает движение заявки от пункта сбора до пункта доставки. Круглосуточно идут предложения: «Фокус-седан. Помещается 5 бензопил и масло для них или 40 рукавов – без проблем и еще одно место остается. Готов ехать в сторону Рязани, Егорьевска, Шатуры». И сводки с мест: «прошел дождь, обстановка стабилизировалась»; «просят 24 рации»; «доставлены лекарства из Синодального отдела»... Заявки стекаются от всех крупных центров сбора помощи и координаторов на местах: командиров добровольческих отрядов, фермеров, руководителей, лесников.

НЕ ДО ТОГО

Дизайнер Маша – человек не идейный. «Горело в километре от моего дома, просто страшно, понимаешь?» Маша живет в подмосковной деревне с плохими дорогами, поэтому ездит на внедорожнике «УАЗ-Патриот». Ее объявление – «отвезу груз в субботу» – появляется на Scer.net.ru поздно вечером в пятницу. Через полчаса звонит координатор с заданием: надо ехать в лагерь до-

бровольцев в Шатурском районе. В субботу УАЗ загружается в Синодальном отделе, принимая по списку спальные мешки и защитные очки, берет на борт Ольгу, которая едет в лагерь на выходные, и координатора Настю. Ольга – главный бухгалтер, а Настя – сотрудник спортивной организации. У всех дети: младшей, Настиной, четыре, старшему, Машиному, шестнадцать. Настя командует: заезжаем на склад Синодального отдела, берем для ребят теплые вещи, ждем на МКАД Сашу, она привезет рукава для другого отряда. Саша – координатор другого отряда. Свой выходной она проводит, закупая для своих подопечных оптом пожарные рукава и договариваясь о доставке. Спросить, чем она занимается в мирной жизни, просто некогда: надо перегружать рукава из Сашиного «ситроена» в УАЗ, забирать накладную, быстро записывать контакты и стартовать.

Встреча в Егорьевске: за рукавами приезжают двое мужчин. На обоих, как и на Саше, лица нет от усталости. Рукавам они радуются, как лучшему подарку. Петр, начальник здешнего лагеря, большой бородач с цветными татуировками, – водитель такси. «Нам ничего не надо из бытового. Рукава нужны, помпы нужны. Пожарные свернули все и ушли, а поле продолжает тлеть, его все равно надо проливать – по-хорошему тонну воды на квадратный метр». – «Вас тут много?» – «Поразному: было с утра семь человек, вечером еще шестнадцать приехало. Люди приезжают, уезжают, надо встречать, устраивать... спим урывками, по три часа. Не поверите, бутылка водки есть – так три дня уже выпить не можем, не до того». Рукава перебросили из машины в машину, разъехались.

За Егорьевском уже воняет гарью, как недавно в Москве, через дорогу тянутся серые полосы дыма. В лагерь под Рошалью УАЗ добирается поздно вечером. Тихо. Пахнет не дымом, а соснами. Среди сосен стоят палатки, натянуты тенты, горят костерки, разведенные по всем правилам безопасности, слышно гитару и смех. Похоже на эльфийский лес во «Властелине колец»: среди деревьев движутся черные тени со звездами во лбу – с фонарем ходить удобнее. Спальники и теплые вещи выгружаются, документы подписываются, водитель Маша получает горячего чаю. Маша простужена, Юля, здешний координатор, тоже. «Юля, а вы кто по профессии?» – «Актриса. А вон там – телевизионщик, вон, в машине».

Это как война, говорят те, кто пытается удержать огонь. Ожоги, отравления дымом, вечно красные глаза и тяжелый физический труд. Никакой романтики, одна усталость. УАЗ уезжает плутать по темным дорогам и доберется в Москву к двум ночи, главбух Оля остается на воскресенье – спать на холодной земле, а с утра тушить горящую землю. «Жалко лес, грибной был – по

PHOTOPRESS

крайней мере, аллея березовая на пригорочке чудная... в прошлом... Дымное марево, дымящиеся корни березок, сосен, ивняк, широкий обпил зоны, шум бензопил, растаскивание веток, ветер, рукава, рукава, сосредоточенные добровольцы, чумазые девушки с рукавами на плечах, льющие воду... вспыхнувшее открытое пламя...». Видимо, надо было спросить, зачем они все это делают. Но на дурацкие вопросы просто сил нет.

ОПЫТ

Гореть, как обычно, будет до снега. Однако время для передышки и анализа опыта уже появилось. Еще долго придется справляться с травматическим опытом войны, которая будет долго сниться и мешать нормальной жизни.

Надо обсуждать Лесной кодекс. Надо решать массу вопросов о том, как все должно делаться по уму, а не по обыкновению: обсуждать отношения между пожарными, МЧС и добровольцами, думать, кому оставлять все эти закупленные на частные средства бензопилы и мотопомпы, решать что-то с гражданским оповещением, думать о пожарных прудах, просеках, опашке – реанимировать ничейный, бесхозный, выруб-

аемый под застройку и выгорающий, никому не нужный лес.

Надо помогать погорельцам, попавшим в юридические западни, – не прописанным в сгоревших домах или владельцам уцелевших домов в уничтоженных деревнях.

Надо восстанавливать заповедники. Надо убирать завалы на пожарищах. Надо сажать новые леса. О чем ни подумай – везде что-нибудь надо, и нет иллюзий, что после пожара оно само как-нибудь придет в норму и построятся, как надо. Так что добровольцам, полной мерой хлебнувшим горькой ответственности, еще есть чем заняться.

Астрофизики тем временем говорят, что активность солнца не спадает и надо снова ждать жаркого лета. ☹

Зоя Мозалева [Рязань]

ОПАЛЕННОЕ ЛЕТО

АНТОН БЕРКАСОВ

ПОСЛЕДНИЕ ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ, КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ, ЖИЛА В ОКРУЖЕНИИ ОГНЕННЫХ ФРОНТОВ. ПОЖАРЫ ЕСЛИ И ОТСТУПАЛИ, ТО НЕНАДОЛГО. С ЗАВИДНЫМ УПОРСТВОМ ОГОНЬ ВОЗОБНОВЛЯЛ АТАКИ, ПРИБЛИЖАЯСЬ ТО К ОДНОМУ НАСЕЛЕННОМУ ПУНКТУ, ТО К ДРУГОМУ. НОВОСТИ НАПОМИНАЛИ ХРОНИКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: «УДАЛОСЬ ОТСТОЯТЬ ПОСЕЛОК», «ЖИТЕЛИ ДЕРЕВНИ ЭВАКУИРОВАНЫ»... ОГОНЬ НИКАК НЕ ХОТЕЛ СДАВАТЬ СВОИ ПОЗИЦИИ.

ПЕРВОЙ ЖЕРТВОЙ ОГНЕННОЙ СТИХИИ стала деревня Свеженькая Шацкого района. Заповедный уголок на краю Рязанской области мало чем знаменит, разве что тем, что с ним нет никакой телефонной связи. Свеженькая, как пограничной чертой, перерезана на две части железной дорогой: с одной стороны Рязанская область, с другой – Мордовская Республика. Оттуда, из буйных мор-

довских лесов, и пришла неумная стихия. Огонь быстро перешагнул рязанскую границу, охватил башню около станции и начал один за другим уничтожать дома свеженцев.

Станислав Лихин родом отсюда, из Свеженькой, но большую часть жизни прожил в столице, служил летчиком. Выйдя на пенсию, вернулся с супругой в родные места. Станислав Николаевич известен на весь Шацкий район как редкий эн-

АНТОН БЕРКАСОВ

тузиаст малой родины. У него была мечта: из сохранившейся в Свеженькой дворянской усадьбы сделать краеведческий музей. Он обивал пороги высоких начальников, ездил в Министерство культуры РФ, чтобы добиться официального статуса для местной экспозиции. Собирал картины, рисовал сам... Поддерживал старинное здание в приличном состоянии, менял старые окна, обновлял потрепанный временем фасад... Огонь уничтожил будущий музей в считанные минуты. От мечты Станислава Лихина остался только пепел. Но усадьба оказалась не единственной жертвой огненной атаки. На пожаре в Свеженькой погибли люди. Страшная статистика аномальной жары – четыре жизни. Каждому из погибших было около 80 лет. Они просто не смогли выйти из своих домов, в мгновение ока охваченных огнем. Жители Свеженькой мобилизовали все силы на тушение пожара.

«Пришел пожарный расчет из Шацка, был прислан пожарный поезд, и сами мы, конечно, приложили все усилия – кто с лопатами, кто с ведрами, все тушили, как могли, – рассказывает глава Новосвеженского поселения Татьяна Покрынина. – Удалось отстоять большую часть деревни. Сгорело 10 жилых домов и 4 нежилых. У нас росли большие тополя, и они хоть немного от-

У Лидии Тарасовой из Криуши дом горел три раза, но она не помнит, чтобы огонь так быстро расправлялся со зданием

АНТОН БЕРКАСОВ

У семьи Володиных
сгорело все:
и работа главы
семьи, и школа,
в которой учился
Вадим

АНТОН БЕРКАСОВ

СПАСЕННАЯ МУХОБОЙКА

Семья Рачковых из поселка Ласковский едва не погибла, чудом выбравшись живыми из огня. «Пламя было огромное. Оно просто накрыло дом. Мы в чем были, в том и выскочили», – рассказывает Константин Рачков.

«Был сильный ветер, и сначала огонь шел снизу, а потом перекинулся на верхушки деревьев, – вспоминает жительница села Криуша Татьяна Брагина. – Ко мне прибежала соседка, сказала, чтобы я срочно вызвала пожарку. Я тут же позвонила, разбудила правнука и племянника. Скорее схватила пакетик с документами и в чем была, в том и выскочила – в халате и босиком. Так мы и спаслись. Слава богу, огонь пришел не ночью – если бы он застал нас спящими, жертв было бы намного больше...».

В Криуше одна женщина обгорела и потом в больнице скончалась от ожогов... После того как по селу прошла разбушевавшаяся стихия, деревня напоминала знаменитую Зону из фильма Андрея Тарковского «Сталкер». Потрескавшаяся земля, обугленные стволы деревьев и черные силуэты уцелевших под натиском огня печей... Сейчас, когда едешь по Рязанской области, вместо привычных шеренг деревьев, подступающих к дороге, то и дело появляются выжженные участки. Стволы мощных сосен и высоченных берез повалены друг

влекли пламя на себя... Это помогло справиться с пожаром».

Через несколько дней огонь начал захватывать новые территории области. Одно за другим поступали в буквальном смысле горящие новости: пожары в поселках Ласковский, Шехмино, Передельцы, Криуша, Долгино, Картаносово, Шустье, Чаур, Чуликса, Красная Нива, Колтуки... Карта Рязанской области вспыхивала все новыми и новыми огнями.

В тушении пожаров принимали участие курсанты десантного училища

АНТОН БЕРКАСОВ

на друга, как будто и деревья пытались убежать от огня...

«Мы с папой пошли купаться на озеро, – вспоминает 8-летний Вадим Володин из Ласковского, – и вдруг увидели, что загорелась трава. Мы сразу побежали домой. Издалека увидели, что дом уже горит. Мама собрала документы в пакет и вывела бабушку. У бабушки в руках зачем-то была мухобойка...».

Погорельцы в панике хватали самые неожиданные вещи. Среди такого спасенного скарба оказался, к примеру, микрофон для караоке... Кто-то спешил вытащить из дома пустые коробки, будто именно они были самым ценным для хозяев. Многие заперли двери загоревшихся домов, а ключи бережно хранили, боясь потерять, хотя ни замка, ни дверей, ни самого дома уже не осталось.

У семьи Володиных сгорело все: дом, школа, в которой учился Вадим, лодка, на которой рыбачил папа, чтобы снабжать семью свежей рыбой. В огне погибли любимая дворняжка и два кота – видимо, от страха забились в дальние углы дома... Сгорела даже папина работа – он служил охранником на даче у богатого соседа, которая тоже не устояла перед огнем. Теперь семья осталась без основного источника дохода. Мама Вадима страдает редким заболеванием – атрофией глазных нервов, ту же болезнь

АНТОН БЕРКАСОВ

унаследовал и Вадик. И у мамы, и у сына зрение потихоньку ухудшается. Из-за инвалидности Валентина Володина не может работать. Но теперь семье придется жить на пенсию по инвалидности. К счастью, есть помощь – и государственные выплаты, и региональные, и поддержка волонтеров. Сейчас семья Володиных живет в социальном центре «Семья» в Рязани. Но они твердо решили: как только будет возможность, сразу вернуться в родные места.

Гуманитарная помощь заполнила зал криушинского дома культуры

АНТОН СЕРКАСОВ

Алексей Ткачев уверен: главное, что живы близкие. Дом он готов строить заново

Николай Светличный надеется, что его сын забудет страшную картину горящего родного дома

ГОРЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

А вот семья Казьминых из того же Ласковского поселка, наоборот, выбрала жилье подальше от прежнего места.

«Не хотим жить на горелой земле, – объясняет Людмила. – У нас сгорело все. Мы с младшим сыном были дома, успели вытащить только документы и кота. Слава богу, спаслись... Но страха хватило. Поэтому когда предложили квартиру в Полянах, сразу согласились».

«По метражу у нас получилось то же самое, даже чуть больше, – добавляет Александр, глава семьи. – И квартира уже отделана –

можно жить. Нас все устраивает. Здесь останемся. Возвращаться, чтобы вспоминать тот ужас, не хочется».

Похоже, большинство не хочет верить в огненный кошмар. О своей «допожарной» жизни они не говорят в прошедшем времени. Все рассказывают о своих домах так, будто они по-прежнему стоят возле леса или у дороги, а вот тут – беседочка, сделанная своими руками, и яблоня, дедом посаженная, еще усыпана поспевающими яблоками. Им трудно поверить в то, что ни дома, ни сада, ни беседки уже нет...

Алексей Ткачев всю жизнь прожил в Ласково, не уезжал никуда, даже отпуск предпочитал проводить на родном озере, с удочкой. Дом они построили вместе с братом, своими руками. Сюда, на окраину поселка, в дом возле леса, Алексей привел свою жену, сюда три года назад принес из роддома новорожденную дочку... Вся жизнь связана с этим домом. Он запылился самым первым – со стороны леса полетели на крышу горящие ветки, загорелась кровля, и дом очень быстро охватил огонь. Алексей возвращался с работы и увидел, как семья выбегает на крыльцо. Он рванул навстречу, схватил на руки дочку, потом вместе с братом помогли выбраться жене и старенькой маме. Все, что взяли с собой, – это

АНТОН БЕРКАСОВ

пакетик с документами. Когда оглянулся, увидел, как рушится крыша...

«Главное, что близкие живы, – уверен Алексей. – А дом можно и заново отстроить. Придет зима, припорошит снегом пепелище, а весной на этом месте вырастет новая трава. Это наша земля. Другой у нас нет, да и не надо...».

ОТРИЦАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Николай Светличный из полностью сгоревшей деревни Передельцы даже думать не хочет о возвращении на прежнее место.

«Может быть, спустя много лет, построю на той земле дачку... Но жить там не хочу. Моему сыну Максиму 5 лет. На его глазах родной дом сгорел в огромном костре. Представляете, каково это...».

С Максимом пришлось серьезно потрудиться психологам, и вроде бы он успокоился. А потом, когда отец съездил на пепелище, привез кое-что, найденное на пожарище, мальчик опять закатил истерику. «Он все говорил, зачем, мол, ты это привез, – с болью рассказывает Николай. – Не нужно ничего чужого, ничего не бери, и деньги не бери, у нас все свое есть. Психологи говорят, что он не хочет признавать факт утраты и отрицает происшедшее. Обещают, что со временем это пройдет...».

Надежда Душенко оттуда же, из Передельцев. Прожила здесь 17 лет. Когда ее семья переехала на Рязанщину из Казахстана, стала работать сторожем в лесничестве. Хорошо помнит, как вместе с коллегами обходили лес, как, приметив дымок, вызывали пожарную часть. Надежда первой заметила, что на окраине деревни загорелся дом. Она сразу вызвала пожарных, но пока техника приехала, на месте домов остались одни пепелища. Сейчас Надежда Душенко находится в общежитии села Варские, где разместили погорельцев. В Передельцы она больше не ездила. И весть о выплатах компенсаций восприняла равнодушно. Она уже все решила для себя: оставить мирскую жизнь и перебраться в монастырскую обитель.

«Не может быть, чтобы такое наказание было нам не по заслугам, – рассуждает Надежда. – Значит, прогневили мы чем-то Создателя. Раз творится такой ужас...».

По местам пожаров верующие прошли с крестным ходом. «Взяв благословение» у мощей Василия Рязанского, паломники отправились по местам, наиболее пострадавшим от огня. Первым пунктом стал поселок Ласковский. Потом крестный ход переместился в село Борисово, где люди давно живут на чемаданах. Сушки, Агропустынь, Спасск – во всех населенных пунктах ждали крестного хода. Когда молебен совершался в поселке Приозерье, по мнению участников крестного хода, случилось чудо: сначала все небо было затянуто плотной дымовой завесой, а к завершению службы смог полностью рассеялся.

...Сегодня вчерашние пепелища превратились в строительные площадки. В большинстве районов приступили к расчистке сгоревших территорий. Во многих деревнях уже заливают фундаменты будущих домов. Люди выбирают, взять им компенсацию деньгами, перебраться подальше от мест, связанных с горькими воспоминаниями, или построить новый дом на старом месте... На месте выгоревших садов будут посажены новые деревья, которые будут приносить новые плоды... Жизнь продолжается... ❀

ГРАФСКИЕ ПРИСТАНИ

Севастополь.
«Одиссей»
на траверзе мыса
Херсонес

Михаил Быков

КТО-ТО НАВЕРНЯКА ЗНАЕТ ФАМИЛИЮ ЧЕЛОВЕКА, ПРЕДЛОЖИВШЕГО ТАКОЙ МАРШРУТ: БИЗЕРТА – ЛЕМНОС – ГАЛЛИПОЛИ – СТАМБУЛ – СЕВАСТОПОЛЬ. РОВНО ТАК, КАК 90 ЛЕТ НАЗАД В НОЯБРЕ–ДЕКАБРЕ 20-ГО. ТОЛЬКО ВЕКТОР ОБРАТНЫЙ: ИЗ ЧУЖИХ СТРАН – В РОССИЮ. РОДИЛОСЬ ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ – И ПРОЕКТ ФОНДА ВСЕХВАЛЬНОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО (ФАП) И ЦЕНТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛАВЫ РОССИИ (ЦНС) «МОРСКОЙ ПОХОД ПО МАРШРУТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ» ОБРЕЛ ИСКОМЫЕ ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ.

МОРСКОЙ ТРАМВАЙ, ДОСТАВЛЯЮЩИЙ АВИАПАССАЖИРОВ к главным островам плавающего города, стучит винтами по мыльной воде Венецианского залива. Навстречу проносятся морские такси вапоретто, разводя приличную волну. Качает. Проходим остров Сан-Микеле. Экскурсовод поясняет, что остров – кладбище, тут похоронен нобелевский лауреат Бродский. Сознание невольно выдает строки поэта «ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...». Угу, на Васильевский... Вот, оказывается, как переводится с итальянского Сан-Микеле. Выгрузка. Остается пройти с полкилометра до корабля. Вон он, белее

этажами в мареве набирающей силу жары! Дорога пахнет портом: рыбой, дизельным духом и гниющей у каменных причальных стенок мутно-зеленой венецианской водой.

По пути – сувенирная лавка. Нырять в темную прохладу и вижу, как за мной сворачивает добрая половина с нашего трамвайного борта. Пока мне пакуют сувенирную мелочь, мрачно ловлю себя на мысли – туристы! И сам я – турист!

Подходим к кораблю Aegan Odissey с кормы. На открытой палубе смотрит на нас с высоты князь Трубецкой в окружении двух десятков человек. «Французы», как сами себя с иронией называют потомки белых эмигрантов, добрались раньше. Князь машет рукой, по-хозяйски приглашая на борт.

Переход в Тунис

Выходим из Венеции к вечеру. Но прежде – молебен, служит епископ Женевский и Западноевропейский Михаил. И – освящение корабля. Лишь в последний день капитан признается, как неохотно он согласился на проход молящихся по кораблю с открытым огнем. Но все же дал добро наш флотоводец.

Вскоре становится ясно, что среди трехсот с лишним участников «Морского похода» единства по острым вопросам нет, равно как нет и желания быть толерантными вопреки убеждениям.

Застрельщики на торжественном открытии – владыка Михаил, Александр Трубецкой и первый вице-президент ФАП и ЦНС Михаил Якушев. Слово берет князь, интересуется, что это за концерт запланирован – «Рахманинов и Плевницкая: два имени – две судьбы».

«Если это та самая певица Плевницкая, я на концерт не иду», – итожит Александр Александрович.

Сидящая впереди женщина оборачивается: «А что тут такого?»

Мои соседи – немолодая дама с лиловыми глазами и средних лет господин с отменной выправкой – перегля-

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

Мальта. Ла-Валетта.
Приготовиться
к высадке

Тунис. Бизерта.
Панихида у могил
моряков Русской
эскадры

дываются. Мужчина на правильном русском, но с акцентом, объясняет: «Видите ли, Плевницкая была агентом ГПУ, помогла большевикам выкрасть в Париже генералов Кутепова и Миллера...» «Так, выходит, она работала на нас, на СССР!» – восклицает впереди сидящая. Мужчина с дамой вновь переглядываются. В паузе знакомимся. Она – Татьяна Константиновна Усова, дочь офицера, чья батарея держала набережную Севастополя в часы, когда оставшиеся части врангелевцев грузились на последние корабли. Ей далеко за 70, долгие годы работала в крупном парижском туристическом агентстве.

Он – Алексей Григорьев, внук офицера лейб-гвардии Драгунского полка, ныне – председатель Общества памяти галлиполийцев.

Я – больше не турист.

На следующий день по правому борту еще плывет мимо полоска итальянской земли. В начале восьмого – молимся. Затем доклады главы Государственного архива РФ Сергея Мироненко, председателя Общества памяти русской императорской гвардии князя Трубецкого, историка Сергея Волкова, профессора князя Дмитрия Шаховского, французского исследователя Рампельберга, дискуссия «Русские в Отечестве и в

Рассеянии». После обеда – доклады Ребиндера, Шидловской, Капниста, Киселевского и еще круглый стол «Кто мы: русские versus российские?». «Когда будем в Бизерте?» – спрашивает кто-то за ужином. «По расписанию через двое суток, семнадцатого», – отвечаем.

Турбины «Одиссея» рубят воду так, что на некоторых открытых палубах разговаривать трудно. Ближе к полуночи сплоченная компания, состоящая из Сергея Мироненко, государственного герольдмейстера Георгия Вилинбахова и заведующего отделом «Главный штаб» Государственного Эрмитажа Александра Дыдыкина, в составе которой я провел весь поход, занимает позицию на открытой корме четвертой палубы. Смотрим на бегущую из-под винтов неестественно синюю от электрического света воду, на пышные кружева белой пены – и молчим. За спинами голос: «Ну как?»

Полный мужчина с глубоким взглядом под роговыми очками останавливается рядом. Посол России в Святой земле (если официально – в Государстве Израиль) Петр Стегний. «Какие мысли?» – повторяет он и внимательно смотрит на нас. Не дождавшись ответа, говорит сам: «Трудно... Много надо знать обо всем этом, чтобы разобраться. А многие ли знают?»

Новое утро. Помимо докладов – показ документального фильма Елены Чавчавадзе из цикла «Русские без России», встреча с Ростиславом Доном, старейшиной белой эмиграции, родившимся весной 1920 года в Севастополе. Наконец, мероприятие, которое я бы назвал презентацией судеб. Владыко Михаил, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, князь Трубецкой и народный художник России Дмитрий Белюкин. Люди с такими разными судьбами – вот они, сидят перед нами как живое олицетворение того, что можно снять напряжение прошлого, так еще сковывающее многих в настоящем. Дальше всех уходит от личных воспоминаний в сторону необходимых обобщений Вячеслав Никонов: «Конечно, нужно говорить и помнить о прежних ошибках. Чтобы не повторять их в будущем. Но Русский мир – это не только воспоминания о прошлом, это также и мечты о будущем России...»

Крепость Ла-Валетты.
Это были лучшие
укрепления Европы

ФОТО АВТОРА

Исполнительный
директор фонда
«Русский мир»
Вячеслав Никонов

КЛИМ БЕРЕЗУЦКИЙ

Президент
ОАО «РЖД»,
председатель
попечительских
советов
Фонда Андрея
Первозванного
и Центра
национальной
славы России
Владимир Якунин

ФЕДОР МАСТЕПАНОВ

Вечереет. Идем на панихиду. Сегодня – память страстотерпцев царя Николая, царицы Александры, царевича Алексея, великих княжон Ольги, Татианы, Марии и Анастасии.

Бизерта, Тунис

Такая громадина, как «Одиссей», в порт заходит медленно. Впереди – гигантский разводной мост, делящий бизертинскую бухту на две части. За мостом пресное озеро, удивлявшее всех посещавших Бизерту еще с древности.

По берегам бухты – тысячи людей. То ли нас встречают, то ли ждут, когда мост сведут после нашего прохода. Но – машут, что-то приветственное выкрикивают. Может, узнали стяг, взвившийся на флагштоке «Одиссея»? Белый, с синим крестом из угла в угол!

В 1920-м Русскую армию бывшие союзники по Антанте разбрасывали по Средиземноморью. Черноморцам досталась дальняя точка: военноморская база Франции Бизерта. Сюда в декабре того же года адмирал Кедров привел 33 судна Русской эскадры, в том числе линейные корабли «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец», крейсера «Генерал Корнилов» и «Алмаз», эскадренные миноносцы класса «Новик». Позже подошли еще два корабля. Казалось, стоянка в Бизерте ненадолго. Оказалось – навсегда. Экипажи, их семьи и другие беженцы общим числом свыше 6 тысяч жили в каютах и кубриках четыре года. Французы предоставили и приют, и тюрьму одновременно. Но над кораблями развевались Андреевские флаги, на «Победоносце» открылась церковь и школа для девочек,

на «Корнилове» заработал Морской корпус, на базе «Кронштадт» – мастерские. Флот продолжал жить.

Он умер, когда в октябре 1924 года Франция признала Советское правительство. Андреевские флаги были спущены, людей отправили на берег устраиваться, кто как может. Флотские – люди со специальностями. И в Тунисе пригодились. До сих пор в Бизерте работают дороги и городские коммуникации, спроектированные и построенные русскими моряками. Труден был другой вопрос: политический. Не все отказывались от данной присяги и принимали чужое гражданство. Таким был лейтенант Александр Манштейн, такой стала его дочь Анастасия Ширинская. Манштейн так и ушел из жизни офицером погибшего русского флота. Ширинская приняла российское гражданство в

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

Писатель-маринист Николай Черкашин рассказывает о тральщике «Китобой» и миноносце «Жаркий»

Греция. Остров Лемнос. Остатки русских могил у мыса Пунда

1999-м, после того, как на паспорт РФ вернулся двуглавый орел. К началу 30-х годов русские корабли ушли на металлолом. Оставшиеся в Тунисе моряки решили строить памятник Русской эскадре. А какой памятник лучше церкви? В 1937-м собрали средства, в 1938-м освятили храм в честь св. Александра Невского. Он стоит до сих пор. Во многом благодаря Анастасии Александровне Шириной-Манштейн. Мы ходим с трапа уже другими. Меньше шуток и фливорностей. Больше пиджаков и галстуков. Езды до кладбища – минут пятнадцать. Кладбище – все в белокаменных надгробиях среди пальм и кипарисов. Наши лежат в дальнем конце по левую руку. Их много. Анастасия Александровна – напротив, через главную аллею.

Стоим с горящими свечами в руках у обелиска. Тянутся в небо звуки православной молитвы. Воздух густой и липкий. За оградой как заведенные брешут собаки. Вдали гнусаво зовет к последнему намазу невидимый муэдзин... Боже, как им было тут бесконечно тоскливо длинными арабскими вечерами. Когда уже никак не спрятаться от тоски за тяжелой работой, за хлопотами по хозяйству, за занятиями с детьми. Когда стало ясно, что они, русские, остались без России. И даже вернуться некуда, их Россия исчезла и в самой России.

Мальта

Орудийный салют – это по-нашему. Идем к пирсу Ла-Валетты, а слева из-за неровного рисунка старых крыш лупит в небо холостыми какая-то радостная пушка. Мальта в

списке стоянок – место проходное. Три часа – и снова в море. Курсом на Грецию.

За эти часы город, конечно, не рассмотреть. Хотя вход на внутренний рейд, растянутый на час, дает возможность увидеть Ла-Валетту и прежде всего крепость с точки, которая не всякому туристу доступна. Высота «Одиссея» – метров 25, и с верхней палубы вид замечательный.

А пушка все лупит и лупит...

Невозмутимый британский фрегат, названный в честь какой-то дамы, не обращает на выстрелы внимания. Привык. И британские моряки, терзающие на корме боксерскую грушу, тоже привыкли. Они вообще к Мальте давно привыкли. А могло бы быть иначе. О чем рассказал в докладе посол Петр Стегний. Но это – другая история. А наша связана с Мальтой едва-едва.

На кладбище Ла Браксия несколько русских могил, большая часть – членов семьи князя Путятина.

На слуху – рассказы Николая Черкашина про два русских корабля, заглянувших на остров в 1920 году по острой необходимости. Заблудился и сожрал весь уголь миноносец «Жаркий». Ему помогли, и он отбыл в Бизерту уже на следующий день, 1 января 1921 года. Тральщик «Китобой», известный тем, что в связи с требованием спустить флаг и гюйс готов был дать бой 2-й бригаде крейсеров английского флота, стоявшей в Копенгагене и насчитывавшей 8 вымпелов, зашел в Валетту на ремонт 7 октября 1920 года. А затем двинулся далее, в Севастополь, куда прибыл 12 ноября, чтобы взять на борт 150 беженцев и уйти в Бизерту.

Возвращаемся на борт. Стемнело. Фрегат с женским именем лениво сопит вентиляторами рядом с «Одиссеем». Из-за крыш на противоположном берегу по-прежнему пуляет пушечка. Клубов дыма от выстрелов теперь не видно. Зато видны разрывы петард. Салют, Ла-Валетта!

Пирей, Афины

Переход из Валетты в Пирей – сутки. Как раз хватает, чтобы понять, зачем туда идем. Отношения белой эмиграции и греческой столицы – тема менее известная, чем «галлиполийское

Ла-Валетта.
Таким был оплот
мальтийских рыцарей

ФОТО АВТОРА

стояние», например. Пробел восполняет докладом госпожа Жалнина-Василькиоти.

Кроме того, радует свежестью фактов и отношений 90-летний Ростислав Первышин, родившийся через несколько дней после ухода из Севастополя в ноябре 1920 года. Его мать забирали рожать прямо с борта корабля, но она отказывалась перебираться в константинопольскую лечебницу до тех пор, пока местные власти не согласились взять с роженницей ее мужа, офицера.

Особые ощущения дарят Георгий Вилинбахов и Александр Дыдыкин. Причем уже второй раз. Впервые – на концерте «Русские военные песни», на подходе к Бизерте. Теперь – в программе «Русская военная музыка». Роли распределены просто: Георгий Вадимович рассказывает, Александр Николаевич поет под гитару. Поет в основном свое. Но стихи и музыка таковы, что немногие догадываются об авторской природе услышанного. Думают, анналы. Вот и князь Дмитрий Шаховской с супругой подходят, улучив момент, и вежливо интересуются, откуда Дыдыкин берет песни. Охотно объясняю. Удивляются. И радуются. Начинается разговор о России. Их много было, таких разговоров. «Французы» знакомятся легко, но

ФОТО АВТОРА

Греция. Пирей. Фрагмент надгробной плиты на стене часовни равноапостольной княгини Ольги на кладбище Анастасис

тактично. Ты быстро втягиваешься, когда в мягкие размышления вслух, когда в довольно суровые споры, но втягиваешься. Невозможно противостоять (да и надо ли?) их горячему стремлению узнать о современной России больше, почувствовать ее, понять. И попытаться с помощью очередного нового человека еще раз ответить на мучающий которое поколение вопрос: почему

так все вышло, а? Тогда – в начале XX века. Пусть все ответы вроде бы получены, ничего более не придумать, а хочется надеяться, что найдется кто-то и предложит объяснение, в котором не будет ни капли горечи, ни осмущки вины...

Великая княгиня Ольга, дочь великого князя Константина Николаевича, внука императора Николая I, вышла замуж за греческого короля в 1867 году, и жизнь русских в Греции получила некую организованность. В 1891 году королева эллинов Ольга распорядилась учредить в Пирее русское морское кладбище. По всей Греции собирали на некрополях останки русско-подданных и перезахоранивали на новом месте. В 1913 году короля Греции Георгия I убили, и королева вернулась в Россию. Пережив падение самодержавия, революции, получила разрешение премьер-министра Греции Венизелоса на возвращение. После монархического переворота в течение месяца носила титул Королева-Мать и Правительница. Как раз на этот период пришлась просьба Врангеля о приеме беженцев из России. В страну приехало 1742 человека, более половины поселились в Салониках, остальные – в Афинах. Постепенно число белых эмигрантовросло и в

ФОТО: НАСТЕПАНОВ

Греция. Пирей.
Часовня
равноапостольной
княгини Ольги
на кладбище
Анастасис

Епископ
Женевский
и Западноевропей-
ский Михаил

1923 году за счет «лемноских казаков» выросло до 10 тысяч. В 1925 году королевская семья была изгнана из Греции и переехала в Рим. Вскоре королева Ольга умерла.

И русское кладбище, и русская колония в Афинах переживали разные, но, как правило, трудные времена. Самое тяжелое решение появилось в 1977 году. Мэрия распорядилась освободить участок от русских захоронений, согласившись сохранить лишь 20 надгробий. «Союз русских эмигрантов в Греции» занялся отбором, но это было крайне тяжело. Еще задача: так использовать выделенные властями 27 квадратных метров площади, чтобы на них разместить хотя бы в виде «осколков» десятки надгробий, обреченных на уничтожение. Придумали. Построили часовню равноапостольной княгини Ольги. В подклете создали мощевик, а стены обложили фрагментами надгробий.

После панихиды ходим вокруг часовни, читаем: лейтенант Поливанов, Варлаам Харлов, комендор броненосца «Слава», канонерской лодки «Хивинец» матрос Мелешко...

Есть памятный крест на братской могиле казаков, избежавших смерти на Лемносе, но все равно легших в греческую землю.

ФОТО АВТОРА

Остров Лемнос

«Одиссей» подойти к берегу Лемноса не может: слишком мелко. Нас перебрасывают к пирсу на спасательных ботах.

Середина дня. Пекло. Весь остров, кажется, выжжен солнцем дотла. Вдалеке – рощица средиземноморских сосен. Вроде деревья, но им не веришь. Высаживается следующий бот. С десятком молодых людей в черных пиджаках и галстуках. Во главе – Алексей Григорьев, в синем блейзере, серых шерстяных брюках и при галстуке. Не удерживаюсь: «Жарко же!»

Алексей в ответ, строго и серьезно: «Я своим всем приказал. Быть в форме. Лемнос...»

«Свои» – это потомки белых офицеров уже в третьем-четвертом поколении. Все они – из молодежного отряда «Витязи», возникшего еще в 1934 году. Через эту организацию наподобие скаутского центра прошли многие из «французов». Тот же Трубецкой, да и сам Григорьев. А еще ребята входят в церковный хор, который поет во время нашего похода в каждой памятной церемонии и в каждой службе на борту.

Позже выяснится, что и на Лемносе цветут цветы. В городках Мирна и Мудрос очень даже неплохо бы отдохнуть. И море тут – загляденье. Но лагеря Кубанского (18 тысяч человек) и Донского корпусов (8 тысяч) с «легкой» руки англичан и французов были размещены на землях, для жизни малопригодных. А кладбище на мысе Пунда оказалось в стороне от жилья и дорог.

Последние километры среди колючек и камней автобусы пробираются по грунтовой дороге. Здесь хоронили русских в 1920–1921 годах. Здесь восстанавливают их могилы начиная с 2006 года. В основном силами молодежного отряда «Лемнос» из московского Ново-Спасского монастыря.

На сегодня воссоздано более 20 захоронений. Тогда в землю легли 349 русских. А еще они спят вечным сном на антантовском кладбище в Мудросе – 29 человек. А еще...

На берег едва освободившегося от турок Лемноса в 1920–1921 годах обрушились три волны русских эмигрантов. Первая – весной 20-го: после эвакуации из Новороссийска здесь осело более 1,5 тысячи человек. Раненые солдаты и офицеры, старики, жены военнослужащих, дети. В память об этой, первой волне на кладбищах Лемноса осталось 69 детских могил.

Вторая волна, самая мощная, – кубанские казаки, третья – донские, терские и астраханские, перевезенные из лагерей под Константинополем. Эти были покрепче, но и среди них такие, кто уходил из Крыма с семьями. И количество детских могил возросло до 82.

«Лемносское сидение», как прозвали это время сами казаки, продолжалось до декабря 1921 года, когда усиленная сотня и последние 300 беженцев покинули остров и перебрались в Болгарию. Из почти 26 тысяч военных весной 1921 года поддались большевистско-французской пропаганде (задачу по расформированию казачьих частей Советская Россия и Франция решали в одном ключе) чуть более 7 тысяч казаков. 300 были расстреляны сразу по прибытии в Крым, остальных отправили в лагерь. Немногим более тысячи выехали на заработки в Бразилию. Остальные сохранили верность присяге. В центре Мирны видим колоритную группу, явно приезжие. Более других выделяется рослый пожилой мужчина как будто с рекламы «Мальборо». Оказывается, Георгий Вилинбахов с ним знаком, и они здороваются, будто вчера расстались. Мужчина смотрит прямо в глаза, протягивает руку и представляется: «Граф Пален». Неожиданно... Оказывается, граф, зная о нашем маршруте, специально пришел на яхте на Лемнос, чтобы, как говорится, засвидетельствовать.

Галлиполи

Какой русский не мечтает когда-нибудь увидеть Босфор и Дарданеллы? Даже если ничего не знает об этой своей мечте. Даже если ничего не знает о Босфоре и Дарданеллах. Проливы – это у нас в генетической памяти. И вот они – Дарданеллы! Не такие уж узкие. Идем на пароме с азиатского берега на европейский. Так запросто! За 90 лет и полуостров, и сам городок Галлиполи, теперь – Гелиболу, изменились основательно. И деревья выросли, и дома. Смотришь на снимки времен «галлиполийского стояния» и диву даешься, сколько же сил у матери-природы. Жарко. Пока доехали до пристани в Чанаккале, пока пересели на паром, пока пересекли пролив, пока добрались на автобусах до Гелиболу, пришел полдень. Правда, здесь, у воссозданного памятника, турки расстарались, натянули брезент над рядами лавок. Пока произносятся речи, можно, конечно, и на лавочках, а когда владыко Михаил к службе зовет...

Турция. Галлиполи.
Восстановленный
памятник воинам
Русской армии

ФОТО АВТОРА

Мраморные списки
умерших за месяцы
«галлиполийского
стояния»

ФОТО АВТОРА

Снепокрытой головой под палящим солнцем выступают председатель попечительских советов ФАП и ЦНС Владимир Якунин, присоединившийся к походу на Лемносе, Михаил Якушев, мэр Гелиболу Осоджан, князь Трубецкой, Григорьев. А левее от микрофонной стойки застыли певчие церковного хора, они же – русские «витязи» из Франции. В черных костюмах и строгих галстуках. Вздрагивает кадило в руках батюшки, и владыко начинает поминальную молитву. В ноябре 1920 года в заштатном городке на полуострове Галлипо-

ли высадился 26-тысячный Первый армейский корпус Русской армии. Знаменитые «цветные» полки, военные училища, сводные гвардейские части, кавалерия без лошадей и артиллерия без орудий. А вместе с ними гражданские лица, включая женщин и детей. Командовал всей этой массой генерал Кутепов.

Жить в городке с 8-тысячным населением было практически негде. Ремонтировали жилье, разбили палаточный лагерь, наладили жизнь и службу и так держались. Вплоть до осени следующего года. Чем-то похоже на лемносскую жизнь. Только, в отличие от островной тюрьмы, тут, в Галлиполи, давление на моральный дух чувствовалось сильнее. Надо было сломать веру в грядущее возвращение на Родину прежде всего здесь, в кутеповском корпусе, на который смотрели как на цитадель белого дела.

Не получилось. На провокации, угрозы и посулы поддались еще меньше, чем на Лемносе.

А памятник? Памятник строили так: каждый солдат и офицер принес по камню – и получился высокий конус, стоявший до 1949 года, когда его разрушило мощное землетрясение. По инициативе ФАП и ЦНС его восстановили в 2008 году. Сейчас решается вопрос, чтобы содержание мемориала – памятника

Севастополь. Херсонес.
Собор Св. Владимира

и небольшого музея – взяло на себя российское государство.

Обед проходит прямо на берегу под навесами над двумя кафе. Официантов-турок хоть выжимай, а 80-летняя Ирина Шидловская-Головина, последняя из живущих ныне детей офицеров Кавалергардского полка, без очевидной надобности обмахивается ажурным платочком и задорно интересуется, хороша ли жареная рыба и приличное ли вино на столе.

Великое дело – кровь, как говорил один великий писатель.

Словно специально после памятной вахты у нашего мемориала нас везут к мемориалу турецкому. Для турок полуостров тоже символ стойкости и любви к Родине. Тут во время Дарданелльской операции Антанты в 1915 году турецкие войска преградили путь коалиционному десанту.

Мемориал – в строгом стиле. Прямоугольная арка, символизирующая вход в проливы, поле цветущих роз и плиты с фамилиями погибших. Везде – Кемаль Ататюрк. Вопрос о средствах на содержание явно не стоит.

Вечером на корабле – концерт балалайки. Солирует князь Трубецкой. То-то диво!

Потом был Стамбул, Босфор. За завтраком Александр Дыдыкин, мужественно встававший на заре и ходивший плавать в маленьком корабельном бассейне с морской водой, констатирует:

– А вода в бассейне наша, черноморская. И соли меньше, и на ощупь приятнее.

Севастополь.
Малахов курган.
Памятная плита
на месте смертельного
ранения адмирала
Нахимова

Севастополь

К пирсу подходим, едва рассвело. Такова задача: ошвартоваться в Севастополе спозаранку, до того как на внутренний рейд потянутся корабли Черноморского флота. 25 июля, воскресенье, День ВМФ.

Я не был в Севастополе 35 лет. И думалось, что радость от встречи с одним из любимых городов будет яркой. Все оказалось прозаичнее. Стою на пирсе в ожидании таможенни – а радость какая-то скромненькая. Приезжаем на Малахов курган – на душе по-прежнему скромненько. На Херсонес – тоже. Нового храма Св. Владимира я доселе не видал, но стою перед ним – и скромненько так внутри.

Чуть оживляюсь, когда вижу, как Татьяна Усова беседует с юродивым у церковной ограды. Тот громко доказывает, что Запад – это гниль и ересь, а она слушает внимательно. Только покачивает босоножкой на ступне. То ли от желания возразить, то ли по другой какой причине. Юродивый не унимается.

Доходит, почему оказался к Севастополю не готов.

Потому что с утра, как причалили, бьется в мозгу песня Дыдыкина на стихи казака Николая Туроверова:

Уходили мы из Крыма

Среди дыма и огня.

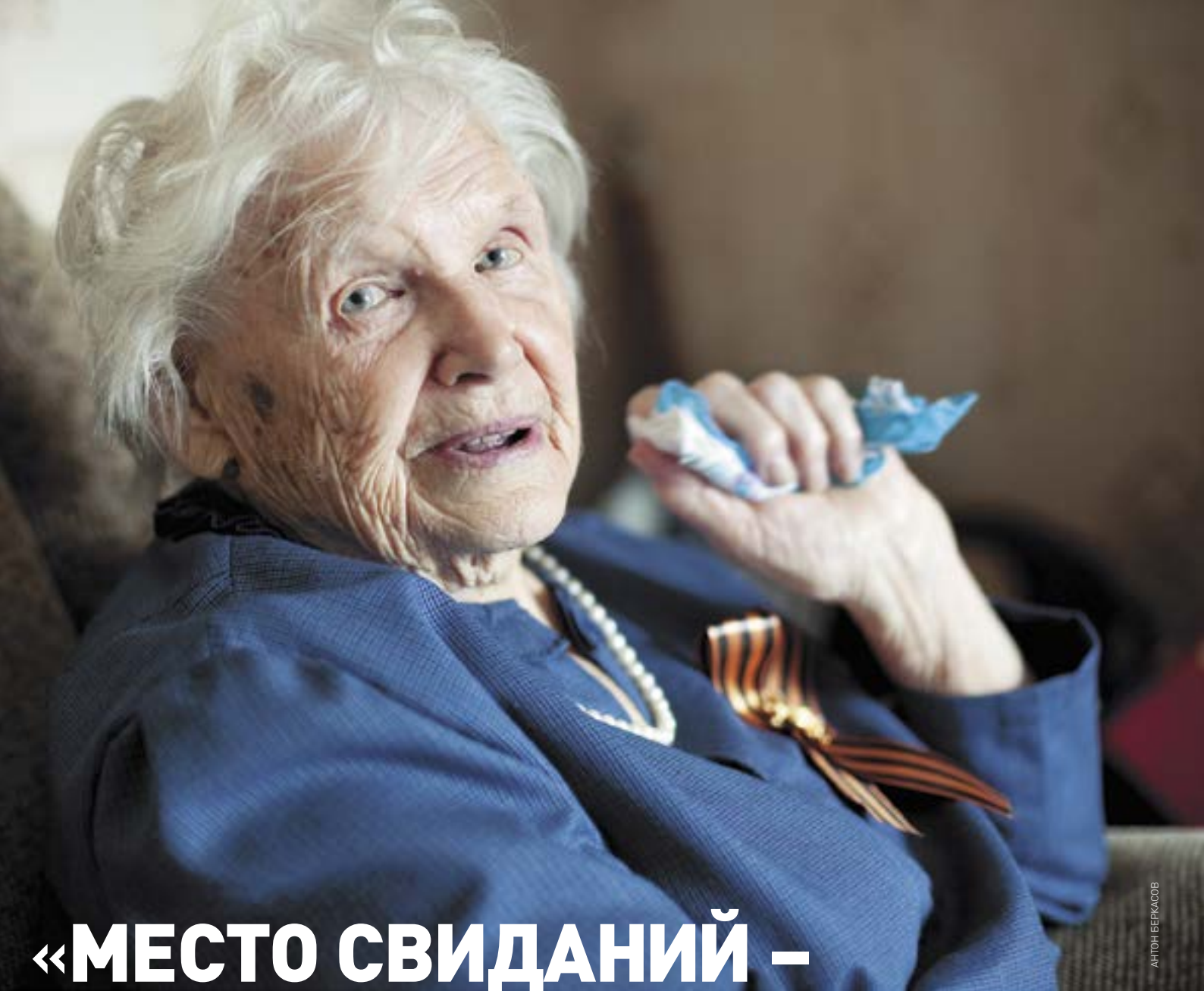
Я с кормы все время мимо

В своего стрелял коня...

И нет ответа ни в этой чудной песне, ни в словах юродивого, ни в торжественных речах при открытии памятника Николаю Чудотворцу на окраине Севастополя на вопрос, ради которого мы прошли по пяти морям три тысячи миль. Все ли вернулись? И где они, наши кони?

Москва. Шереметьево

Прилетаем ночью. Одни, без «французов». Они разлетались прямо из Симферополя, оставались в Севастополе на время, уходили на «Одиссее» в Пирей. Прощаемся тепло и спокойно. И только по дороге домой понимаю, что так ни у кого и не спросил имя человека, который придумал именно такой маршрут. Хороший, видать, человек. ♣

АНТОН БЕРКАСОВ

«МЕСТО СВИДАНИЙ – КОНЦЛАГЕРЬ»

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург]

НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, КАК СЛОЖИТСЯ ТВОЯ СУДЬБА. ВАЛЕНТИНА КОКОРЕВА И ПРЕДПОЛОЖИТЬ НЕ МОГЛА, ЧТО, ПОПАВ В ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ ВОЙНЫ В ПЛЕН К ФАШИСТАМ, ВИДЯ ЕЖЕДНЕВНО СМЕРТЬ И СТРАДАНИЯ, ОНА НЕ ТОЛЬКО ВЫЖИВЕТ, НО И ОБРЕТЕТ СЧАСТЬЕ, ВЕРНУВШИСЬ НА РОДИНУ.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА Кокорева, живущая с внуком и внучкой в маленькой «однушке» в поселке Мурино на окраине Санкт-Петербурга, встречает нас неожиданно:

– Сейчас я вам частушки спою! Потом бежит на кухню – угощать, поить чаем. При этом не переставая шутит и смеется. Свои шутки

она называет «кокоринками». За хозяйкой неотступно следуют два кота. За первые пять минут знакомства складывается ощущение, что энергичности и чувству юмора этой 96-летней женщины позавидовали бы и 20-летние.

Когда Валентина Александровна усаживается на диван и начинает рассказывать о своей жизни – о войне, о

плене, о трех дочерях, о внуках и правнуках, – у нее на груди уютно устраивается один из котов – рыжий красавец Фунтик.

– Может, благодаря котам я так долго и живу, – улыбается женщина, поглаживая своего любимца. – Они чувствуют, где и что у меня болит, ложатся именно на это место, и все проходит.

Валентина Кокорева – потомственный врач. Ее отец всю Первую мировую войну прошел фронтовым врачом, мать была акушеркой. Дочка тоже пошла по родительским стопам: стала детским неврологом, к 1939 году уже училась в аспирантуре в Ленинграде, писала диссертацию по детскому параличу. Вышла замуж. Но как сама говорит – без особой любви, просто решила, что «старая уже – пора выходить».

Валентина Александровна не жалеет ни об одной прожитой минуте

– А тут война началась с Финляндией, – рассказывает Валентина Александровна. – И я решила, что надо идти воевать. На нас же напали! Такая я была дурочка тогда... Пошла, записалась добровольцем.

Но как только пересекла границу и попала на линию фронта, то поняла, как все обстояло на самом деле.

– Не на нас напали, оказывается, а мы напали! После этого у меня на многое открылись глаза, – рассказывает Валентина Александровна. – Всю войну я проработала врачом. Вернулась с фронта с седыми висками. До сих пор не могу забыть, как красивые солдаты-танкисты, которые дарили мне шоколадки и ухаживали за мной, уходили в бой на мощных танках. А потом на месте боя я видела искореженные машины, обрубки людей и обрубки сосен. Двух моих фельдшеров убило прямо у меня на глазах. Мороз зимой доходил до 40 градусов, а я «щеголяла» в солдатских галифе и по молодости очень стеснялась этого: я была не худенькая, плотненькая девушка, меня прозвали «танкеткой», что очень обижало. Если бы я тогда знала, что в плену моя полнота спасет жизнь и мне, и дочери...

«Фашисты лезли как крысы»

После окончания советско-финской Валентине и дальше пришлось работать военным врачом: как опытного специалиста ее отправили сначала в Латвию, а потом в Брест. В Брестской крепости располагался военный госпиталь, где женщина работала неврологом.

– Убедилась, что наши границы не были готовы к нападению немцев, – говорит фронтовой врач. – Конечно, мы с коллегами-врачами все это замечали, обсуждали неготовность нашей армии, когда собирались тесным кругом, то и Сталина поругивали. А тут меня решили сделать стукачом! Вызывают в органы, требуют, чтобы докладывала, о чем разговариваем на наших «собраниях». Но я не признавалась – мол, выпиваем, танцуем, ничего плохого не говорим. Уже потом, в плену, узнала, что и моих коллег «дергали» в НКВД.

21 июня 1941 года Валентина Александровна не успела на последний

из личного архива

поезд в Ленинград – до поздней ночи выписывала больных из своего госпиталя. Не успела прикорнуть на койке, как тут же вскочила от грохота.

– Решила, что это гроза, но потом поняла – артобстрел, – вспоминает Валентина Александровна. – От взрыва на меня поползла противоположная стена. Вокруг все горело, рвались бомбы, стоял гул в ушах, едкий желтый газ щипал глаза, вокруг огненные смерчи... Я выбежала на площадь возле госпиталя, вижу – лежит молодой лейтенант, его задело осколком снаряда. Попыталась ему помочь, но он умер прямо у меня на руках. Взрывом снаряда меня отбросило, упала в воронку из-под бомбы, в голове что-то больно щелкнуло, и наступила тишина – только в ушах гудело. Потом я уже поняла – меня контузило. Схватила в беспамятстве свою туфлю, окапываю вокруг себя землю и кричу: «Сволочи! Все равно буду жить!» Я попыталась ползти к своему корпусу, но, оглянувшись, увидела фашистов. В серо-зеленой военной одежде они, как крысы, перелезали через деревянный забор. Задние ряды напирали на передние... Это зрелище мне снилось в кошмарах еще много лет.

К счастью, женщина вовремя пришла в себя и, схватив двух находившихся рядом детей своих коллег, бросилась в газоубежище.

– Там уже был народ – в основном дети, из военнослужащих только я и еще один врач, – говорит она. – Де-

ти плачут, просят пить, одна женщина рожать вот-вот начнет.

Просидели в убежище около суток, там нас немцы и обнаружили на второй день войны. Солдат открыл дверь, хотел забросить внутрь гранату. Но тут я подняла руки и сказала: «Ich bin Ärztin!» («Я – врач»). А у самой в голове: «Что же это я делаю, сдаюсь врагу?!» Вышли наружу, а там – солнечный день, немцы разделись до трусов и танцуют под патефон на берегу реки.

«Немцев специально заражали тифом»

Сначала Валентину Александровну поместили в лагерь для военнопленных, созданный прямо в Бресте. Из 10 тысяч пленных к ноябрю 1941 года осталось в живых всего 3 тысячи.

– Нас косил голод, потом начался сыпной тиф, – вспоминает Валентина Александровна. – Люди мерли как мухи. Я и в плену работала врачом в госпитале. Вскоре в наш лагерь перевели военного хирурга – Николая Кокорева. Меня отправили в его корпус. Николай Валентине сначала не понравился.

– Он умудрялся не терять интереса к жизни даже в плену, – с нежностью теперь вспоминает она. – На первом же дежурстве стал жаловаться мне – мол, чего это у вас женщин красивых

Валентина Кокорева со старшей дочерью, Люсей, родившейся в концлагере

из личного архива

Валентина и Николай поженились в 1946 году – любовь помогла пережить плен

тут нет? Я тогда обиделась и подумала: «Ну и Нарцисс!» Коля не опускал рук и боролся с завоевателями всеми возможными способами. Например, тифозных вшей под его руководством специально подбрасывали к немцам. Фашисты умирали от тифа сразу, у них организм был менее выносливый. Коля организовал побеги – пленными был вырыт туннель, выводивший за 8 рядов колючей проволоки. Спасать старались в основном евреев. Долгие ночные дежурства Валентина и Николай коротали вместе. Николай в первую же ночь рассказал Вале о своей довоенной жизни. – Я до сих пор вспоминаю нашу первую беседу, – говорит Валентина Александровна. – Я прихожу к нему в корпус, спрашиваю: «Где тут Токарев?» А он меня поправляет: «Не Токарев, а Кокорев». Я пожимаю плечами – мне-то какая разница. Он стал мне рассказывать о том, что был женат, а жена умерла от туберкулеза, теперь он вдовец... А я думала про себя: ну и зачем мне его биография, я же замужем? Но потом он ненароком взял меня за руку – и я поняла, что погибла.

«Дочь отобрали в гестапо и унесли»

Ночные дежурства с Кокоревым давали надежду и смысл жизни истощенной и измученной женщине.

– Меня мучила совесть, что я при живом муже... – говорит Валентина Кокорева. – Но устоять не могла. Коля был надежным, добрым и умным, тоже врач – у нас с ним нашлось много общих тем. А каким он был галантным! Цветов не дарил – откуда в плену цветы. Зато из своих брюк сшил мне теплую юбку, где-то достал сапоги. Я влюбилась без памяти. И забеременела. Коля сначала прислал мне своего коллегу-врача, для аборта. Говорил: «Стыдно мне, я русский военный врач и такое получилось!» А я отказалась: «Коля, у нас с тобой не «развлечение», а настоящее чувство!» От фашистов беременность скрывали.

– Нас перевезли в другой лагерь, в Польшу, – рассказывает женщина. – Когда пришло время мне рожать, врач-австриец даже разрешил свидание с Колей, он увидел нашу дочку Люсю. Она родилась нормальным ребенком, несмотря на плен, я смогла ее выносить благодаря своей «крепкой» фигуре. Был еще врач-еврей, навещал меня и других таких матерей в больницы камере. Его жену и дочь расстреляли у него на глазах. Он давал нам то галеты, то кое-какие витамины. Рядом с нашим лагерем был лагерь французских военнопленных. Им помогал Красный Крест, поэтому они были розовощекие, загорелые, здоровые, играли в волейбол. А мы были доходягами. Некоторые из наших девушек подлезали под проволоку, ну кто будет корить их за моральную неустойчивость? Ведь за те

минуты, которые они проводили с французами, они были сыты. Как-то стороживший меня немец принес мне и дочке передачу от французов – печенье, несколько мармеладин и кусочек засохшего кекса. «Я не фашист, – говорил он. – Я не хочу убивать. У меня ревматизм, а я уже три года в армии. Надо было Сталину с Гитлером устроить дуэль!» Он даже раздобыл где-то таз, чтобы купать Люську. Правда, иногда от голода и переживаний – Люся была очень слабенькой от голода, а молока у меня было совсем мало – кружилась голова, охватывало такое отчаяние, что хотелось поскорее умереть, чтобы не мучить себя и ребенка.

Когда Валентина поправилась после родов, Николая и ее с ребенком вызвали в гестапо. Их принял эсэсовец. – Он угостил Колю сигаретами, предложил нам, как «семье», перебраться во Францию и работать на них, – говорит Валентина Александровна. – Он был уверен в нашем согласии, потому что видел безвыходное положение. Но мы с Колей еще давно решили: даже под угрозой смерти не будем работать на немцев. Услышав отказ, гестаповец впал в ярость, стал угрожать, потом выхватил Люсю у меня из рук и унес куда-то. Я от ужаса потеряла сознание. Но через некоторое время он вернулся и кинул нам кулек обратно. Я прижала дочку к груди и рыдала: «Жива, жива, моя радость, жива!»

«Еду украли у овчарки»

Семью все-таки разлучили: Валентину с дочкой и Николая направили в разные концлагеря. Валентина попала в лагерь в польском местечке Дзялдово. Всех матерей с детьми держали в отдельной камере, форточку открывать было нельзя, выходить разрешалось раз в неделю на прогулку. От спертых воздуха и недостатка света дети начали болеть – у всех был рахит, золотуха на роговице.

– Мы выжили благодаря картофельным очисткам «лушпайкам», которые с риском для жизни воровали на кухне, – говорит Валентина Кокорева. – Правда, если у кого-нибудь в карманах наша охранница Эмма обнаруживала

из личного архива

из личного архива

Счастье матери – две дочери Люся и Вера. Младшая, Наташа, еще лишь «в проекте»

И во время войны, и всю жизнь после нее Валентина Александровна продолжала лечить людей

«лушпайки», то провинившейся грозило наказание. Дети жадно хватили полупустую материнскую грудь, а те, кто постарше, мусолили корку эрзац-хлеба, оставленную от обеда. Даже когда хлеб кончался, дети еще долго причмокивали и обсасывали пустые кулачки. Теперь это невозможно вспомнить без слез. Во время прогулки нас охранял полицай-украинец вместе с овчаркой. Обычно мы сидели и шили женщинам из рабочей команды юбки из мешковины – за каждую юбку давали луковицу. И вот наш охранник уснул. Мы с подружкой подползли к собаке и схватили у нее миску с едой. Это были жирные щи с несколькими кусками мяса. И едва мы успели разделить это со всеми и съесть, как полицай и пес проснулись. Нас пинками загнали в здание концлагеря, а через полчаса всех выгнали на плац и заставили два часа прыгать «жабку» – в присядку. Это было частым наказанием в лагере.

...Когда лагерь освободили русские солдаты, то талию некогда считавшей себя толстой Валентины можно было обхватить двумя ладонями. От голода маленькая Люся постоянно болела. Но главное – ведь остались живы!

Кстати, о «воинах-освободителях» Валентине Кокоревой тоже есть что сказать.

– Сначала пришли солдаты-сибиряки, они были к нам добры, только спрашивали, не от немцев ли дети. Мы их успокаивали, мол, от наших советских пленных. А потом следом за ними явились штрафники, мы их называли «бандой». Они напились, обзывали нас «немецкими подстилками» и пытались изнасиловать. От таких «освободителей» мы еле отбились – спасли старшие по званию, которые вступились за нас.

«Либо возвращайся, либо конец»

О судьбе своего возлюбленного женщина не знала еще долго – весточку от Коли Валентина получи-

ла, только когда кончилась война. Он тоже выжил, его освободили из концлагеря американские солдаты. После освобождения Николай отправился к себе домой под Саратов.

– Он как будто не торопился к нам, – говорит Валентина. – Я ему послала телеграмму: «Либо возвращайся, либо конец». И он приехал! Я развелась с прежним мужем, мы с Колей расписались. И ровно через девять месяцев родилась наша вторая дочка, Верочка. Но трудности наши только начинались. Мы же оба военнопленные. В Ленинград не пустили, всю жизнь прожили в Ленобласти, работали врачами. Долго нам не доверяли, таскали на проверки. Мне как-то в отделе кадров при устройстве на работу сказали как отрезали: «Финская война – не считается, Отечественную провели в плену». Мол, я уже не человек... У нас в доме жил Герой Советского Союза, так он как-то остановил Колю и говорит ему: «Твоя жена хоть людей эвакуировала до последнего, а тебя почему Гитлер четыре года кормил?» Как будто в лицо плюнул. А ведь моего отца, который попал в плен во время Первой мировой, на родине встречали с почестями и цветами...

В семье Кокоревых три дочери, есть внуки и правнуки. Валентина и Николай прожили вместе более 50 лет – до самой его смерти. ❀

Денис Терентьев [Санкт-Петербург]

МАЛЕНЬКИЕ МАДОННЫ

ЕСЛИ БУДУЩАЯ МАМА ЕЩЕ СИДИТ ЗА ПАРТОЙ, ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ У НАС В СТРАНЕ – НА УРОВНЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОСКОРБЛЕНИЯ, ИЗГНАНИЯ И ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ. ДИРЕКТОР И ЗАВУЧ ОБЫЧНО РЕАГИРУЮТ СТАНДАРТНО: ВОН ИЗ ШКОЛЫ! РОДИТЕЛИ, КОТОРЫХ СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС ОБЯЗЫВАЕТ СОДЕРЖАТЬ СВОЮ ДОЧЬ И ВОЗМОЖНЫХ ВНУКОВ ДО СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ, НЕРЕДКО ТАКЖЕ УКАЗЫВАЮТ ЕЙ НА ДВЕРЬ С ВИДОМ ОСКОРБЛЕННОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ. В СУД МАЛОЛЕТКИ НЕ ИДУТ, ОТЕЦ РЕБЕНКА, КАК ПРАВИЛО, САМ ЕЩЕ УЧИТ УРОКИ. КУДА ЕЙ ИДТИ?

МНОГИЕ ВЫБИРАЮТ АБОРТ. Статистика Минздрава ужасает: в год россиянки делают 2 миллиона абортов, и 10 процентов из них – девушки до 18 лет. Получается 200 тысяч в год. За тот же период рожают 30 тысяч несовершеннолетних. Вроде не так мало, но соотношение родов и абортов один к семи – немыслимо для цивилизованной страны. Если половая жизнь, которую ведут 60 процентов российских подростков, завершилась беременностью, то все социальные службы должны быть брошены на заботу о будущей роженице. Чтобы она не наделала глупостей и эта беременность не стала для нее последней. В реальности же все происходит иначе. Едва ли не единственное место в Петербурге, где беременную малолетку не обольют презрением, – приют «Маленькая мама» в Автово. За 12 лет через него прошли 270 воспитанниц, от детей впоследствии отказались только трое. Попробуйте представить, что стоит за этой статистикой. – Большая часть наших девочек – воспитанницы детдомов, – рассказывает директор «Маленькой мамы» Марина Гречишкина. – У остальных от семьи одно название: родители либо пьют, либо сидят. Потенциальные отцы часто соответствующие: дворовые гопники, гастарбайтеры и неизвестные насильники. Не всякая взрослая женщина согласилась бы рожать при таком генофонде, а у

наших девчонок еще к тому же нет ни копейки денег, ни декретного отпуска, ни поддержки близких. Они сами еще не наигрались в куклы, не находились по танцам. Согласиться рожать в их положении – подвиг. Об этом необходимо помнить все время нахождения в «Маленькой маме». Эти девочки мало кому понравятся с первого взгляда. Они не очень элегантны, не слишком умны, не часто улыбаются. У них колкий недоверчивый взгляд. В здании приюта – две квартиры по четыре комнаты. У каждой маленькой пары своя комната – для большинства девушек такая роскошь впервые. Кухня и гостиная с телевизором, по которому постоянно крутят мультики, одна на четыре семьи. На кухне висит график дежурств, свидетельствующий, что юные мамы не вышли из детского возраста и часто все забывают. – У них только зарождается материнский инстинкт, – подтверждает социальный педагог Нонна Дубровина. – Поначалу они относятся к ребенку как к брату или сестренке, иногда как к кукле, которую можно отложить в сторону, когда надоест играть. Они не понимают, что во время их отсутствия с ребенком может что-то случиться. Но ведь дома воспитателей под боком может не оказаться. Конечно, рождение ребенка не для всех было сознательным актом воли. Одни боялись в дальнейшем

остаться без детей, вторые – боли при аборте, третьи – просто не имели денег на операцию. Для некоторых рождение ребенка – это способ удержать парня, обратить на себя внимание родителей. Совсем единицы говорят про страх греха. Они могут и не признаться, что на них повлияло увиденное в «Маленькой маме» до рождения ребенка.

– Мы специально берем девочек в приют до родов, чтобы они воочию увидели, что их ждет, – говорит заведующая Елена Петухова. – Как справляются с младенцами другие наши воспитанницы, как они их пеленают, моют и кормят, как они играют. Новенькие видят, что ничего страшного их не ждет, в них просыпается материнское начало. Когда ребенок рождается, они уже знают, с какой стороны к нему подойти, а рядом полно доброжелательных людей, готовых помочь. Недаром мы стараемся принимать на работу людей, у которых есть свои дети.

Спасение длиною в год

Сегодня приют заполнен полностью. Здесь живут 8 мам и 8 детей. Нина Хохлова рожать только собирается, а Людмила Ипполитова еще в 2008 году родила двойню – сына Андрея и дочь Камиллу. Люсе уже 20 лет, и она со дня на день собирается покинуть приют. Город выделил молодой маме с двумя детьми двухкомнатную квартиру в Купчино, не поинтересовавшись, правда, как она сделает там ремонт и на что купит мебель. Вопрос с переездом завис на несколько месяцев и решился в итоге лишь усилиями добрых людей, объединившихся в группу «Маленькая мама» в социальной сети «В контакте»: кто-то отдал старый шкаф, кто-то нашел знакомого с «газелью». Из-за таких ситуаций девушки живут в приюте дольше положенного по правилам года. Поэтому очередь желающих попасть в «Маленькую маму» иногда превышает десяток нуждающихся, которые по объективным причинам долго ждать не могут. Но администрацию приюта тоже можно понять: целый год разбиваться в лепешку ради юной семьи – и в итоге выкинуть «в никуда»? – У нас был случай, когда воспитанница детдома с младенцем на руках

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

должна была вернуться по месту регистрации – в комнату к матери-алкоголичке, которая отказалась от нее много лет назад, – говорит Марина Гречишкина. – У многих девочек подобные проблемы, и по каждой из них мы собираем консилиум специалистов. «В никуда» пока никого не отправили, но это уровень «добрые люди помогли». В законодательстве не прописан статус молодой мамы, государство платит ей, как всем матерям, мизерное пособие.

В «Маленькой маме» на 8 воспитанниц с детьми работают 20 человек персонала: воспитатели, медики, психологи. Их цель не столько осушить девичьи слезы, сколько научить их жить в равнодушном мире. К тому же около половины школьниц бросают учебу после родов, и 90 процентов из них аттестат так и не получают.

Пятнадцатилетняя Саша оставила школу, не окончив 9-й класс: у нее умирала мама, за которой некому было ухаживать. У Саши есть отец, но у него другая семья, и он не намерен помогать ни дочери, ни внучке. Выжить Саше помогла одна взрослая женщина, у которой не было своих детей. Когда девушка забеременела, «тетя» прикинула последствия и выставляла девушку за порог. Родственники предлагали помочь – с абортom. Восемнадцатилетнюю Катю с шестимесячным сыном Витей мать просто не пускала домой – и ни одна инстанция не могла или не хотела помочь. С отцом ребенка тоже обычная

история: сначала он говорил, что не уверен в своем отцовстве, но внешнее сходство было столь очевидным, что родитель долго любовался на сына, прослезился, пообещал позвонить и исчез навсегда.

Девушки не становятся взрослыми, родив ребенка. Их учат готовить еду, а они часто не умеют отличить манную крупу от гречневой. Ночью многие спят как дети, не слыша, что младенец проснулся. Они сами обожают играть в игрушки, хотят ходить на дискотеки, а им нужно искать работу, считать копейки и ухаживать за дитем. Причем трудоустройство в детский сад в качестве нянечки было бы неплохим выходом, поскольку свой ребенок всегда под рукой. Но женщин с маленькими детьми туда стараются не брать, ведь дети часто болеют, и мамы сидят с ними на больничном. В европейских странах суд как минимум отстранил бы заведующую от должности. В России – ни одного судебного прецедента.

Женское счастье

Первым делом воспитанницам помогают получить аттестат. Раньше – экстерном, сейчас, как все, через сдачу ЕГЭ. Комбинезоны для детей, коляски, игрушки они покупают сами – их учат с умом тратить скромные пособия. После ремонта в приюте откроют компьютерный класс, чтобы у девушек была возможность обучиться целому ряду профессий. Некоторым помогает крещение и

основы православия, их пониманию учит отец Михаил – настоятель храма Иоанна Кронштадтского. Сотрудники «Маленькой мамы» говорят, что сегодняшние воспитанницы – это не те брошенные и несчастные дети, которые приходили в приют в конце 90-х и рыдали сутки напролет. У чиновников и бизнесменов, которые хотели им помочь, энтузиазм пропадал после первой же экскурсии в приют: «Эти девочки ничего не хотят». Сегодня девочки другие: они настроены биться за жизнь и благополучие. Как ни странно, одно из любимых занятий юных мам – тягать штангу в тренажерном зале.

В здании очень много зеркал. Это неслучайно. Девушек научили не держать обиды на отцов своих детей, не доверять мужчинам они научились сами. Но все они хотят создать полноценную семью. К некоторым из них приходят на свидание молодые отцы, которые тоже, бывает, не окончили школу. Они подолгу держат девушек за руку, но домой к себе не приглашают.

– На десятилетие нашего приюта приехали наши первые воспитанницы, – рассказывает Марина Гречишкина. – У них дети уже ходят в школу, у большинства есть семьи и неплохо складываются карьеры. Хотя они и не скрывали, что провели определенный период своей жизни в приюте для малолетних матерей. Эти дамы приходят в свои бывшие комнаты и с улыбкой вспоминают, как молились здесь головой об стену много лет назад. На таких примерах юные мамы лучше всего понимают, что жизнь длинная, а свою судьбу можно изменить путем сознательных усилий.

А еще они не забывают, что судьба часто ходит рядом. Несколько лет назад девушка Света познакомилась со своим будущим мужем прямо около приюта: он помог занести коляску, потом зашел на чашку чая. Запись Светиной свадьбы – гвоздь вечерних просмотров в приюте. Даже «Аватара» и «Шрека» здесь пересматривают реже. Ребенок, муж и свой угол – именно так понимают маленькие мамы счастье. Для этого нужно не так уж много: труд, удача и чтобы взрослые оказались чуть лучше и умнее, чем они есть на самом деле. ♣

Михаил Быков, фото Алексея Морозова

И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРАПОРЩИКА ОЛЕНИНА

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ СТОИТ 40 ПАМЯТНИКОВ ГЕРОЯМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. И ЕЩЕ – СПАСО-БОРОДИНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, БЫТЬ МОЖЕТ, САМЫЙ ГЛАВНЫЙ МЕМОРИАЛ, ОСНОВАННЫЙ ИНОКИНЕЙ МЕЛАНЬЕЙ, ВДОВОЙ ПОГИБШЕГО НА СЕМЕНОВСКИХ ФЛЕШАХ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСАНДРА ТУЧКОВА. ПОДАВЛЯЮЩЕМУ БОЛЬШИНСТВУ ПАМЯТНИКОВ ПОЧТИ СТО ЛЕТ. ОНИ УСТАНАВЛИВАЛИСЬ НА СРЕДСТВА ПОЛКОВ И ДИВИЗИЙ, ЧАСТНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ К 100-ЛЕТИЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.

МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ ВИДЕЛИ ЭТИ ПЛИТЫ И КОЛОННЫ, ЧИТАЛИ ВЫБИТЫЕ В МЕТАЛЛЕ ФАМИЛИИ И НАЗВАНИЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ. А ВСЕ ЛИ ИЗ НАС ЗНАЮТ, КТО БЫЛИ ЭТИ ЛЮДИ, КАКОЙ ПОДВИГ СОВЕРШИЛИ ЭТИ ПОЛКИ И БАТАРЕИ? СЕГОДНЯ, В ПРЕДДВЕРИИ 198-ГО ДНЯ БОРОДИНА, ВЕРНЕМСЯ НА ПОЛЕ, РАСКИНУВШЕЕСЯ МЕЖДУ СЕЛАМИ БОРОДИНО И СЕМЕНОВСКОЕ, И ПРОЙДЕМ ОТ ПАМЯТНИКА К ПАМЯТНИКУ. И ВСПОМНИМ.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКИМИ АРМИЯМИ М.И. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ ПОЛКОВОДЦА.

Архитектор П. Воронцов, 1912 год
Очевидно, что фамилия светлейшего князя Михаила Кутузова – из тех, что в России знает каждый. Не стоит, наверное, повторять сейчас богатую и длинную биографию народного героя. Остановимся на том, когда и почему Кутузов выбрал для генерального сражения поле у села Бородина. Ведь это с его легкой руки Бородинское поле получило всемирную известность. Двадцать третьего августа (4 сентября по н.с.) Кутузов отправил донесение императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах

найти можно... желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе...» Следующей ночью говорил о победе и адъютант Наполеона, кавалерийский генерал Рапп: «Мы истощили все свои средства, мы принуждены победить». Так отвечал он на вопрос своего императора об исходе предстоящей битвы. Однако богиня Ника отвернулась от обоих полководцев. Но в стратегическом смысле Бородинская битва лишила армию Наполеона всех шансов на победу в войне. И тут Кутузов оказался абсолютно прав. А что до морально-нравственного взрыва в рядах русской армии и во всем народе, то тут лучше, чем граф Лев Толстой, не скажешь. «Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение

по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОМУ ПОЛКУ И МАТРОСАМ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА.

Архитектор С. Прохоров, 1912 год
Гвардейские егеря полковника Бистрома держали оборону непосредственно в селе Бородине. Стоит сказать, что первым шефом лейб-гвардии Егерского полка, возникшего в 1806 году из лейб-гвардии Егерского батальона, был не кто иной, как князь Петр Багратион. Для двух с лишним тысяч егерей перед днем сражения решено было устроить баню. Но деревенская банька оказалась столь мала, что к утру

Монумент русским
воинам на батарее
генерала Раевского

последние роты только готовились к помывке. В густом тумане на позиции егерей двинулись колонны 8-тысячной дивизии генерала Дельзона. Более часа гвардейские егеря сдерживали атаки французской пехоты. А в это время, согласно ранее отданному приказу, отряд гвардейских моряков из 30 человек под командой мичмана Лермонтова готовил к поджогу мост через речку Колочь. Морской Гвардейский экипаж был создан только в 1810 году, и война с Наполеоном стала первым боевым испытанием части. Уже при отступлении от государственной границы Российской империи гвардейские моряки зарекомендовали себя как отменно подготовленная саперно-инженерная часть. Когда егеря отошли через единственную переправу, моряки Гвардейского экипажа подожгли мост.

1-МУ И 19-МУ ЕГЕРСКИМ ПОЛКАМ.

Архитектор Б. Альберти, 1912 год
На плечах отходящих через мост гвардейских егерей на другой берег

Колочи смогли прорваться пехотинцы 106-го линейного полка дивизии Дельзона. И тут их встретили! По приказу командующего Первой русской армией генерала Барклая-де-Толли к мосту подошли колонны 1-го и 19-го егерских полков. В принципе, егерские полки предназначались для боя в рассыпном строю, так как в них набирали преимущественно метких стрелков. Егерям вменялось в обязанность «в засадах тихо лежать и молчание хранить», желательно в «местах наиудобнейших и авантажнейших, в лесах, деревнях, на пассах». Но тут, у горящего моста, было не до авантажей и пассивности. Егеря после дружного залпа ударили в штыки. 106-й полк французской пехоты был уничтожен полностью. Затем егеря 1-го (командир – полковник Моисей Карпенко) и 19-го (командир – полковник Николай Вуич), объединившись с гвардейцами, потерявшими 27 офицеров и

693 нижних чина, заняли позиции по берегу Колочи и больше атаковать французов не позволили.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕМУ ПОЛКУ.

Архитектор С. Родионов, 1912 год

НЕЖИНСКОМУ ДРАГУНСКОМУ ПОЛКУ.

Архитектор Л. Кишкин, 1912 год

К полудню раздраженный неудачными действиями маршалов Нея, Понятовского и Мюрата на левом фланге русских у Семеновских флешей Наполеон решил перенести удар на центр позиции Кутузова – батарею Раевского. Ударная группировка составила из корпуса маршала Богарне и кавалерийских дивизий Мюрата. Впервые сдвинулась с места Молодая гвардия...

Тогда-то командир корпуса легкой кавалерии генерал Уваров и казачий атаман Платов и получили приказ главкома – глубоким обходным маневром обогнуть левый фланг французов и взломать их тыловые коммуникации. Сказано – сделано!

Две линии уваровского корпуса (первая – лейб-гвардии Казачий и Елисаветградский гусарский, вторая – лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Уланский и Нежинский драгунский) вброд перешли Колочь и ринулись на кавалерийскую дивизию генерала Орнано, прикрывающую фланг. Французская кавалерия была опрокинута, но дальше рейд наткнулся на пехотные части, уже выстроившиеся в каре.

Однако эффект от неожиданного рейда был столь велик, что Наполеон поспешно отдал приказ о переводе на свой левый фланг частей Молодой гвардии, Итальянской гвардии и корпуса маршала Груши. Да и сам не поленился поехать посмотреть, что случилось.

Было выиграно часа два.

Одна загадка: почему из 28 эскадронов корпуса Уварова только нежинские драгуны и лейб-казаки решили увековечить память о своей боевой работе памятниками? Впрочем, еще не поздно...

К слову, автор памятника нежинским драгунам Кишкин сам служил в этом полку.

Памятник
фельдмаршалу
М.И. Кутузову
у деревни Горки,
где находился его
командный пункт

**7-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА П.М. КАПЦЕВИЧА.**

Архитектор А. Дроздовский, 1912 год

**23-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА А.Н. БАХМЕТЬЕВА 2-ГО.**

Архитектор неизвестен, 1912 год

**12-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА И.В. ВАСИЛЬЧИКОВА 1-ГО.**

Архитектор неизвестен, 1912 год

Генерал-лейтенант Капцевич имел под началом Псковский, Московский, Либавский и Софийский пехотные полки, 11-й и 36-й егерские, а также 7-ю артиллерийскую бригаду. Дивизия входила в 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова.

Генерал-майор Бахметьев 2-й командовал Рыльским, Екатеринбургским, Селенгинским пехотным и 18-м егерским полками, 23-й артиллерийской бригадой, состоявшей всего из одной легкой роты №44. Дивизия входила в состав 4-го пехотного корпуса генерала графа Остермана-Толстого.

Генерал-майор князь Васильчиков распоряжался Смоленским, Нарвским, Алексопольским и Новоингерманландским пехотными полками, 6-м и 41-м егерскими. Его дивизия входила в 7-й пехотный корпус генерала Раевского.

Пленные
французские пушки
у Бородинского
музея

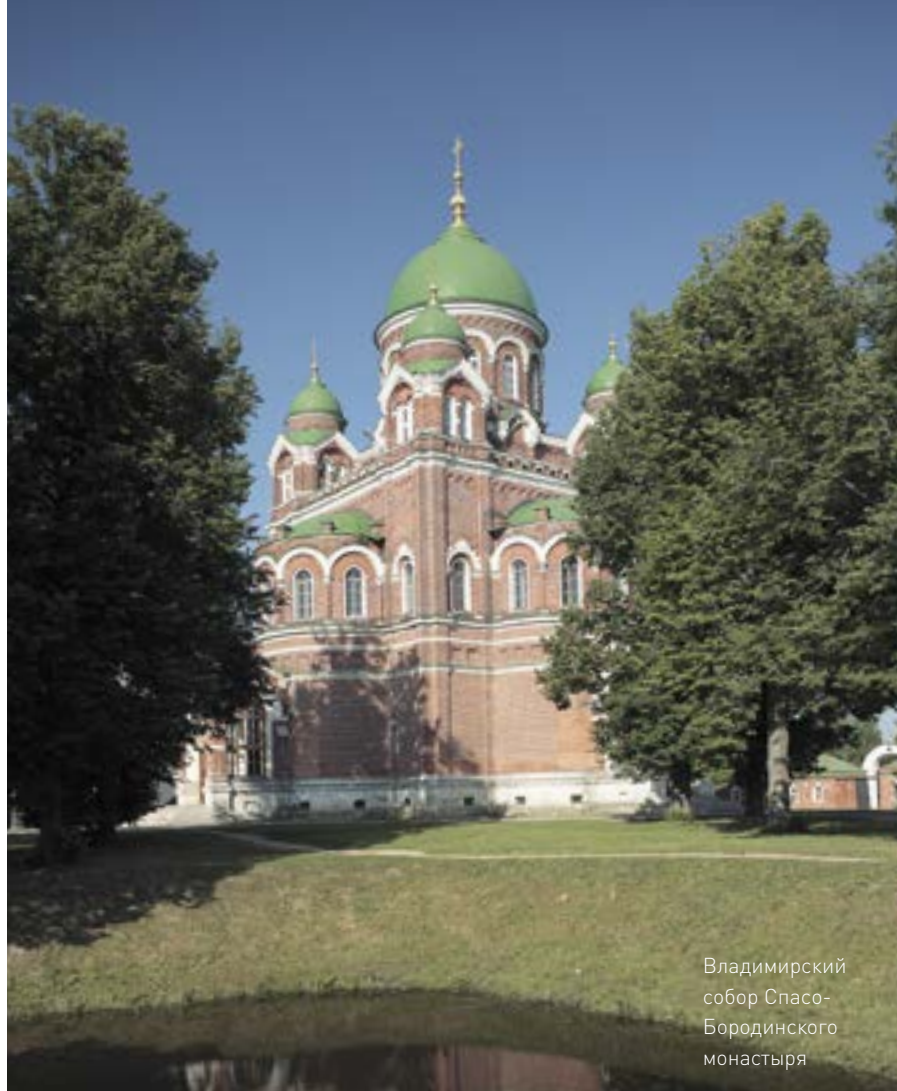

Как писал Лермонтов, «плохая досталась доля» людям Капцевича, Бахметьева и Васильчикова. Оборона центрального редута, получившего впоследствии название «Батарея Раевского».

В третьем часу пополудни 150 французских орудий обрушили на редут страшный огонь. Это была, если хотите, агония французской армии, последний штурм, после которого сил на атаки уже не оставалось. Поручик Граббе, адъютант генерала Ер-

молова, вспоминал: «Массы пехоты и конницы двинулись на нас. Тогда закипела сеча, общая, ожесточенная, беспорядочная, где все смешалось: пехота, конница, артиллерия». Оценку дивизиям корпуса Остермана-Толстого дал Барклай-де-Толли: «Бесподобные!»

Именно фельдфебель бахметьевской 23-й дивизии из 18-го егерского полка Василий Золотов притащил прямо на командный пункт Кутузова пленного французского

Владимирский
собор Спасо-
Бородинского
монастыря

бригадного генерала Бонами. Золотов был уверен, что пленит самого Мюрата. В тот момент, когда он хотел ткнуть в шитый золотом мундир француза штыком, генерал закричал: «Я король!» Легенда умалчивает, как русский егерь понял французского генерала, но факт пленения остается фактом.

Дивизия Капцевича... Она сражалась на рубеже ручья Огник с кирасирскими дивизиями Ватье, Дефранса и легкой кавалерией Шастеля, с пехотой Богарнэ. Стояла насмерть! Дивизия Васильчикова встречала первые атаки французов на редут. Она завершила разгром и уничтожение бригады генерала Бонами. Она билась с кавалерией врага левее батареи Раевского, прикрывая фланг.

24-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.Г. ЛИХАЧЕВА.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год
Уж на что тяжело пришлось полкам Бахметьева и Капцевича, но с судьбой дивизии генерала Лихачева не сравнить. Тут опять уместно вспомнить Лермонтова: «Немногие вернулись с поля»...

Лихачевцам (Уфимский, Ширванский, Бутырский и Томский пехот-

ные полки, 19-й и 40-й егерские, 24-я артиллерийская бригада) достались не подступы к редуту Раевского и не фланги. Им достался сам редут!

Но не сразу. Вторая атака на люнет Раевского принесла французам короткий успех. Проезжавшие мимо генералы Кутайсов и Ермолов, командующий всей русской артиллерией и командующий конной артиллерией соответственно, встали во главе батальона Уфимского пехотного полка дивизии Лихачева и повели ее в контратаку. Батарея была отбита, но конь Кутайсова вернулся из боя без всадника, с залитым кровью седлом. Более тяжелой в тот день можно назвать лишь одну потерю – смертельно раненного Багратиона.

Кутайсов погиб, Ермолов получил контузию. А генерал Лихачев – приказ: занять центральный редут и держаться. Он и держался. До тех пор, пока, израненный и оглушенный ударом приклада в рукопашном бою, не был взят в плен. Известно, что генерал отказался принять назад шпагу из рук Наполеона и умер в плену в 1813 году.

Один французский офицер писал позже: «Погибшая почти целиком

дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут». Только убитыми и пропавшими без вести дивизия потеряла тогда около 2 тысяч человек.

Под вечер французы выдавили с редута остатки артиллерийской прислуги и солдат прикрытия. Но вскоре сами ушли из укрепления и до темноты прятались от огня русских пушек в оборонительных рвах, заваленных трупами их же товарищей. Прятались, стоя на коленях.

1-й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ- ГВАРДИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ КАПИТАНА Р.И. ЗАХАРОВА.

Архитектор неизвестен, 1912 год

2-й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ- ГВАРДИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ КАПИТАНА А.Ф. РАЛЛЯ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

В старой песне, ставшей гимном гвардейской конной артиллерии, поется: «Есть много войска у царя – стрелки, гусары, егеря. Но лучше конных батарей не сыщешь войска у царей». После войны 1812 года офицеры пешей гвардейской артиллерии долго бились за то, чтобы у них, по примеру конноартиллеристов, форму украсили синие шаровары. Не вышло.

На Бородинском поле гвардейские батареи конной артиллерии капитанов Захарова и Ралля выглядели особенно даже на фоне блистательно сражавшихся коллег. Их подвиги похожи. В обоих случаях батареи вылетали на прямую наводку и били врага в упор. Капитан Александр Раль спас драгун Псковского полка от гибели. Но сам... погиб от смертельной раны. Капитан Ростислав Захаров в десять утра оказался у Багратионовых флешей, где с ходу расстрелял французскую колонну, заходившую в тыл. Он вел бой в течение двух часов, пока не опустошил все зарядные ящики. Вскоре был ранен ядром и все оставшиеся ему на свете пятнадцать минут повторил одно: «Наша ли победа? Отступает ли неприятель?»

Только в 1811 году по приказу главного фельдцейхмейстера великого князя Константина Павловича входившая в лейб-гвардии артиллерий-

скую бригаду конно-артиллерийская рота была укрупнена и разделена на две батареи. Война 1812 года – дебют лейб-гвардии Конной артиллерии в качестве самостоятельной части. И какой дебют!

Правда, достался он дорого. Помимо Захарова и Ралля батареи потеряли еще шесть офицеров и 110 нижних чинов, а также 113 лошадей.

КАВАЛЕРГАРДАМ И КОННОЙ ГВАРДИИ.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год
Два самых блестящих полка русской гвардейской кавалерии – Кавалергардский, основанный в 1800 году, и лейб-гвардии Конный, рожденный аж в 1730-м, – на Бородинском поле щадить никто не собирался. Оба полка после полудня выдвинулись к батарее Раевского и заняли место во второй линии, позади дивизий Остермана и Дохтурова. Их время пришло, когда поредевшие ряды 7-й пехотной дивизии пропустили-таки атакующих французов. Наполеоновские кавалеристы, уже праздновавшие победу, увидели перед собой эскадроны конногвардейцев и кавалергардов бригады генерала Шевича. Вот и сошлась тяжелая кавалерия на бранном поле!

Всего 8 эскадронов насчитывали два полка, примерно 1500 всадников. Но они последовательно разобрались с саксонскими кирасирами, польскими уланами, карабинерами Дефранса. Остатки французской конницы, проскакавшие сквозь рубку, встретили преображенцы и семеновцы, стоявшие в резерве.

Девиз кавалергардов – «Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого быть лучше нас». Следуя кавалергардским канонам, командир 1-й кавалерийской (кирасирской) дивизии генерал-майор Бороздин так оценил действия своих всадников: «Сим было остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей спасена».

АСТРАХАНСКОМУ КИРАСИРСКОМУ ПОЛКУ.

Архитектор неизвестен, 1912 год
Свой подвиг астраханские кирасиры совершили у Багратионовых флешей. Перед Бородинским сраже-

Однополчане – офицерам и солдатам 53-го Волынского пехотного полка

нием эскадроны насчитывали 597 человек личного состава. После – 95! Командир полка полковник Каратаев был дважды ранен, но поле битвы не покинул. Трубоч Кирилл Семякин вынес из боя раненого эскадронного командира майора Белавина, а кирасир Осип Ярославский спас эскадронного командира майора Нанцева. В штыковом бою, как пехотинцы, бились тяжелораненые кирасиры Никита Горбенко и Григорий Изымбал. Притащил в тыл пленного французского полковника унтер Афанасий Авраменко. Вот так!

ПОЛЕВОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год
О значении артиллерии в Бородинском сражении сказано достаточно. Осматривая поле боя, маршал Мюрат делился с маршалом Неем: «Вчера был жаркий день, я никогда не видал сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но там были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью». Говорят, Наполеон приказывал переворачивать трупы своих офицеров, чтобы видеть рану, приведшую

Монумент
«Благодарная
Россия»

к смерти. В большинстве случаев это были раны от картечи. Французский император по образованию был артиллерист, и он знал, о чем говорил, когда в превосходных тонах оценивал работу русских пушкарей на Бородине.

В создании памятника принимал участие командир 20-й конно-артиллерийской батареи Буйницкий. По его проекту сделана бронзовая памятная доска с барельефом. В 1977 году доску украли. Но год спустя она была восстановлена.

В бородинском бою приняли участие 9 конных артиллерийских рот армейской полевой артиллерии. Деньги на сооружение памятника сдали все конно-артиллерийские батареи Русской императорской армии.

ВОЛЫНСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

4-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

ГЕНЕРАЛА Е. ВЮРТЕМБЕРГСКОГО.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Четвертая пехотная дивизия в составе Кременчугского, Минского, Тобольского и Волынского пехотных полков, 4-го и 34-го егерских полков и 4-й артиллерийской бригады входила во 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута. Так случилось, что части этого корпуса вступили в Бородинское сражение последними. Но последние не означает – худшие. Кременчугцы и минцы держали оборону на левом фланге в районе старой Смоленской дороги, где атаковали польские части Великой армии под командованием маршала Понятовского.

Тобольцы и волынцы как встали на позициях между батареями Раевского и деревней Семеновское, так и не сдвинулись с места. Несмотря на все попытки французов раздробить их каре. Немного о принце Вюртембергском. Он был самым молодым генералом в армии Кутузова. Ему едва минуло 24 года. Евгений приходился кузеном императору Александру I. Один из великих князей писал о нем: «Отличительной чертой принца была любовь к военному делу и умение применяться к русскому солдату и офицеру, чего не доставало другим иностранцам, наполнявшим ряды нашей армии».

Уместно сказать и о том, что в Русской императорской армии спустя некоторое время появился еще один Волянский полк – лейб-гвардии. В результате имеется некоторая путаница, усугубляемая тем, что пехотные волинцы за Бородино полковых наград не получили, а среди наград волинцев-гвардейцев имеется Георгиевское знамя за изгнание Наполеона из пределов России. Дело в том, что основу лейб-гвардии Волянского полка при его создании в 1817 году составили солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, заслужившие награды в кампанию 1812 года. Эти награды и достались лейб-волинцам по наследству.

А порохом Бородина обожжены знамена 53-го Волянского пехотного полка, возрожденного, к слову, в 1918 году в Белой армии генерала Деникина.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЕ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

БАТАРЕЙНОЙ №2 И ЛЕГКОЙ №2 РОТАМ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

В канун Бородинского сражения адъютант командующего всей артиллерией графа Кутайсова гвардейский прапорщик Норов объехал все батареи и роздал приказ. Из бумаги следовало, что орудиям велено с позиций не сниматься и вести огонь до тех пор, пока «неприятель не сядет верхом на пушки». Сейчас трудно понять, в чем смелость и новаторство молодого генерала Александра Кутайсова, но тогда...

Дело в том, что в артиллерии не было ни знамен, ни штандартов. Эту роль выполняла сама пушка. И в случае ее захвата врагом позор падал на всю часть. Поэтому артиллеристы были приучены вести огонь аккуратно и до тех пор, пока неприятель находился в относительной дали. Но едва возникала опасность захвата пушек, расчеты цепляли орудия к передкам и уходили с позиций. Кутайсов сломал эту традицию, не оглядываясь на мнение самого императора. Неслучайно участник Бородинской битвы Глинка назвал этот день днем рождения русской артиллерии.

На месте этого памятника насмерть стояло каре лейб-гвардии Измайловского полка

Согласно приказу Кутайсова и сражались в числе прочих гвардейские артиллеристы.

Довольно привести один пример – батарейную роту №2. Поначалу 12 орудиями роты командовал полковник Таубе. После полученного им смертельного ранения командование принял штабс-капитан Демидов. Контузия – и он уступает место поручику Коробьину. И тоже контузия! Но смены уже не было. И Коробин остался в строю.

2-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА К. МЕКЛЕНБУРГСКОГО И СВОДНО-ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА М.С. ВОРОНЦОВА.

Архитектор неизвестен, 1912 год

Бой за Багратионовы флеши у села Семеновского грянул с самого утра. Наполеон предполагал, что с ограниченными ресурсами Багратиона на флешах он справится двумя дивизиями из корпуса маршала Даву. План рухнул в самом начале. В самих флешах гренадеры Воронцова, расположившиеся на подходах гренадеры Карла Мекленбургского и пехотинцы 27-й дивизии генерала Неверовского отступать не собирались.

В мясорубку боя с обеих сторон падали все новые и новые батальоны. Во время одной из контратак погиб со знаменем родного Ревельского пехотного генерал Александр Тучков 4-й, чье тело так и не удалось обнаружить.

Флеши не раз переходили из рук в руки. К десяти часам утра Багратион собрал мощный ударный кулак, чтобы выбить французов из укрепления окончательно. Пальцами в кулаке были в том числе и остатки гренадер Воронцова, мекленбуржцы, полки Коновницына, батальоны Васильчикова...

Судьба вмешалась в неподходящий для нас момент. Багратион получил смертельное ранение в ногу, и его войска на время потеряли опору.

3-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.П. КОНОВНИЦЫНА.

Архитектор А. Годунов, 1912 год

МУРОМСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Кутузов называл генерала Петра Коновницына «Лев». Так же, как Наполеон – маршала Нея. Выполнял ли на Бородинском поле Ней все указания своего императора, пусть судят французы. Я же могу утверждать,

Кавалеристам
4-го корпуса
генерала Сиверса

что Коновницын выполнил все приказы, полученные им по ходу боя. Его 3-я дивизия, включавшая Ревельский, Муромский, Копорский, Черниговский, 20-й и 21-й егерские, сражалась на Семеновских высотах, обороняя Багратионовы флеши.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОМУ ПОЛКУ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ МОСКОВСКОГО ПОЛКА.

Архитектор неизвестен, 1912 год

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ ЛИТОВСКОГО ПОЛКА.

Архитектор Ф. Былевский, 1912 год

Вторая гвардейская пехотная бригада под командой полковника Храповицкого, состоявшая из полков лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Литовского, получила приказ о выдвижении уже в седьмом часу утра. Кто ж знал тогда, что Храповицкий двинулся в путь за генеральским званием, а полки – к Георгиевским знаменам.

Гвардия заткнула собой брешь, образовавшуюся у Семеновских флешей. Назревала мощная кавалерийская атака противника. Кирасиры генералов Нансuti и Латур-Мобура

двинулись на измайловцев и литовцев. Два корпуса – против двух полков! На пути латников встали батальонные каре русской гвардейской пехоты.

Волны французской кавалерии, разбившиеся о волнорезы русской гвардии, стали наградой полкам за огромные потери, понесенные ими до и после. Шесть часов стояли пехотинцы под прямым картечным огнем французских батарей. И спрятаться невозможно, и уйти нельзя. Очевидец А.П. Кутузов вспоминал: «Желая сбить колонны наши, усиливал неприятель огонь своей артиллерии; действие оной, истребляя ряды наши, не производило в них никакого беспорядка...»

В Бородинском сражении самые крупные потери в абсолютном исчислении понес лейб-гвардии Литовский полк: 436 убитыми, 113 пропавшими без вести и 532 ранеными. Но два памятника стоят ему не по этой причине. В 1817 году два батальона полка стали лейб-гвардии Московским полком, а третий батальон стал базой для разворачивания нового лейб-гвардии Литовского полка.

2-Й КИРАСИРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА И.М. ДУКИ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

4-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛА К.К. СИВЕРСА.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год

Пять кирасирских полков – Екатеринославский, Орденский, Глуховский, Малороссийский и Новгородский – это силища! По меньшей мере около 3 тысяч кирасир, считавшихся тогда тяжелой кавалерией. Каждый кирасир был вооружен палахом, двумя пистолетами и ружьем.

В корпусе графа Сиверса сражались драгуны Харьковского, Черниговского, Киевского и Новороссийского полков, а также ахтырские гусары и литовские уланы. Эта конная масса сильно испортила жизнь французам двумя днями ранее в бою за Шевардинский редут. «Наш полковник командовал «Стройся в каре!», но уже было поздно, и когда полковник командовал отступление, то кирасиры обрушились на передовых из первого батальона, пробившись сквозь каре, построенное второпях, и изрубили саблями всех, кого смогли только достать. Прочие батальоны начали отступать в большом беспорядке», – вспоминал офицер 111-го полка Фоссен.

Такой же хорошей боевой работой отметились кирасиры Дуки и кавалеристы Сиверса на Бородине, помогая отбивать атаки лейб-гвардии Измайловскому и лейб-гвардии Литовскому полкам.

К примеру, командир эскадрона новоросийцев граф Сиверс (сын командира 4-го корпуса) пленил 12 французских пушек, перебив прислугу, но вывезти их с батареи не смог – потерял коня и был ранен. А в рядах литовских улан сражалась кавалерист-девица Надежда Дурова, послужившая прототипом для образа Шуручки Азаровой в «Гусарской балладе».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОМУ ПОЛКУ.

Архитектор Ф. Былевский, 1912 год
**17-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА З.Д. ОЛСУФЬЕВА.**

Архитектор неизвестен, 1912 год
ПАВЛОВСКОМУ ГРЕНАДЕРСКОМУ ПОЛКУ.

Архитектор А. Верещагин, 1912 год
**1-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА П.А. СТРОГАНОВА.**

Архитектор Матвеев, 1912 год

В районе Утицкого кургана сражение также не утихало. Посланный сюда Наполеоном корпус Понятовского, поддерживаемый корпусом Жюно, должен был прорвать русскую оборону и выйти в тыл всей русской армии. Не удалось.

Одними из тех, кто помешал этому плану, были солдаты лейб-гвардии Финляндского полка. Большую часть времени полк сражался в стрелковых цепях среди деревьев Утицкого леса.

А первыми встретили удар врага гренадеры Строганова. Шесть полков – лейб-гренадерский, графа Аракчеева, Павловский, Екатеринославский, Санкт-Петербургский и Таврический. Гренадеры – это особые части, и не случайно впоследствии три из шести строгановских полков были переведены в лейб-гвардию.

Но силы были слишком неравны, и русская пехота стала отходить, очищая курган. Не дав врагу опомниться, командующий корпусом генерал Николай Тучков 1-й бросил гренадер в контратаку, а чтоб им было весе-

лее – пустил в дело полки 17-й пехотной дивизии. Довольно сказать, что ее командир генерал Захар Олсуфьев генеральский чин и полк под командой получил за 14 лет до Бородинского сражения. Опытнейший был командир. Именно он спустя считанные месяцы в сражении при Тарутине заменил убитого командующего пехотным корпусом Багговута.

А здесь, на Утицком кургане, нашел свою смерть другой корпусной командир русской армии – генерал-лейтенант Николай Тучков.

ПИОНЕРНЫМ (ИНЖЕНЕРНЫМ) ВОЙСКАМ.

Архитектор неизвестен, 1912 год

На южной флеша, которую первой удалось захватить французам, памятник инженерным ротам русской армии более чем уместен. Полевые укрепления – Багратионовы (Семеновские) флеша на левом фланге и редут Раевского в середине позиции – были построены быстро и надежно. Трудно сказать, каковы

были бы результаты и размер потерь в битве, случись войскам встретиться в чистом поле.

3-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ, БРИГАДЕ ГЕНЕРАЛА И.С. ДОРОХОВА.

Архитектор А. Рахманинов, 1912 год
Курляндский, Оренбургский, Сибирский, Иркутский драгунские, Сумской и Мариупольский гусарские полки – вот ударная сила 3-го резервного кавалерийского корпуса.

Самый яркий момент среди десятков эпизодов у батареи Раевского и Багратионовых флешей, в которых бились драгуны и гусары Дорохова, это атака бригады на конницу маршала Мюрата. Ее смяли, точно бумажную, чудом не пленив при этом самого неаполитанского короля, считавшего себя лучшим кавалеристом Европы.

Ударом дороховской бригады закончилась четвертая попытка Наполеона захватить Семеновские флеша.

Надгробная плита на могиле капитана лейб-гвардии Финляндского полка А.Г. Огарева, прах которого был перенесен на Бородинское поле

Лейб-гвардии
литовцам –
от лейб-гвардии
москвовцев.
Полку-отцу –
от полка-сына

27-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО.

Архитектор неизвестен, 1912 год

МОГИЛА ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО.

Архитектор неизвестен, 1912 год

Генерал Неверовский и его 27-я – особая страница русской военной истории. Дивизия и ее командир прославились под Смоленском. В течение дня 10 тысяч новобранцев Одесского, Тарнопольского, Виленского, Симбирского, 49-го и 50-го егерских полков сдерживали всю армию Наполеона на дороге, ведущей к древнему русскому городу. Узнав о том, кто противостоял ему, император Франции отказывался верить рапортам.

Генералу Раевскому доложили, что вся дивизия погибла на подступах к Смоленску. Засев в предместьях, Раевский приготовился к встрече с противником. Но противника все не было. Наконец появились колонны солдат. На фоне садящегося солнца к Смоленску шли батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык ее горел лучом бессмертия», – писал Денис Давыдов. Тогда дивизия потеряла 1200 нижних чинов и 20 офицеров.

Проведя весь день Бородинского сражения в гуще событий на Семе-

новских флешах, дивизия лишилась более половины численного состава. Но хотела драться.

Неверовский получил смертельную рану в 1813 году, в Битве народов при Лейпциге. Но могила его здесь, в России, на Бородинском поле.

МОГИЛЫ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ: КАПИТАНА А.П. ЛЕВШИНА И КАПИТАНА П.Ф. ШАПОШНИКОВА. ПОРУЧИКА С.Н. ТАТИЩЕВА И ПРАПОРЩИКА Н.А. ОЛЕНИНА.

Надгробия XIX века

Памятники Бородинского поля в большинстве коллективные. Кутузову, Неверовскому и Багратиону, в ограде главного монумента на батарее Раевского, – исключения. Но есть еще два памятника, выходящие из общего ряда.

Первый – капитану лейб-гвардии Егерского полка Левшину и капитану лейб-гвардии Преображенского полка Шапошникову. Второй – двум офицерам лейб-гвардии Семеновского полка поручику Татищеву и прапорщику Оленину. По большому счету семеновцы и преображенцы в Бородинском сражении участвовали едва-едва. Стояли в резерве и гибли от залетающих французских ядер. Потери – 273 человека. И среди них...

Офицер-семеновец Матвей Муравьев-Апостол вспоминал: «Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-й батальон. Петр Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 утра ядро пролетело близ его головы: он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Николай Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. В эту самую минуту ядро пробilo спину графа Татищева и грудь Оленина и унтер-офицеру оторвало ногу».

Двадцатилетний прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Николай Оленин свой подвиг на Бородине так свершить и не успел. Или – успел? 🍷

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург], фото Замира Усманова

ДЕВЯНОСТО ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ

В НЕБОЛЬШОЙ КОМНАТКЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОСТРОЙКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ВЕСЬ ПОЛ УСТЛАН ГАЗЕТАМИ, НА КОТОРЫХ РАЗЛОЖЕНЫ ФРАГМЕНТЫ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ. ЭТО ТО НЕМНОГОЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ЛЮДЕЙ, РАССТРЕЛЯННЫХ ВО ВРЕМЕНА «КРАСНОГО ТЕРРОРА» В 1918–1919 ГОДАХ. НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ ЗАСТАВЛЯЕТ ВНОВЬ ВСПОМНИТЬ ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ МНОГИЕ ПРЕДПОЧИТАЮТ ЗАБЫТЬ.

«**В** ОТ, СМОТРИТЕ, ПРЕ-
красно сохранилась
фетровая шляпа!» –
показывает находку
археолог и историк Владимир Киль-
дюшевский. Именно он в декабре
2009 года во время наблюдений за
земляными работами в Петропав-
ловской крепости наткнулся на не-
известные ранее захоронения, где
было найдено 18 человек, погиб-
ших предположительно в первый
послереволюционный год. Шумиха
вокруг находок поднялась такая,
что было принято решение под-
робно изучить территорию возле
Головкина бастиона, недалеко от
Кронверкского канала, – шутка ли,
прямо в центре Санкт-Петербурга
обнаружилось неучтенное клад-
бище! Все лето, несмотря на ано-
мальную жару, группа археологов
во главе с Кильдюшевским изучала
участок грунта возле Головкина ба-
стиона. И сенсационные находки
не заставили себя ждать.
«Вообще-то начало XX века для
меня, как для ученого, интереса не
представляет, я занимаюсь гораздо
более ранними эпохами, – вздыха-
ет Владимир Игоревич. – Но тут уж
это было делом моей совести – раз

я на захоронения наткнулся, то мне
дальше с ними и работать. Когда мы
в июне приступали к раскопкам, ду-
мали, что найдем одну-две могилы,
а нашли целых семь! В них захоро-
нено около ста человек. Точно опре-
делить число, конечно, смогут толь-
ко антропологи после тщательной
экспертизы. Но такой гигантской
цифры никто из нас не ожидал.
А ведь это только один исследо-
ванный участок, следующим летом
будем копать на соседнем куске
земли, я не берусь предсказывать,
сколько убитых мы там найдем...».
Обнаружение кладбища нельзя
считать совсем уж полной не ожи-
данностью: в последние годы по-
явились воспоминания современ-
ников, которые рассказывали о
расстрелах в Петропавловской кре-
пости, совершавшихся пришедши-
ми к власти красными. Академик
Дмитрий Лихачев писал в своих
воспоминаниях, что он слышал вы-
стрелы по ночам со стороны Петро-
павловки, когда жил на Арсеналь-
ной набережной.
Но внимание к раскопкам было осо-
бое: есть вероятность, что в обнару-
женных могилах могут оказаться
останки четырех великих князей –

Дмитрия Константиновича, Нико-
лая и Георгия Михайловичей, а так-
же Павла Александровича, которых
расстреляли в конце января 1919-го
именно в Петропавловке. Об этом,
уже находясь в эмиграции, писа-
ла в своих мемуарах княгиня Оль-
га Палей, жена Павла Александро-
вича. Чтобы узнать о последних
минутах жизни своего мужа, жен-
щина общалась и с тюремным сто-
рожем, который вел князей к мо-
гиле, и с тем, кто закапывал тела...
Но точное место их расстрела и за-
хоронения так до сих пор неизвест-
но. «Неужели убитых великих кня-
зей наконец-то нашли и похоронят
по-человечески?» – обрадовалась пе-
тербургская общественность, узнав
о находках близ Головкина бастио-
на. Но археологи остужают пыл лю-
бителей сенсаций: определить, есть
ли среди ста найденных тел при-
надлежащие к царской фамилии,
без долгих и кропотливых исследо-
ваний и генной экспертизы прак-
тически невозможно. «Если бы их
было всего 18, которых мы нашли
в первой, «декабрьской» могиле, то
еще можно было бы говорить о ген-
ных экспертизах, – объясняют ар-
хеологи. – Но изучить сто человек,
да еще тех, которых мы найдем
в следующем году, – на это нужна
большая комиссия, состоящая из
самых разных специалистов. На-
пример, нужен историк, специа-
лизирующийся на моде начала XX
века, – он мог бы определить тип
ткани, может быть, даже особый
покрой платьев – приметку портно-
го, у которого одевалась вся элита.
Нужен ювелир, разбирающийся в
найденных нательных крестиках и
образках. Нужен стоматолог для из-
учения зубных протезов. Антропо-
лог мог бы изучить болезни, кото-
рыми страдал человек при жизни и
которые оставили следы на костях,
сравнивая их затем с записями в
старых медицинских картах. Толь-
ко так можно было бы постепенно
определить личности всех погиб-
ших, что является нашей перво-
степенной задачей. Но это требует
мощного финансирования, которо-
го пока нет».

Главный враг – плесень

Пока группе Кильдюшевского рано думать об опознании всех погибших. Их первоочередная задача – сохранить находки: ведь выкопанные из земли останки не могут храниться просто так. Особенно вредны для них влажность и жаркое солнце – а и того, и другого, вздыхают археологи, в Петербурге этим летом слишком много.

«Видите, некоторые уже стали покрываться плесенью, – переживает Владимир Игоревич. – А плесень – главный враг любой органики. Находок так много, что нам их некуда деть – они сложены на полу, в ящиках, все помещение ими забито. Конечно, так быть не должно. Вообще-то это уже не наша обязанность, но мы не можем бросить останки на произвол судьбы. Были предложения отправить найденное в прокуратуру, но кто там будет этим заниматься? Всё сложат в коробки, будут хранить до тех пор, пока определить что-либо будет уже нельзя, а потом отвезут на свалку. Как профессионал и как человек с совестью, я не могу этого допустить». Археологи буквально днюют и ночуют в Петропавловской крепости –

Владимир Кильдюшевский отметил на карте Петропавловки места возможных захоронений

Мельчайшие находки достают из земли и тщательно изучают

Еще одна разграбленная могила – кости убитых лежат в беспорядке

ведь они знают, что время работает против них.

«Нам не хватает рук, пришлось кличь по всем знакомым, чтобы они помогли почистить и должным образом законсервировать находки, – объясняет Кильдюшевский. – Все на добровольных началах, денег за эту работу мы заплатить не можем. Но много людей откликнулось, что вселяет в меня определенный оптимизм. Значит, есть неравнодушные люди в нашем городе».

Детективы из-под земли

О своей работе Владимир Игоревич может говорить часами.

«Работа археолога – это своего рода детектив, – рассказывает Кильдюшевский. – Ведя раскопки, мы обращаем внимание на самые, казалось бы, незначительные мелочи, изучаем все детали. Например, мы выяснили, что все захоронения велись в зимнее время. Найдены фрагменты валенок, свитеров, шинелей. Да и ямы вырыты неглубокие и сохраняют четкую форму с углами – археологу сразу понятно, что долбили мерзлый грунт, иначе бы могила была бесформенной, а земля рыхлой. В одной из могил мы нашли множество пенсне, шляп, вставных

челюстей – то есть здесь захоронены в основном пожилые люди в штатском, скорее всего, интеллигенция, банкиры, профессора. Теперь уже работа историков выяснять в архивах, кто из профессуры был расстрелян или пропал без вести в те лихие годы. А в другой могиле, наоборот, одни матросы – мы обнаружили бескозырки, ленточки, даже одну пряжку от ремня ученика кадетского училища...»

Один из помощников, Алексей, внимательно изучает найденные туфли. «Они такие узкие, с лакированным мыском и на каблуках, – обращается он к более опытному Владимиру Игоревичу. – Как думаете, могли они принадлежать женщине?»

«Сложно сказать, – отвечает археолог, рассматривая находку сквозь очки. – Может быть, и женские, но, скорее всего, они принадлежали какому-нибудь офицеру-моднику. Видите, и подкова на каблуке, характерная для военных... Все-таки женщин в этих могилах мы пока не распознали, – объясняет Кильдюшевский, возвращаясь к разговору. – Только в «декабрьском» захоронении нашли один женский скелет, есть предположение, что это Вера Шульгина, сестра монар-

хиста Шульгина, она проходила по делу о вербовке офицеров в белую армию».

Блудя на молодых ребят-волонтеров, сосредоточенно и деловито разглядывающих выкопанные черепки («Видите, тут даже волосы сохранились, и зубы не стерты, значит, череп принадлежал молодому человеку»), очищающих от грязи неплохо сохранившиеся за 90 лет сапоги с железными набойками в виде подков («Тогда так все военные носили, чтобы каблуки не снашивались»), становится жутко: ведь эта груда «материала» когда-то была живым человеком со своими горестями и радостями. Археологи – люди привычные и циничные, но признаются, что работать в Петропавловке даже им было психологически трудно.

«Это не первая работа с захоронениями в моей жизни, – говорит Владимир Кильдюшевский. – Но я привык, что к умершим относятся с уважением, в могилах все аккуратно, лежит лишь один или два человека... А тут в каждой яме по 18–20 трупов, набросанных кое-как, друг на друга, переплетенные тела, у многих видны в черепе следы от пуль. Тут же их одежда,

Два незаменимых инструмента современного археолога – лопата и металлоискатель

Череп и кости бережно очищают волонтеры. Главная задача – спасти находки от плесени

обувь. Начинаешь задумываться, почему и зачем вот этот человек здесь сложил голову ни за что ни про что...».

Помойка на месте могил

Осложняет работу питерских ученых и то, что большинство могил уже было «перекопано», или, говоря проще, разграблено. Территория, где нашли кладбище, до 1953 года была ограждена забором и принадлежала военному ведомству – никого из посторонних туда не пускали. Лишь после 1953 года на территории Петропавловки организовали музей.

«В 30-е и даже в 40-е годы на этом месте располагался хозяйственный двор, стояли сараи, была автомастерская, – говорит археолог. – На останки, закопанные неглубоко, явно натыкались – все могилы, кроме двух, перевероршены, кости валяются как попало, а не в антропологическом порядке, нет ни нательных крестиков, ни образков, ни других драгоценностей, которые мы в большом количестве нашли в нетронутых могилах. Но, естественно, никакая информация о найденных телах никуда не поступала. Например, одно из захоронений «расхитители» нашли, когда рыли выгребную яму. Что

самое странное – они все-таки сделали помойку прямо над могилой, попутно изучив содержимое найденного «склепа» и вынув оттуда то, что посчитали ценным. Видимо, помойку копали рядовые, о своих находках они никому не сообщали. Удивляться не приходится: люди в 30-х годах были уже в массе своей безбожники, осквернить чью-то могилу и поживиться за счет умерших заторным не считали».

Кстати, и в наше время археологам пришлось столкнуться с «гробокорателями»: известие о необычных находках в центре города привлекло к месту раскопок не только зевак и туристов, но и людей с недобрыми намерениями. «Когда мы изучали первое, найденное еще в декабре 2009 года захоронение, то пришлось охранять место круглые сутки, даже ночью, – вспоминает Владимир Игоревич. – Трое ребят следили за тем, чтобы найденные тела не были потревожены. Попадались им люди с металлоискателем, но при виде охраны они исчезали. Этим летом мы не стали ставить специальную охрану, потому что участок раскопок и так был огорожен забором. Но в качестве предосторожности каждую ночь мы засыпали могилу, если не успевали вытащить все тела за один день. А утром откапывали заново.

«Костями ляжем, но людей похороним»

Трудно поверить, что разложенные на газетках фрагменты тел, заботливо снабженные бумажками с номерами захоронений, когда-нибудь будут достойно захоронены – каждый под своим именем. Слишком многое зависит от расторопности чиновников, от финансирования.

«Все, что от нас зависит, мы сделаем, – убежден старый археолог. – Костями, как говорится, ляжем, чтобы эти сто человек были опознаны и похоронены. Они ведь 90 лет ждали погребения. Ведь это наша история. И давно пора прекратить делить всех на «своих» и «чужих». Мы же все свои! Без понимания этого примирения со своей историей и с собой у нас никогда не будет».

УГАДАТЬ ТАЛАНТ

О ТОМ, КАКИЕ ВЗАИМНЫЕ ОТКРЫТИЯ ДЕЛАЮТ РОССИЯНЕ И ФРАНЦУЗЫ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ, КАК СОЗДАЮТСЯ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И КУДА ДВИЖЕТСЯ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО, «РУССКОМУ МИРУ.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А.С. ПУШКИНА, АКАДЕМИК, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РОССИИ ИРИНА АНТОНОВА.

Ирина Александровна, пере-
крестное проведение Года
России во Франции и Года
Франции в России уже при-
несло много открытий в художествен-
ной сфере. В Париже выставку «Свя-
тая Русь» посетили 200 тысяч человек,
а в Москве огромные очереди стояли
на экспозицию Пикассо. Разве за про-
шедшие десятилетия наши страны не
представили свое искусство друг дру-
гу? Или еще остались белые пятна?

– Я думаю, взаимный интерес друг к
другу неисчерпаем. Ведь и искусство
России, и искусство Франции явля-
ются одними из самых глубоких яв-
лений в европейской культуре. Про-
цесс взаимных открытий бесконечен.
Я была вместе с делегацией нашего
президента на выставке «Святая Русь»
в Лувре и сразу же сказала коллегам,
что ее необходимо показать в Москве,
настолько она содержательна. На ней
представили уникальные экспонаты
из 26 российских музеев. Некоторые
из этих экспонатов находились в за-
пасниках, некоторые были только
недавно отреставрированы, и даже я,

специалист в области искусства, знала
далеко не обо всем на этой выставке.
Например, где-то в Вологде хранилась
старинная икона, которую практиче-
ски никто не видел. А когда ее при-
везли в Париж, оказалось, что это – на-
стоящий шедевр. Так что парижская
выставка была открытием не только
для французов, но и для россиян.

Что касается дальнейших взаимных
открытий, то существуют еще целые
«континенты» французского искусства
XIX века, которые россияне пока у себя
не видели. Например, мы были бы
счастливы показать выставку таких ма-
стеров, как Энгр, Курбе, Эдуард Манэ,
Милле. Кроме того, лично я очень лю-
блю выставки, посвященные архитек-
туре, было бы интересно провести что-
то подобное, посвященное Франции.
Также хотела добавить, что на наших
Декабрьских вечерах, которые в этом
году отмечают 30-летний юбилей, всег-
да очень много играют французской
музыки, и каждый раз находится что-
то новое, недостаточно известное.

А по поводу выставки Пикассо у нас,
в Музее имени Пушкина, могу ска-

зать, что в последнюю неделю некото-
рые посетители ночевали в машинах,
чтобы утром попасть на экспозицию.
Все три месяца вокруг нашего музея
стояла очередь, которая не только оги-
бала все здание, но еще иногда шла по
второму кругу, и, встав утром, люди
рисковали к вечеру не попасть на вы-
ставку. Интерес был просто невероят-
ный. Мы специально в отдельные дни
увеличивали рабочее время, чтобы
дать возможность посмотреть карти-
ны большему числу посетителей.

– Такие огромные очереди вокруг
вашего музея всегда наблюдались
во времена Советского Союза, когда
привозили что-то из западных кол-
лекций. Тогда это было понятно, по-
скольку мало кто сам мог их видеть.
И просто удивительно, что сохранил-
ся подобный интерес сегодня.

– Да, это тем более удивительно,
что Пикассо достаточно известный
художник, а кроме того, и в наших
собственных музеях имеются его
произведения. Но эта выставка была
замечательно сделана, показывая
творчество Пикассо всех периодов.
Интерес в результате был беспример-
ный, и это, конечно, очень радует.

– Если наблюдается такой интерес к
Пикассо, то, может быть, вы осуществи-
те то, о чем однажды упоминали: соз-
дание отдела современного искусства?
Хотя если вы это сделаете, наверняка
все начнут критиковать музей за пред-
почтение того или иного художника.

– Конечно, данное направление в музее должно непременно развиваться, но я хочу сказать, что понимать и правильно оценивать искусство своего времени – это самая трудная задача. Почему мы так и восхищаемся нашими великими коллекционерами Сергеем Шуккиным и Иваном Морозовым, ведь они в свое время угадали талант и величие тех художников, которые были признаны только потом. Среди них Пикассо и Матисс. Причем угадали тогда, когда даже французы отказывались их покупать. Более того, отказывались и даром брать, как это, например, случилось с изумительной коллекцией Кайботта, которую Лувр не захотел принять в дар, поскольку не посчитал ее соответствующей своему уровню.

У искусствоведов есть такое выражение: «вещь становится музейной». Тот же Пикассо когда-то не был музейным художником, а с определенного момента стал таковым. Здесь как раз помогли наши русские коллекционеры, а также американцы Лео и Гертруда Стайн, которые начали покупать картины Пикассо. Конечно, такое превращение из неизвестного художника в музейного – это целый процесс: процесс квалификации, понимания, глубины прочувствования. Все могут ошибаться, но время уже сейчас позволяет дать оценку каким-то периодам. При этом мы видим вокруг огромное количество продукции, я бы так это назвала, которая когда-нибудь уйдет навсегда. Это просто очевидно. Но что-то непременно останется, хотя бы как пример усилий, которые делались для того, чтобы понять свое время в искусстве. Нужно за всем этим процессом внимательно наблюдать и изучать.

– В Париже говорят, что руководитель Центра Помпиду обладает способностью чувствовать коммерческий потенциал современных художников и правильно угадывает, чьи работы будут подниматься в цене. Есть ли у нас уже такие коллекционеры?

– Нет, это даже не коллекционеры, а руководители галерей. Есть музеи современного искусства, там можно найти пять-шесть специалистов, к которым прислушиваются и кото-

рые, в определенной степени, диктуют моду. Хотя не всегда ясно, на что они при этом опираются. Если же говорить обо мне лично, то вполне нормально, что у меня есть своя собственная оценка и понимание происходящего. И нужно сказать, что тот процесс, который происходит в последнее время, скорее огорчает, чем радует. Может быть, заканчивается то, что мы и называем искусством. Появилось огромное количество продукции, которая представляет какой-то иной вид творческой деятельности. Я отношусь к происходящему с уважением и обычно не считаю, что художник «оригинальничает» только на потребу кому-то. Но для всей этой продукции нужно придумать другое название.

– Леонардо да Винчи использовал до 20 слоев краски, чтобы добиться своего эффекта sfumato. Сейчас любой обладатель компьютера в состоянии сделать то же самое за полчаса и распечатать готовый продукт. Все это сильно нивелировало критерии мастерства. Тот же Пикассо практически одинаково хорошо рисовал и правой, и левой рукой, а сейчас большинство художников обращают внимание вовсе не на основы ремесла. Можно ли сказать, что искусство вырождается в перформанс?

– Отчасти это так. Сейчас появилось огромное количество возможностей, которых ранее не существовало. Может быть, тот путь познания, который давало искусство в классическом понимании, исчерпан. Это направление возникло когда-то из желания человека сделать подобное. Другой вопрос, что изображение никогда не было и не могло быть прямолинейным подобием, а определенным образом преобразовало действительность. В этом и состоит смысл искусства. Настоящее искусство никогда не было натуралистическим. Картина Вермеера со всеми своими тщательно проработанными деталями – это великое поэтическое преобразование. Именно в этом красота и сила искусства. Почему этот путь сегодня кажется исчерпанным? Это вопрос, который требует отдельных исследований.

– Когда 200 лет назад человек отправлялся в путешествие, то он мог только

зарисовать то, что видел. Чем профессиональнее, тем лучше. Сейчас есть много других способов зафиксировать наш мир, поэтому нынешние творцы пытаются делать сами из себя «произведение искусства».

– Да, такой процесс тоже наблюдается. Пока непонятно, как это будет вписываться в музеи. Недаром для этого искусства нужны такие структуры, как, например, «Гараж», нужны большие пространства. Хотя иногда мне на ум приходит образ из одной старой рецензии, еще доперестроечных времен, про постановку оперы «Борис Годунов». Критик написал про одного певца, исполнявшего партию Варлама: «Нехватку голосовых ресурсов он восполнял притоптыванием». И сейчас тоже очень многое «восполняется притоптыванием».

На наших глазах рождается что-то другое. Уже родилось, а мы его все время описываем теми понятиями, к которым это явление отношения не имеет. Оно и само хочет прицепиться, «притулиться» к классическому пониманию искусства, а ему туда совсем не нужно просто. Это явление надо отделить и судить уже совершенно по другим законам. По законам этого рода продукции. Тогда все станет как-то яснее.

– В XVII веке картины продавались на аукционах по разряду мебели. И никто не видел ничего зазорного в том, чтобы покупать картину, руководствуясь тем, что она должна гармонировать с мебелью. Может быть, история сделала круг, и эти новые виды продукции тоже должны гармонировать с нашим стилем жизни? Пустить их «по разряду мебели» и все сразу стало бы на свои места?

– К счастью, в большинстве случаев об этой продукции и не говорят как о высоком искусстве. В противном случае на нее будут накладываться все психологические и эстетические требования, которых она обычно не выдерживает. Более того, даже не имеет к ним отношения. Нельзя к современному искусству предъявлять те требования, которые к нему не имеют отношения. Это даже некорректно. А кроме того, нужно избавиться от раздражения, которое ведет к необъективности. ❀

Беседовала Вера Медведева

Александр Штурманов посуху привел подводную лодку в родную Вытегру, дабы укрепить морскую славу Вологодской области – здешние Тотьма и Великий Устюг дали России несколько мореплавателей-первооткрывателей

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Сергей Виноградов

МУЗЕЙНОЙ ФЛОТИЛИИ АДМИРАЛ

Капитан первого ранга на пенсии создал на сухопутной Вологодчине музейный флот, набрал команду из экскурсоводов и собирается в поход против исторической безграмотности населения.

КТО-ТО ИЗ ОТСТАВНЫХ МО-
ряков модели кораблей со-
бирает, кто-то – бутылку с
морской водой в серванте
держит. А капитан первого ранга,
ныне заместитель главы Вытегор-
ского района Вологодской области
Александр Штурманов с недавних
пор коллекционирует настоящие
суда, да еще выставляет их на всеоб-
щее обозрение.

Русская подлодка уже год пришвар-
тована к берегу, в то время как
ее финская коллега (в прошлом –
«враг») обретается в водах Онежско-
го озера. Не исключено, что скоро
откроется для посещения минный
тральщик времен Великой Отече-
ственной. Воевать «адмирал» Штур-
манов собирается против патриоти-
ческой невоспитанности молодого
поколения, равнодушия к родной
истории, а также против тех, кто на-
зывает северный форпост Вологод-
ской области дремучей глушью. Под
прицелом бутафорских орудий ока-
жется и сама природа, пожалевшая
для Вытегорского края, который рас-
положен на границе с морозной Ар-
хангельщиной, океанского берега.

Подводная охота, или Как искали лодку

У подлодки, вышедшей на пенсию,
по сути, две вероятные судьбы. От
первой – мурашки по спине: чет-
вертование с ужасным металличе-
ским скрежетом – и в металлолом.
Вторая – стать музеем, о чем подлод-
ке, видимо, мечтается так же, как
боевому летчику – сесть за штурвал
«кукурузника». Но из двух зол...

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Сегодня в мире насчитывается
57 действующих музеев подводных лодок,
 в том числе в России – четыре.
Почти все музейные суда ранее состояли на вооружении
СССР и России.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Идея занять под бок подводное судно с надписью «Добро пожаловать!» над люком пришла в голову Александру Штурманову, тогда помощнику губернатора Вологодской области и председателю вологодского морского собрания, еще в 90-х. А уже с начала нового тысячелетия подходящую подлодку разыскивали по всей стране. Не раз случалось так, что вполне приемлемый вариант уводили из-под носа: одна из таких «уведенных» лодок сегодня принимает посетителей в немецком Гамбурге.

Для облегчения поиска пошли от противного. С тем, что лодка нужна дизельная, а не атомная, определились сразу. Виновата дурная слава последних. «Трудно убедить людей в том, что атомное судно безопасно. Скажи им, что и реактора в ней нет, все равно боятся», – рассказывает Александр Александрович. Тихоокеанский и Черноморский флоты отпали сразу: с Дальнего Востока транспортировать очень уж далеко, а с кораблями «самого синего в мире» вышла другая закладка. Не совсем ясно, кому они принадлежат, России или Украине.

Оставались Балтийский флот и родной для Штурманова Северный, на котором он отслужил два десятка лет. «В Полярном брать было нечего – списанные лодки разграблены, частично демонтированы. Фактически одни корпуса. Такую коробку мне на любом металлургическом заводе и под заказ вырезали бы», – вспоминает Штурманов. «Она самая», та, что охраняет сегодня покой вытегорцев, нашлась в Кронштадте. Взяли последнюю в своем классе. Правда, на Б-440 претендовало одно питерское ОАО, также намеревавшееся открыть музей. Крас-

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА Б-440

Построена на Новоадмиралтейском заводе. Вошла в состав ВМФ в 1970 году. За боевую службу на Северном и Балтийском флотах прошла более 100 тысяч миль.

Параметры подлодки:

длина – **91,3 м**,
ширина – **7,5 м**,
осадка – **5,1 м**,
скорость – **16 узлов**.

норечивому капитану много крови и нервов стоило уговорить бизнесменов отдать лодку Вологодчине. Приказ о ее передаче области, которая отстоит от ближайшего моря на несколько тысяч километров, подписал тогдашний премьер, Михаил Касьянов. Надо сказать, что это второй случай в истории, когда Вытегра фигурировала в документах государственного значения: свою положительную резолюцию на приказ о строительстве в городе шлюзов Мариинской водной системы наложил Екатерина II. Александр Штурманов рассказывает это с таким смаком и в таких подробностях, что невольно подразумеваешь его руку и в том мероприятии.

Хоть и обошлась сама лодка Штурманову и областному бюджету в ноль рублей и такое же количество копеек,

на ремонт и доставку Б-440 в пункт назначения требовались средства. Долгожданное и окончательное да от губернатора прозвучало во время одного из вологодских совещаний по северо-западу. Больно уж глава Калининградской области хвастался своей подлодкой – и то у них, и се. Вологжане терпели-терпели, да и изыскали три десятка миллионов на ремонт и доставку надводного музея подводного крейсера в Вытегру. Об уникальном способе доставки, о понтоне весом 200 тонн, о специальных дноуглубительных работах в Вытегорском водохранилище написана не только целая библиотека. Даже фильм о последнем походе Б-440 сняли. Кстати, о фильмах. В Вологодской области уверены, что тема подлодок всплыла в отечественном кинематографе опять-таки

В роли матросов подводной лодки в музее – манекены, заимствованные у магазина одежды. В реальности парней под два метра ростом на лодку старались не брать: «потолки» низковаты

с подачи Штурманова. Об этом скромный капитан говорить не любит, но для гостей делает исключение. «Лет десять назад к нам в Вологду приезжал Никита Михалков, и мне довелось поговорить с ним, – рассказывает Александр Штурманов. – Кстати, беседа со знаменитым режиссером состоялась возле памятника поэту-моряку Николаю Рубцову, и он был настроен лирически. Я сказал Никите Сергеевичу, что все мы благодарны ему за фильм «Сибирский цирюльник», за то, что правдиво показал русских юнкеров. Но, отметил я, хотелось бы увидеть и фильм о морях – ведь таких лент сейчас почти нет». Михалков, кстати сам служивший на Тихоокеанском флоте, обещал подумать. Через несколько лет на его студии «ТРИТЭ» вышли «72 метра».

Испытание гальюном

Итак, пригнав несколько лет назад морскую красавицу в Вытегру, стоящую на пресном Онежском озере, стоянку ей выбрали близ речного вокзала, дабы услаждала взор пассажиров, отбывающих на дачи на «калошах» и «мошках». Но уже через несколько месяцев после открытия на уникальный музей стали смотреть не только те, кто рвался к земле и помидорной рассаде. В Вытегру, где, кроме природных памятников вроде «пяточка», на котором встречаются реки из трех морей, смотреть нечего, хлынули туристы.

В лучших музейных традициях, кроме освещения, на подводной лодке Б-440 не работает ни один механизм. Двигатель – и тот шумит «под фанеру»: замаскированные по его бокам динамики сутки напролет издают однотонное «ж-ж-ж». Не скрою, летаргии одного из устройств был даже рад. Туалета, или гальюна по-морскому. Миловидная экскурсовод поведала, что впервые оказавшийся на подлодке молодой матрос именно с него начинал постигать устройство судна, вторично обучаясь правильно «ходить на горшок». Сходить не труд, а вот смыть без предварительного инструктажа не получалось. Дабы произвести это по науке, необходимо повернуть в общей сложности девять клапанов в определенной последовательности. Некоторые кодовые замки на сейфах открываются проще. Показав наскоро молодым, чего и куда крутить, бывалые подводники начинали свою любимую игру, о проигрыше в которой информировали перепачканные штаны участника. При неверной последовательности содержимое «смывается» в обратную сторону. Секрет клапанов утерян, а посему подлодочный унитаз по назначению не используется. Удобства на берегу.

Финка и тральщик

Б-440 до сих пор еще не раскрыла всех деталей своего прошлого. Судя по имеющейся в музее карте, подлодка побывала почти у всех континентов. А вот чем она там занималась, неизвестно. Выполняла задания партии и правительства, этаким стотонный чиновник по особым поручениям.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Жара нынешнего лета прибавила туристам сочувствия к службе подводников. «Представьте, а они по полгода в такой духоте», – сообщает экскурсовод, ведя группы тесными коридорами музея

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Известно лишь, что в прямых военных столкновениях лодка участия не принимала. Скоро компанию черной красавице составит минный тральщик. Этот, напротив, нюхнул пороха аж Второй мировой. История его известна: воевал на Онежском озере, участвовал в операциях по обезвреживанию мин. Поступил он в Вытегру 20 лет назад как подарок родине от одного из шести адмиралов, имеющих вытегорские корни. Все эти годы тральщиком мало кто интересовался, и он преспокойно гнил. Избежав вражеских снарядов, тральщик чуть было не подрывался на mine замедленного действия под названием «время». После того как подлодка нашла покой у вытегорских берегов, о минном катерке вспомнили. Сейчас его ремонтируют.

Третьим судном музея морской славы вполне может стать другая подлодка, финская. Пока это легенда, и ни один пользующийся доверием водолаз своими глазами ее не видел. Но говорят, что лежит на боку в Онежском озере подрванная нашим флотом лодка, набитая мертвыми диверсантами. «Эх, поднять бы», – мечтает, сидя в чиновничьем кабинете, Александр Штурманов, который многие годы светскую должность исполняет исключительно в морском мундире. Полдела уже сделано: легенда на свет божий поднята, осталось только саму «финку» поднять. На ремонте можно бы и сэкономить. Пускай стоит в растрепанном виде – как наглядное свидетельство мощи отечественного оружия. ■

Меловой останец – Дива

Евгений Верлин [Дивногорье (Воронежская область) – Москва]
Фото С. Соболева, А. Солодских

«ПАРАДИЗ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»

«В ДИВНОГОРЬЕ ПОРАЖАЕТ НЕ ТОЛЬКО ЕГО УНИКАЛЬНОСТЬ, КРАСОТА, НАСЫЩЕННОСТЬ ИСТОРИЕЙ, НО И НЕВЕРОЯТНАЯ МАЛОИЗВЕСТНОСТЬ. СТРАННО, ЧТО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ЭТИХ МЕСТАХ ЗНАЮТ ЕДИНИЦЫ».

ЭТУ ЗАПИСЬ В «ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ» путешественника под ником *varandej* я обнаружил, когда собирался посетить природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». Друзья с моей малой родины предложили съездить туда на традиционный праздник «Ночь в Дивногорье». В рамках праздника – а он проводился уже в шестой раз – Воронежский государственный театр оперы и балета показывал под открытым небом оперетту Имре Кальмана «Марица». В числе приглашенных были обещаны губернатор Алексей Гордеев с супругой. А еще пустили слухок, что пожалует предприниматель Михаил Прохоров, фонд которого с этого года начал финансировать ряд культурных программ в регионе. Видно, дополнительная «приманка» сработала: народу понаехало много. К вечеру село заполнили сотни автомобилей, их пассажиры ставили палатки во дворах гостеприимных дивногорцев, а кому не хватило места во дворах, готовили себе ночлег прямо у дороги.

Петрович и осетры

Со спектаклем вышла накладка; организаторы явно просчитались с акустикой. Жара, влажность, шум проходящих мимо поездов – все это привело к тому, что зрители мало что слышали. Несмотря на это, большинство гостей не покинули праздник. Кто-то ожидал «второго действия» – участия в ночном крестном ходе по 100-метровому лабиринту пещерной церкви во имя иконы Сицилийской Божией Матери. А кто-то предвкушал коллективное застолье под открытым небом, купанье под луной, обещанные украинские танцы и песни. (Украинская стилистика Дивногорья обусловлена тем, что в XVII–XVIII веках сюда прибыло много переселенцев из Малороссии.) После представления сотни человек полезли по крутой лестнице вверх, к подножию огромного мелового столпа, известного как Большая Дива. Желавших пройти по лабиринтам выдолбленного в нем пещерного храма оказалось так много, что мы с друзьями решили

отложить экскурсию на следующий день.

Позднее утро началось с купания в речке, носящей поэтическое имя Тихая Сосна. Берега ее заросли камышом и густым кустарником, так что мест для купальщиков немного. Может, это к лучшему и для самой речки, и для заповедника с его орлами и уникальной флорой. Правда, местные старожилы рассказывают, что до войны, когда не стояли еще на берегах Тихой Сосны сахарные и прочие заводы, здесь были совсем другие глубины и чистейшая вода. Раков было видимо-невидимо, ну а что касается рыбы, то в Тихой Сосне, говорят, водились осетры и белуги, чей вес измерялся даже не пудами, а центнерами.

Во дворе дома, где остановились, меня ждал гость. «Иван Федорович Грангольм, – представился высокий бородач в черном облачении, – эконо́м Свято-Успенского

Дивногорского мужского монастыря». О моем приезде в Дивногорье монастырского эконо́ма оповестил мой давний знакомый – хозяин знаменитого воронежского колоколотейного завода «Вера» Валерий Анисимов. Валерий, отливший пять лет назад колокола для монастырской звонницы, в Дивногорье сам приехать не смог, но рекомендовал обязательно побывать в монастыре. Договорились с Иваном Федоровичем, что заеду туда после обеда, тем паче это почти по дороге в Воронеж. Ну а прежде нужно было ознакомиться с селом и музеем-заповедником.

Туристов в Дивногорье приезжает немного – в летний сезон максимум две-три сотни человек в день. Место это с туристической точки зрения не слишком известное: условия для гостей минимальные, да и от Воронежа 150 км. Однако ж и здесь уже начали обосновываться дачники из

«Шумячая»
подвеска

В Дивногорье, как установили археологи, люди жили с незапамятных времен. Здесь раскопали городище так называемой салтово-маяцкой культуры. Племена, жившие здесь более 1000 лет назад, считаются предками современных осетин. Находились они под властью

Хазарского каганата. При Иване Грозном Дивногорье вошло в состав Московского государства, в середине следующего века в округе стали появляться укрепления для защиты от кочевников; в 1652 году был основан и первый город-крепость – Острогжск.

российской столицы. Вот, например, известный карикатурист Андрей Бильжо.

Кстати, известных людей эти места помнят в обилии. Выросли, жили или любили бывать в этих краях философ Николай Станкевич, литературовед академик Александр Никитенко, декабрист Кондратий Рылеев, художник Иван Крамской, поэты Яков Маршак и Алексей Кольцов, писатель Гавриил Троепольский...

Археологи на огородах

На главной «туристической» улице Дивногорья заставлен палатками большой двор. Здесь под навесом сидят молодые люди, разгребают какие-то черепки. Оказывается, это археологическая экспедиция студентов из Воронежа, которые занимаются «камеральной обработкой материала».

Елена Захарова, преподаватель Воронежского госуниверситета, выезжает сюда на раскопки с 2004 года. Экспедиция, рассказала она, сформирована четырьмя университетами и институтами – ВГУ, Санкт-Петербургским госуниверситетом, Институтом истории материальной культуры РАН и Липецким государственным педагогическим университетом.

– Копаем не здесь, а на хуторе, в нескольких километрах отсюда. На одном из огородов ведем раскопки.

– **Хозяева огорода не против?**

– Да здесь очень сознательные местные жители, они нам во всем помогают. Хотя мы им уже пол-огорода испортили.

– **А как же грядки?**

– Так мы и сами удивляемся, гостеприимность, получается, в ущерб себе.

«Приплыхом к Тихой Сосне и видехом столпы камены белы...»

Поднимаюсь на плато Дивногорья, что возвышается над местностью на сто с лишним метров. Опять, увы, не повезло. Руководство музея-заповедника весь день занималось проводами областного начальства, так что уделить время заезжему журналисту не смогло. Не получив-

Меловой
пещерный храм
во имя иконы
Сицилийской
Божией Матери

шая же команды экскурсовод, которая сопровождала туристическую группу, закрыла перед моим носом дверь в церковь во имя иконы Сицилийской Божией Матери. Так что пещерный храм мне посмотреть не удалось.

Зато успел услышать кое-что интересное. Например, в 1696 году здесь побывал Петр Великий, который спустился сюда по Дону с соратниками и побывал в Свято-Успенском монастыре. По свидетельству летописцев, поднявшись на плато Дивногорья, Петр Алексеевич при виде открывшихся сверху бескрайних просторов нарек это место «Парадизом земли русской».

Впрочем, и до Петра в Дивногорье бывали известные личности. В 1389 году сюда на стругах приплыл митрополит Пимен, направлявшийся в Царьград. Сопровождавший его монах Игнатий оставил в своей рукописи «Хождение Пименово в Царьград» такие строки: «Приплыхом к Тихой Сосне и видехом

столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою Сосною». «Столпы камены» – это как раз и есть меловые Дивы, изумляющие своей белизной и красотой туристов и паломников. А первые христиане появились здесь много раньше. Есть версия, что жившие в Дивногорье в IX–X веках древние аланы исповедовали христианство. Правда, доказательств тому археологам добыть пока не удалось. Есть еще одно предание – о том, что первыми христианами здесь были старцы-иноки Ксенофонт и Иоасаф, выходцы из Сицилии. Они якобы прибыли сюда в XI веке (по более правдоподобной версии, не позднее конца XV века), спасаясь от католиков. Согласно легенде, они выкопали рядом с нынешним монастырем первую пещерную церковь, укрыв там привезенную с собой икону Сицилийской Божией Матери. Икона – православное сообщество

Перед иконой
Сицилийской
Божией Матери

утверждает, что она написана в IX–X веках в Византии, – сохранилась до сих пор; находится в монастырском храме Успения Божией Матери. Считается, что в 1830–1831 годах с ее помощью удалось остановить в этой местности эпидемию холеры. Пещера же, которую вырубили иноки Ксенофонт и Иоасаф, положила начало церкви Св. Иоанна Предтечи, да и по большому счету появившемуся рядом в середине XVI века мужскому монастырю.

Основа для возрождения

В Свято-Успенский Дивногорский мужской монастырь я пришел по ведущей вниз с дивногорского плато крутой каменистой дороге. Только что началась воскресная служба. Значит, игумен Максим освободится лишь через три часа, а мне к тому времени уже надо будет уезжать. Но Иван Федорович смог с богослужения отлучиться и монастырские владения показать. А еще рассказать о них.

– Вы сказали, что 1653 год – это год основания монастыря.

– Первые монахи тогда появились, с Украины приехали. (Свято-Успенский Дивногорский мужской монастырь, по одним данным, был либо возведен, либо возобновлен в 1653 году 10 монахами-переселенцами из Малороссии. – Прим. ред.) Здесь они и захоронены – на территории монастыря, в пещерном храме Иоанна Предтечи.

– А при советской власти здесь что было?

– Санаторий для «героев революции». Располагался в братском корпусе храма. К началу 90-х годов санаторий пришел в полное разорение. А в еще большем разорении были соборная церковь Успения Божией Матери, трапезная. Ничего не осталось от хозяйственных построек.

– На чьи деньги восстанавливали?

– Пожертвования были. Это заслуга прежнего руководителя, который нас покинул, – игумена Парфения. Он очень многое сделал для восста-

новления монастыря. Но в начале года ему пришлось уйти отсюда.

Игумен Парфений, как рассказали сведущие люди, ушел со своего поста не по доброй воле: разладились у него отношения и с монахами (их к прошлому лету фактически не осталось), и с руководством. Осенью прошлого года по рапорту митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия архимандрит Парфений (Шалатонов) был освобожден от должности наместника решением Синода РПЦ. Ну и получилось так – опять-таки сошлюсь на услышанное мною в Дивногорье, – что после ухода Парфения монастырь в одночасье лишился и домашнего скота, и денег...

– У вас, вижу, хорошее хозяйство. Вот сад, клубника...

– Давайте дальше покажу – скотный двор, закрома. Но сейчас все пустое. Ничего нет.

– А почему так получилось?

– Обстоятельств не знаю, я сюда получил назначение только в нача-

ле этого года. К сожалению, когда уехал прежний настоятель, он отдал куда-то скот. Наверное, у него были какие-то долги... Так что пока у нас почти ничего нет. А раньше было очень большое хозяйство. У нас просто денег нет, чтоб закупить коров и бычков. Сейчас завели кроликов. Вот прихожане подарили нам двух поросят. А еще куры появились.

Иван Федорович говорит, что нужно бы 30 племенных бычков, 5 коров, ну и поросят хотя бы десятка два-три. Бычков хотят выращивать на продажу. Сено уже заготовили для них впрок. Ведь у монастыря хорошие заливные луга, угодня свои. Когда восстановили в 1997 году монастырь, государство ему вернуло 30 гектаров земель.

– Угодня вы как обрабатываете? Техника есть или без нее обходитесь?

– Нет, не обходимся. Нам нужна хотя бы одна хорошая грузовая машина и вообще любая нормальная техника, чтобы развивать хозяйство.

– Если какая-то прибыль будет, вы сможете направить ее на восстановление храма?

– Если будет, то конечно. В храме, смотрите, даже не покрашен иконостас. Нужно сусальное золото, а оно дорогое. Конечно, мы будем вкладываться в храм. Безусловно! Ведь в старое время это была самая крупная обитель Воронежской области.

– А что еще надо в монастыре восстанавливать?

– Главное, это братский корпус, здесь монахи жили до революции. От него одни стены остались, внутри он в полную негодность пришел. Денег на восстановление нет. В общем, база для возрождения у нас есть. Просто нужен оборотный капитал.

– Скажите, икона Сицилийской Божией Матери у вас в храме подлинная?

– Да, у нас – подлинная. А в церкви Сицилийской Божией Матери – копия. Это ведь не наша церковь, она часть музея. Там почти не идут службы. А раньше шли, пока государство не включило эту церковь в состав музея.

– По идее, надо бы ее вернуть?

– Конечно. Тогда там бы и служба регулярно шла.

Поднимаемся к Малым Дивам – к храму Иоанна Предтечи. Иван Федорович отпирает двери. Стены уже выровнены, надписи нехорошие ликвидированы. С тех пор как большевики здесь похозяйничали, расстреляв в 1927 году, перед открытием санатория, последних монахов, пещерная церковь пребывала в полном запустении. А ведь раньше и убранство внутреннее было, и иконы, и росписи на сводах, красоте которых поражались приходившие сюда издали паломники.

– Ксенофонт и Иоасаф, которые, по преданию, пришли из Византии, здесь жили?

– Здесь. Сюда пришли в XI веке. Но церковь и община появились много позже. Потихоньку люди долбили стены, делая пещеру побольше, потом еще больше, а в ней уже делали храм. Никто точно не знает, когда сам храм в его нынешнем виде был построен.

– Здесь проходят службы?

– Периодически. И не только по праздникам. Как раз в прошлый вторник был праздник Иоанна Предтечи. Мы служили именно здесь. Вот видите, здесь алтарь.

И хотя Иван Федорович говорил, что ничего в церкви пока нет, в нише справа от алтаря стоит очень старая икона Иоанна Предтечи. Это подарок прихожан. А слева от алтаря, в другой нише – старинный металлический крест, который когда-то венчал купол храма. Когда-то здесь и звонница была... Понемножку монастырская братия ведет реставрацию и этого пещерного храма. Но дело движется медленно – опять-таки из-за нехватки средств.

Минут двадцать мы пробыли в пещерной церкви. Я еще попробовал пройти по подземным коридорам. Но не было фонарика, к тому же в пещерах очень холодно. Удивительно, как монахи круглый год жили в дальних пещерах.

– Там были и склады. Все было в этой горе. Здесь – храм, а там, на глубине, были кельи и подсобные помещения. А коридор тоже круговой. И во время службы, в праздники крестный ход здесь вокруг храма шел. Пятьсот метров в длину коридоры составляют.

– Но холодно же здесь! Как обогревались?

– Только свечи у них были. А обогрева не было.

– Пещерный храм именно потому, что им надо было укрываться от врагов?

– И от врагов тоже. А вообще, им легче было продолбить пещеру, чем построить храм. Тут же меловые горы. Ходы в меловых скалах легче было делать, чем на ровном месте здания строить.

Чуть в стороне от пещерного храма несколько могил. Здесь похоронены монахи, которые служили в мона-

Керамика салтовомаяцкой культуры (IX–X века)

стыре до революции. А рядом скамеечка стоит. Нет, не родственники ее постави-

ли, а нынешние монахи монастыря. По собственной инициативе это сделали: ведь им тоже здесь лежать.

А еще чуть поодаль было большое монашеское кладбище. Уничтожили его полностью при советской власти, когда здесь был санаторий.

– Я слышал, что некоторые люди на вас обижаются. Мол, пришли монахи сюда, когда церкви вернули монастырь, из санатория выгнали стариков.

– Дорогой мой человек, здесь же много столетий был храм! Как можно в храме санаторий для ветеранов революции создавать? Государство

нам вернуло – и слава богу. А куда перевели людей, не знаю.

Возвращаемся в монастырь. Во дворе у входа вижу дьякона с послушниками: что-то репетируют перед тем, как возобновить службу.

– Я смотрю, молодые все люди. Они откуда и как сюда приходят?

– По-разному получается. С начала года 12 человек сюда пришло. Первый год служат трудниками: работают бесплатно на кухне, на огородах, на полях наших, то есть только послушание несут. Если нормально все прошло, трудник становится по-

слушником, затем – иноком. И только потом следующая ступень – монах.

В трапезной Иван Федорович угостил кваском на дорогу. На кухне два симпатичных молодых человека кашеварят. Знакомлюсь с одним из них, трудником Александром.

– Сколько лет тебе?

– Двадцать пять.

– А когда приехал?

– Месяца три назад.

– А почему решил идти в монастырь?

– Это сразу не объяснишь. Ну, когда видишь, что это не твое. Мирское.

Просто гибель идет, и человек гиблый становится. Друзья? Пьют друзья, курят, а ты с ними языка не находишь, тебе этого не хочется делать, неинтересно. Вот такое у меня ощущение было... Приехал сюда потрудиться во славу Божию, посмотреть, приобщиться. А дальше – послушником. Намерение есть такое.

– Многие в твоём возрасте мечтают: машина, квартира...

– Я работал в Москве. Поначалу загорелся, зарабатывал неплохо, купил машину, но удовлетворения это не принесло...

Пиар музейный и монастырский

Возвращался из Дивногорья я с такими мыслями. Вот есть музей-заповедник, живущий своей «государственной» жизнью. Доходы его сотрудников вряд ли напрямую зависят от числа посетителей. Да, у музея-заповедника есть, конечно, сайт. Есть и ежегодный «театральный фестиваль», и «восстановленная» украинская усадьба, и недавно выстроенный трехэтажный дом для сотрудников (там же гостиничные номера). Но все это с налетом какой-то казенщины. Казенный стиль – в расчете на благосклонность чиновников и фондов, которые подбросят еще каких-то средств, выделяют какие-то гранты. Отсюда и отсутствие многих элементов того, что могло бы способствовать повышению рейтинга Дивногорья в списке российских туристических достопримечательностей.

С другой стороны, есть монастырь. Тоже уникальный объект – и для паломников, и для туристов. Шесть лет назад воронежский губернатор и митрополит создали попечительский совет, который помог восстановить главные здания обители. Теперь власть сменилась (и светская, и в монастыре), и возвращение «исторических долгов» как бы приостановилось. Новому руководству монастыря это не нравится, оно активно пытается что-то улучшить. По моим наблюдениям, склонности к публичности и людской помощи у монастырских обитателей гораздо больше, чем у музейщиков. ■

За 350 лет своего существования Свято-Успенский Дивногорский мужской монастырь разрушали и закрывали несколько раз. В 1670 году он был сожжен дотла после того, как царские войска взяли приступом монастырь и близлежащие пещерные гроты, где укрылись восставшие во главе с Фролом Разиным, братом Степана Разина. Спустя 100 с лишним лет его закрыли при Екатерине II. В 1924 году обитель была закрыта большевиками. Монахов расстреляли, пещеры осквернили, иконы и богатейшую библиотеку сожгли, древние могилы, в том числе иноков Ксенофонта и Иоасафа, уничтожили, а утварь и остав-

шееся монастырское имущество разграбили. В 1927 году здесь был образован санаторий «героев революции», который к концу 80-х превратился в дом престарелых. Летом 1997 года Дивногорский Успенский монастырь передали Русской православной церкви. В 200 метрах от монастыря, в Малых Дивах, находится пещерный храм Св. Иоанна Предтечи. Состоит из нескольких пещер, соединенных между собой подземными переходами. Самый длинный из них достигает двухсот метров. Несколько лет назад здесь, как утверждают монахи, были найдены надгробные плиты с надписями на греческом языке.

Оксана Прилепина

ВРАЧ ПО ИМЕНИ АНГЕЛИНА

Академик Ангелина Гуськова создала основы лечения лучевой болезни и отвечала за лечение пострадавших во время аварии на Чернобыльской АЭС.

НЕСМОТЯ НА СВОИ 86 ЛЕТ, Ангелина Константиновна ежедневно ходит на работу – в Федеральный медицинский биофизический центр им. А.И. Бурназяна. Она оставила молодым должность заведующей клиники и занимается консультационной работой. Хотя иногда ее все равно просят осмотреть сложных больных. Еще Ангелина Константиновна является членом экспертного совета по признанию связи заболеваний с воздействием радиации и курирует несколько диссертаций. Несколько лет назад ее наградили редкой и очень почетной медалью Зиверта «За защиту от излучения» – такой чести в нашей стране пока не удостоивался никто. Все, что ей удалось скопить за всю жизнь, – это большая библиотека, в которой хранится немало редких изданий.

Ее вкусы и ценности далеки от мещанских: она не любит дач, ей безразличен материальный достаток. У нее не сложилось с семьей и детьми, но она никогда не чувствовала себя ущербной. «Несчастный был бы муж, имеющий жену с таким укладом жизни и работы, – полусуто говорит она. – А детей, образно говоря, у меня много. Дети моих друзей всегда остаются для меня близкими. Они со мной заботливы, нежны, всегда разделяют счастливые и тяжелые события моей жизни».

Первое назначение

Ангелина Константиновна родилась в Красноярске в 1924 году, а через два года семья переехала в Нижний Тагил. Отец был заслуженным врачом республики, участвовал в Первой мировой, Финской и Великой Отечественной войнах. Дед служил фельдшером на русско-турецкой войне, умер от тифа, заразившись от пациента. Прадед участвовал в русско-турецкой войне в качестве медбрата. Врачебную этику маленькая Ангелина познавала с детства. «Папа много рассказывал про бомбежки поездов, отмеченные санитарными крестами и знаками, – вспоминает академик. – Медработники не прятались: нельзя бросать раненых. Папе повезло, он вернулся домой живым, воспитал двух дочек, меня и младшую сестру. Сестра тоже занимается наукой, но историей. Она мыслит шире, для нее нынешние события – ерунда. А я по складу характера более, что ли, житейская». Бабушка Ангелины Гуськовой окончила церковно-приходскую школу и, чтобы дать всем своим детям образование, переехала в Екатеринбург, сняла квартиру, организовала детский пансион, где обстирывала и кормила воспитанников. В доме Гуськовых всегда было много музыки, потому что мама, не имея специального образования, работала в Нижнем Тагиле пианисткой, аккомпанирова-

ла приезжим певцам и скрипачам. Ангелине переданся мамин талант, радиолог до сих пор играет на фортепиано, собирает фонотеку.

В 1941 году она поступила в Свердловский государственный медицинский институт, блестяще его окончила и осталась работать в ординатуре при вузе в Клинике нервных болезней и нейрохирургии. Клиникой тогда руководил Давид Шеффер, автор первой в России монографии о воздействии излучения на нервную систему. Ангелина Гуськова исследовала злокачественные опухоли мозга, этой темой тогда в СССР занимались всего два человека, и девушка ездила на консультации в московский НИИ им. Бурденко. Ее уникальные наработки были очень высоко оценены, и Ангелине Гуськовой предложили перейти в Институт им. Бурденко. Она отчаянно сопротивлялась, потому что не хотела уезжать с родного Урала, считая своим долгом вернуться в alma mater. «Я делала все, чтобы не ехать, за меня даже хлопотал секретарь уральского обкома, – вспоминает академик. – Теперь с высоты опыта я говорю молодежи: никогда не знаешь, чем обернется первое назначение». А тогда, в 1949-м, для Ангелины Гуськовой на первый взгляд все обернулось драмой. Она вернулась на Урал, но там ее ждала не родная клиника, а направление на закрытый комбинат Челябинск-40 (первый комбинат атомной отрасли ПО «Маяк» в городе Озерске Челябинской области). В Челябинске-40 молодой бунтарке пришлось пройти через испытание секретностью: она не могла видаться с родными, даже выезды для защиты диссертации сопровождались сложностями.

«Маленький Чернобыль»

Бытовые неудобства в Челябинске-40 – семь человек на четырех койках – Ангелина Гуськова восприняла стойко. Ее зарплата была ниже той, что она получала в клинике, но она

Ангелина Гуськова
в своем кабинете в ФМБЦ
им. А.И. Бурназяна

АНТОН БЕРКАСОВ

только пожимала плечами: «Ничего, обойдусь как-нибудь». Ангелина Гуськова тогда боролась за другое – за новую для себя, да и всего мира, проблему организации медобслуживания персонала атомной отрасли. О лучевой болезни не было известно ничего. Медико-санитарному отделу №71, состоявшему из молодежи, предстояло сделать научный прорыв: организовать диагностику, распознать болезнь и приступить к лечению. Отдел стал ведущим учреждением страны по теме лучевой болезни. Ситуация обострялась тем, что молодые специалисты, через руки которых прошли первые облученные, были вынуждены противостоять московским именитым ученым-теоретикам, получая резкие замечания: «Фантазии мальчиков и девочек». В Челябинске-40 почти у 2500 человек выявили начальные проявления лучевой болезни, у 49 из них

недуг выявлен в острой форме. Ангелина Гуськова и Григорий Байсоголов сформулировали принципы классификации и лечения лучевой болезни, которые актуальны и сейчас: восстанавливать кровь, бороться с инфекциями. Их монография «Лучевая болезнь человека» была переведена на английский язык. Научные успехи молодого медико-санитарного отдела привели к тому, что в 1953 году его переименовали в филиал московского Института биофизики. В работе отдела №71 живое участие принимал Игорь Курчатов, с которым Ангелина Гуськова подружилась на всю жизнь. В 2004 году в своих воспоминаниях она напишет: «Это позднее появились журналистские измышления о трагическом воспоминании И.В. (Игоря Курчатова. – Прим. авт.) о сути работы по созданию атомного оружия, уже в процессе ее выпол-

нения якобы породившей постоянный душевный кризис у ее участников. Многие говорят и о работе «под страхом», по принуждению <...>. Нет, я запомнила И.В. и его соратников безмерно уставшими, взволнованными, но счастливыми и гордыми. Конечно, они задумывались о разрушительной силе созданного ими изделия, <...> но тут же были готовы вернуться к этой работе». Положение людей на первом в СССР комбинате по переработке плутония было тяжелым. Опытно-промышленный комплекс ПО на переработке плутония в первый год располагался в бараке, продукт разливался и переносился вручную в платиновые стаканы в воронках из золота. Общая техника безопасности была далека от современной. Первым пострадавшим стал солдат срочной службы, который нес вахту под действием опасных гамма-

из личного архива

Барак медико-санитарного отдела №71 в Челябинске-40, где были написаны первые диссертации по лучевой болезни

полей, берег плуто-ний. В то время люди не боялись радиации, ведь первые симптомы поражения вполне привычные: тошнит, болит голова. «Даже

разговоров на эту тему не было, – говорит Ангелина Константиновна. – Во всех документах диагноз «лучевая болезнь» подменялся астеновегетативным синдромом. Ни пациенты, ни мы не испытывали растерянности. Первые пять лет мы наблюдали все основные типы радиационных аварий, включая «маленький Чернобыль». Лечили по аналогии с заболеваниями крови». Сложнее было объяснить человеку, что ему вредно дальше работать здесь, на высоко оплачиваемом месте с «непыльным» графиком. По официальной статистике, всего в РФ за все время зарегистрировано 355 радиационных аварий и инцидентов, при которых лучевая

болезнь развилась у 757 человек. Среди них особенное место в списке чрезвычайных происшествий занимают аварии 1957 года на Урале и в 1986-го – на ЧАЭС. Большинство больных полностью излечиваются. За все время существования атомной отрасли в нашей стране от лучевой болезни умер 71 человек.

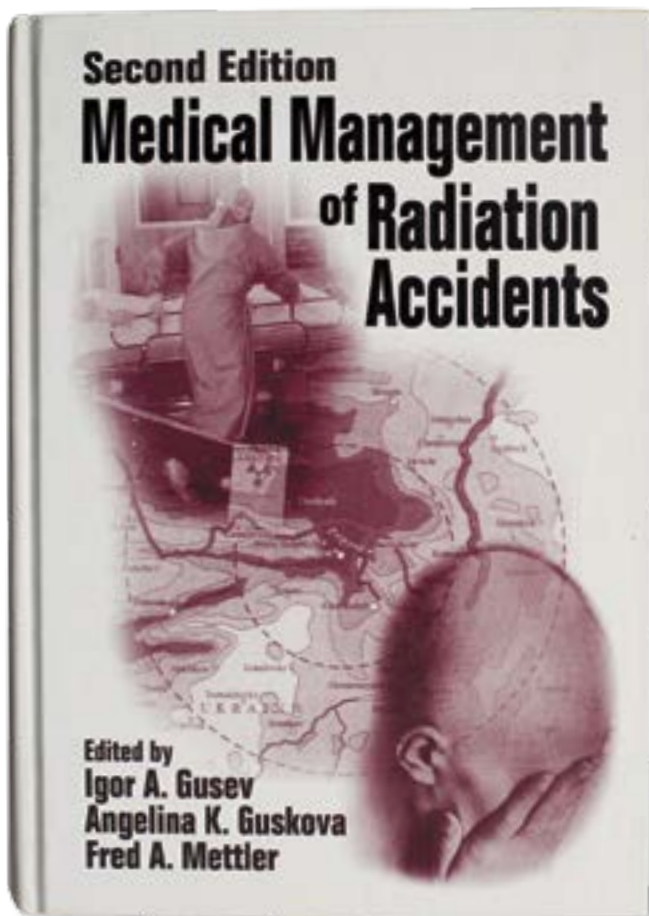
В 1951 году произошла катастрофа, «маленький Чернобыль» – радионуклиды попали в сточную канаву. В опасном месте, вне территории комбината, копала траншею группа заключенных из 14 человек, когда никто еще не знал о случившемся. Из 14 заболели четверо, у троих развилась болезнь, один из них погиб. Канаву закрыли, поставили памятник, сейчас там уже «чистое» место. Через 6 лет, в 1957 году, случилась крупная авария, так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след. Произошла утечка, радиоактивные вещества от ПО «Маяк» «сигарой» протянулись через огромную территорию с населением в 270 тысяч человек. Ответственность за

ликвидацию последствий взял на себя молодой состав Челябинска-40, вычислив самую опасную точку для эвакуации. В итоге не пострадал ни один житель, последствия минимизировали. «Мы ходили по домам, было очень трудно объяснить бедному населению, что нужно выбросить последнее цинковое ведро, снять последнюю одежду, оставить корову и обжиться на новом месте», – рассказывает Ангелина Гуськова. «Мы с Григорием Байсоголовым сидели у постелей больных, не различая ни дня, ни ночи, – вспоминает она. – Я осталась, а он сказал: «Пойду, хоть часок-два посплю». Я смотрела в окно, как он, шатаясь, идет к дому, и боялась, не свалился бы по дороге».

Опасность ядерной войны

Все эти годы Ангелина Константиновна и ее коллеги жили в состоянии напряженного научного конфликта с консервативным ученым сообществом. Но в 1957 году Игорь Курчатов волевым решением пере-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Самые знаменитые книги, одним из авторов которых была Ангелина Гускова

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

вел доктора наук Ангелину Гускову в столичный Институт биофизики. Ее встретили неприязненно. «Из истории болезни могли просто вырвать лист с моей консультацией из-за неприятия моей позиции, – рассказывает академик. – Допустим, я настаивала на ампутации конечности, ее ампутировали, но мои рекомендации убирали». В 1951 году Ангелина Гускова перешла на работу в Институт гигиены труда и профзаболеваний Академии наук СССР. Там она занималась лечением рентгенологов. Ангелина Константиновна занималась лечением рентгенологов. Тогда считалось, что у них просто страдает нервная система, а Ангелина Константиновна настаивала на том, что у 85 процентов из них происходят изменения в крови из-за облучения. Особенно у тех людей, которые начинали работать в 30–40-е годы. «Мы выяснили, как у рентгенологов формируется доза, – говорит ученый, – ведь многие сидят за плохо защищенными столиками. А еще помню одного молодого

человека, который погиб от радиевой болезни. Он в шутку красил радиевым веществом себе губы, нос и пальцы, чтобы попугать девчонок». В 60-е годы аппаратура сменилась, и первые трагические ошибки ушли в прошлое. В 1974 году она вернулась в Институт биофизики.

Жилка первопроходца не дала Ангелине Константиновне смириться с непростым положением в институте. Совместно с Леонидом Ильиным и Евгением Чазовым она написала монографию, в которой впервые в СССР в одной из глав под названием «Опасность ядерной войны» рассматривались возможные аварии реактора. Эта книга была воспринята уважительно мировой научной общественностью. Но дальнейшая работа над темой стала скандальной. Совместный с А.А. Моисеевым труд «Радиационные аварии» о возможных взрывах АЭС был воспринят как крамола и попытка посеять панику в обществе. В те годы медицинской отраслью руководил Аветик Бурназян, который очень разгневал-

ся на предложение о публикации: «Вы планируете эти аварии!» Только через несколько лет, в 1971 году, Ангелине Гусковой разрешили сделать на эту тему небольшой доклад на конференции в Димитровграде Ульяновской области. Но книга все-таки вышла небольшим тиражом, для специалистов, и, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, оказалось, что другой специальной литературы нет. «Над нами грустно шутили, что это мы написали сценарий чернобыльской аварии, потому что все основное совпадало», – говорит Ангелина Гускова.

Приходил поблагодарить

26 апреля 1986 года в 2 часа ночи Ангелине Гусковой позвонили из чернобыльской медсанчасти: подозрение на аварию. Она руководила в эти годы клиникой при Институте биофизики и возглавила организацию лечения людей, пострадавших на ЧАЭС. Говорили «подозрение», потому что тогда еще не был понятен весь масштаб случившегося, но к 6 утра в санчасть уже было доставлено больше 100 пациентов с характерными симптомами. Ангелина Константиновна в клинике при своем институте срочно готовит в Москве палаты на 150–200 человек. В первые же сутки на место происшествия вылетела аварийная бригада во главе с

Ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС по завершении укрытия разрушенного реактора

из личного архива

Г.Д. Селидовкиным, которая отправляла людей в Москву двумя самолетами, у 134 человек болезнь протекала в острой форме. Врачи работали по 18 часов. Не удалось спасти 28 человек. Родственники погибших до сих пор помнят это отношение медперсонала. «Однажды я приехала в Чернобыль, меня там разыскал сын погибшего, – говорит Ангелина Константиновна. – Приходил поблагодарить. Все понимали, что мы выложились до предела». Организацию медпомощи пострадавшим в Чернобыле очень высоко оценило мировое сообщество, но до сих пор академик Гуськова анализирует, все ли было сделано.

Ангелине Константиновне приходилось не только заниматься медициной, но и общаться с большим количеством инспекций, комиссий, чиновников – по делу и без дела. Бывали и курьезные ситуации. «Мы получили огромную посылку от пожарных Голландии – целую машину разнообразных сыров, – говорит радиолог. – Но спецслужбы забрали ее, так этот сыр и остался теплым воспоминанием о хорошем, человечном жесте». Приходило много писем от сочувствующих. Были и забавные инициативы, например: «Я перенес ожог и думаю, мой спинной мозг имеет полезные защитные свойства. Если нужно, возьмите мой мозг для пересадки». Но добровольцев практически не принимали, государство бросило в зону бедствия все необходимое. Люди проявляли чудеса смелости, самоотдачи и находчивости.

«Однажды в клинику пришел начальник из министерства и сел в президиум на нашей утренней летучке, – вспоминает Ангелина Гуськова. – Я не успела даже его представить, как он тут же начал сам: «Что у вас тут за безобразие, и врачи, и санитарки ходят в одинаковых нелепых халатах, без всяких различий!» А мы по нормам были вынуждены постоянно халаты менять из-за загрязнений, уже просто не смотрели, какие надевали. И тут голос из зала: «Ангелина Константиновна, это что за дурак такой?» Я спохватываюсь и представляю: замминистра такой-то...».

Изучать медицинские последствия аварии в Чернобыль прилетел знаменитый американский врач Фред Меттлер, с которым Ангелина Гуськова была дружна. «Он на 2 миллиона долларов привез разных инструментов, реактивов, аппаратов, которые потом оставил нашей стране, – вспоминает она. – Принимал участие в обследовании наших детей. Он не испытывал к нашим условиям никакого пренебрежения, ходил, извините, в наши полевые туалеты, проявил полное внимание к сути дела. И написал очень хороший отчет, который не имел у нас успеха. В нем говорилось, что у нас очень плохо обстоит дело со здоровьем, но это связано не с облучением, а с сельским здравоохранением. Фред Меттлер сейчас руководитель делегации США в научном комитете по действию атомной радиации, поддерживает нас. Помню, в качестве доказательства, что Киев

не заражен радиацией, он приезжал туда со своими детьми».

Атомная отрасль сильно политизирована, и такое событие, как авария на ЧАЭС, стало поводом для замораживания большинства проектов. Представителей атомного сообщества только ленивый не поливал грязью в прессе. «Я разговаривала с Евгением Адамовым, – вспоминает Ангелина Гуськова. – Считаю его одним из самых ярких, технически образованных министров атомной промышленности, которые у нас были. Он хорошо выступал на «Радио Свобода», но отказался от телеинтервью Светлане Сорокиной, потому что его хотели выпустить дуэтом с экологом Алексеем Яблоковым. Адамов считал это ниже своего достоинства. Я была уверена, что говорить было надо, чтобы освобождать людей от фобий, гипноза и страха». Прошло много лет. Ангелина Гуськова исследовала три поколения работников атомной отрасли. Влияния радиации на здоровье будущих поколений не нашла, как и все мировые специалисты.

Автобус на память

Ангелина Константиновна Гуськова стояла у истоков радиологии. В те годы в эту сферу были вовлечены лучшие умы эпохи, со многими из них академик дружила. И эту возможность она считает самым большим подарком судьбы. Краткие воспоминания о великих людях, с которыми ей довелось общаться, Ангелина Константиновна поместила в 200-страничную книгу «Атомная отрасль глазами врача». В ней она рисует портреты людей такими, какими они ей запомнились. «Один раз на приеме в доме И.В., – пишет она, – я увидела незнакомого человека мрачного-молчаливого вида с короткой, точно нелегко поворачивающейся шеей, как бы отдаленного от остальных чем-то своим, особым. И.В. подошел ко мне сзади и спросил: «Как вам нравится этот человек?» Я ответила: «Совсем не нравится». И.В. засмеялся: «Ну и напрасно – скоро все забудут меня и будут говорить только о нем». Это был С.П. Королев». Или вот воспоминания о Ефиме Славском, ми-

Страницы первого доклада об аварии на Чернобыльской АЭС ученым мира в августе 1986 года

АНТОН БЕРКАСОВ

нистре среднего машиностроения СССР: «В его прошлом – и батрачество (у помещика!), и сабельный поход по Ставрополью и Крыму в составе Конармии, о чем он так колоритно рассказывал мне. <...> От моей сестры – историка – через меня он узнал о прочности уральского железа, покрывавшего своды Вестминстерского аббатства в Великобритании, об уральской меди в статуе Свободы в США. Важно это было и нужно Е.П. в его любви к «великой державе» и гордости за нее. Наверное, так можно любить только то, во что вложена частичка души и сердца, чему отдана жизнь». А в память о сэре Эдварде Почине, авторитетном английском радиологе, у Ангелины Гуськовой хранится дома маленький сувенир. Однажды, после приема в Королевском обществе, сэр Эдвард Почин предложил Ангелине Гуськовой вызвать такси. «А мне очень хотелось проехаться на втором этаже лондонского автобуса, – вспоминает академик. – Сэр Эдвард посмеялся, это считалось неприличным, потому что там обычно парочки целуются. «Но ради вас, – сказал он, – поедem на втором этаже!» И в память о том

легкомысленном путешествии двух пожилых людей он потом подарил мне маленький автобус».

Стены кабинета Ангелины Гуськовой увешаны фотографиями. Игорь Курчатов, Анатолий Александров, Август Летавет, Глеб Франк, Виталий Гинзбург, Жаме, Почин, Тейлор... При каждом удобном случае она старается привозить в клинику фото кого-нибудь из «иконостаса», чтобы знакомить с молодежью. Она считает, что это такое богатство, которым она не имеет права не делиться с окружающими. Ангелина Константиновна объездила весь мир в составе официальных делегаций. Она очень рано стала главным радиологом Второго управления Министерства здравоохранения, ведавшего гражданской обороной, в том числе по радиационной линии. Ангелина Гуськова входила в команду наших лучших врачей наряду с хирургами Виктором Поляковым, Александром Вишневым. В 1967 году ее выдвинули в качестве эксперта сначала советской, а потом и российской делегации в Научный комитет по действию атомной радиации. В одной из командировок в Вену радиолог застала открытую

встречу Леонида Брежнева с американским президентом Ричардом Никсоном. «Встреча проходила на площади, – вспоминает врач. – Толпа была доброжелательной, американский президент – предупредительным, Брежнев – очень плох. Мне было больно, я страдала за него. Не стыдилась – чего врачу стыдиться за больного. Но его не должны были отпустить».

Вместо послесловия

Ангелина Константиновна освоила Интернет и живо следит за развитием современной науки. Жалеет, что в перспективной сфере нанотехнологий сейчас не аккумулируются лучшие философы и технические специалисты – «отраслью руководят менеджеры».

На прощание академик дарит мне свою книгу. Эпиграфом к ней стоит стихотворение Николая Тихонова: «Наш век пройдет. Откроются архивы, И все, что было скрыто до сих пор, Все тайные истории извивы Покажут миру славу и позор. Богов иных тогда померкнут лики, И обнажится всякая беда, Но то, что было истинно великим, Останется великим навсегда». ❧

Евгений Резепов, фото Андрея Семашко

ПОВЕЛИТЕЛИ ПЧЕЛ

КАДУШКА С МЕДОМ
СТОЯЛА В СЕНЯХ.
НАДО БЫЛО ОТКИНУТЬ
КЛЕЕНКУ, ЗАПУСТИТЬ
РУКУ ПОГЛУБЖЕ
И НАЩУПАТЬ МЕД.
ИНОГДА ПРИХОДИЛОСЬ
«КОПАТЬ» СЛИШКОМ
ГЛУБОКО. ЭТО ЗНАЧИЛО,
ЧТО ДО ВЛАДИМИРА ТУТ
УЖЕ ПОБЫВАЛИ ТРИ ЕГО
БРАТА – НЕ МЕНЬШИЕ
ОХОТНИКИ ДО МЕДА.

ПОСЕЛОК ПОЛЯНЫ. 20 ДО-
мов на краю поля, даль-
ше – лес. Перед ним пасе-
ка. Самое важное место для
большой семьи Бухаркиных. И дед,
и отец, отправляясь на пасеку, ни-
когда не курили, не выпивали,
чисто одевались, а возвращались
всегда с ясными лицами. Впрочем,
никто из братьев Бухаркиных не

помнит ни отца, ни деда с папи-
росой или рюмкой. Запомнились
они либо с дымарем в руках, либо
с рубанком, которым выстругивали
планки для рамок в улей. Многие
улья были покрыты соломой, щели
между досками замазаны глиной.
Соломой был покрыт и дом Бухар-
киных. В засушливые годы ее сни-
мали с крыши, размачивали и отда-
вали корове.

После качки меда мать братьев, Вера
Алексеевна, набирала полные чаш-
ки меда и разносила их по соседям.
Это была традиция. Большую часть
собранного меда дед с отцом зали-
вали в липовые бочки и грузили на
подводы. Двигались до ближайшей
железнодорожной станции. Там до-
говаривались с кондукторами опять
же за мед и грузили бочки в вагон.
Довозили мед и до Казани, и до
Свердловска. Возвращения деда и
отца из поездок братья ждали с не-
терпением. Знали: обязательно бу-
дут гостинцы, одежда и обувка.

Районные начальники любили
заезжать в маленький поселок к
Бухаркиным. Посидеть перед са-
моваром, попробовать меда. обя-
зательно просили подать бортовой
мед. На пасеке у Бухаркиных стояла
древняя бортъ – выпиленный кусок
ствола липы с рамками для сот вну-
три. Было борти лет двести. Мед из
нее считался самым лучшим.

Медом братья смазывали раны и
ссадины, полученные в играх. Ме-
дом дед натирал свой позвоночник,
поврежденный на фронте, а отец –
предплечье, раненное на той же
войне.

Когда братья подросли, стали по-
могать старшим с пчелами. Работа
на пасеке была главной. Старшему
брату, Геннадию, было поручено
обучать младших сколачивать рам-
ки, вставлять вошину, пользоваться
роевней и дымарем...

Вспоминая то далекое время, бра-
тья Бухаркины трогательно пере-
числяют подробности жизни на

выселках, куда лоси заглядывали чаще, чем человек.

Дед, Федор Михайлович, рассказывал внукам, что Бухаркины занимались бортничеством еще много столетий назад, когда ульев не строили, а отбирали мед у пчел в лесу. Для этого искали дупла с медом или ставили на полянах колоды. Сбором дикого меда занимались в этих местах до 30-х годов XX века. Выслеживали диких пчел так: разыскивали в лесу ручей или болото, куда пчелы прилетают напиться, и высматривали их полет. Пошла пчела низом по просеке – дупло близко. Вверх взлетела – далеко. Перед смертью дед взял со своих внуков слово: «Как бы ни сложилась ваша жизнь, с пчелами никогда не расставайтесь!»

Последнее слово о пчелах еще не сказано

Жизнь каждого из братьев Бухаркиных сложилась по-разному, но от меда не ушел никто. Ребятам из глухого поселка трудно было уехать в город и получить высшее образование. Но это получилось у всех. Старший, Геннадий, окончил университет, стал математиком. Работал директором школы, заведующим районным отделом образования, директором школы-интерната для детей, больных туберкулезом. О пчелах не забывал. Приезжая летом к родителям, все время проводил на пасеке. Хотел завести собственную пасеку, но в райцентре, где он жил, это было невозможно. И тут вмешался случай. Какая-то старушка после смерти мужа не знала, куда девать старые улья. Геннадий предложил ей поменять улья вместе с пчелами на машину дров, которые выделили его жене как работнице сельского образования. С женой он даже не советовался. Главное – улья и пчелы. Их он отвез за 40 километров, в село Мордовские Сыреси, где жил его младший брат, Анатолий. Тот поставил их рядом со своей пасекой. Каждые выходные Геннадий уезжал к своим ульям. Привезенные им первые четыре ведра меда стали большим сюрпризом для его супруги Валентины Дмитриевны. Она никогда столько меда не видела! А потом Геннадию предложили стать директором школы-интерната для

В центре жизни братьев Бухаркиных – Александра, Анатолия, Геннадия, Владимира, – как и у их предков, стоят пчелы и мед

Лазить с дымаром и роевней за севшим на дерево пчелиным роем приходится не реже, чем снимать из улья мед

детей, больных туберкулезом. Интернат располагался в отдаленном селе Шейн-Майдан. Рядом с новым домом оказалось удобное место для пасеки. Да к тому же Геннадий хлопотал разрешение развести пасеку и в школе-интернате. Создали кружок пчеловодства. Медом детей угощали по праздникам, на день рождения каждый ученик получал баночку меда. Но гордился Геннадий не этим. Многие его бывшие ученики заразились пчеловодством и завели у себя дома пасеки. Об этом они с благодарностью потом писали своему учителю. Все это Геннадий пересказывал своему самому младшему брату, Александру. Тот тоже приехал жить в Шейн-Майдан. Стал преподавать в интернате историю и вести кружок пчеловодства. Но большую часть свободного времени Александр проводил на самом краю села. Там недалеко от леса, на склоне, под которым бежит ручей, располагалась большая пасека его тестя. Так уж случилось, что из братьев Бухаркиных только Александр вошел в семью, где пчеловодство тоже было старинным занятием. Еще один из братьев Бухаркиных, Анатолий, получил диплом пчело-

Состоящая из старинных, дедовских ульев пасека невольно переносит во времена патриархальной деревенской жизни

А открыть крышку улья можно, только вооружившись специальными перчатками и защитной маской

В руках у Владимира Бухаркина старинная, двухвековая борть, которая переходит в семье из поколения в поколение. А под ней – недавно, лет 60 назад, вырезанная из липы борть

Дымарь – привычный и старинный инструмент для руки пчеловода. Дымарем отпугивают пчел при вторжении в их царство. Срок службы любого дымаря – полгода

вода в техникуме. Сейчас он учитель математики и обладатель пасеки в 60 ульев в селе Мордовские Сыреси. Он же – коллекционер дореволюционных книг по пчеловодству и хранитель множества секретов этого дела.

Людей, желающих узнать секреты вкуснейшего меда Бухаркиных, много. Но братья не выдают тайн. И ревностно относятся к достижениям друг друга. Это в округе всем известно. Добиться от них подробного рассказа о производстве фирменного меда тяжело. Зато они готовы радушно принять гостей и угостить их медом. Сразу видно, что они потомки той самой лесной мордвы, которая несколько веков назад жила пушনিной и сбором меда из колод, тот мед поставлялся к столу московских князей.

Об этом с гордостью говорит самый разговорчивый из братьев Бухаркиных, Владимир. По образованию химик-биолог, он поработал и директором школы, и руководителем многочисленных хозяйств. Даже район возглавлял. Сейчас Владимир – чиновник в местном Министерстве сельского хозяйства. На всех местах работы Владимир дер-

Большие круги пчелиного воска у Александра Бухаркина похожи на маленькие солнышки. Этот воск в большом количестве расходуется по местным храмам и монастырям для изготовления свечей

жал пасеку. А когда стал постоянным городским жителем, то завел пасеку за городом. Из каждой поездки в Москву он привозит новые книги по пчеловодству. Но последняя книга для его обширной библиотеки не куплена, так как последнего слова о пчеловодстве еще не сказано. Владимир планирует и сам написать что-нибудь о пчелах.

Бывая в командировках в разных селах и деревушках, он никогда не проедет мимо дома, рядом с которым стоят ульи. Обязательно зайдет. А вот если во всей деревне нет ни одного улья, это для него плохой знак. Нет пчел, не будет скоро и людей тут, считает Бухаркин. Этим наблюдением с ним поделился еще его отец.

Химический карандаш

Последние годы их отец Петр Федорович жил у дочери в селе Кабаево, куда из заброшенного поселка Поляны переехал после смерти своей жены. Улья он раздал сыновьям. Братья по очереди навещали отца, и каждый привозил свой мед. Эти наезды к отцу для дегустации семей-

ного меда стали традицией. Отец говорил, у кого мед горчит, у кого слишком жидкий. Ничей мед особенно не хвалил, говорил одно и то же: «Чувствую, все равно у вас всех мед одинаковый, наш, бухаркинский!» Отец, как и дед, часто напоминал сыновьям и внукам, чтобы ни при каких обстоятельствах не расставались они с пчелами.

При себе отец всегда держал огрызок химического карандаша. В старые годы им проверяли качество меда. Обмакнув карандаш в мед, а потом проводят на бумаге черту. Если карандаш оставляет лиловую линию, значит, мед разбавленный, много в нем воды. Так проверяли мед у деда и отца братьев Бухаркиных, когда они возили его в Казань и Свердловск. А однажды приемщик отказался проверять. Поверил в мед Бухаркиных. Огрызок же карандаша отдал на память. «Вот и вы храните честность бухаркинского меда, не соблазняйте деньгами никогда!» – завещал братьям отец. На могилу отца, как и деда, в день памяти родителей братья Бухаркины всегда приходят с блинами и медом.

Когда братья Бухаркины собираются вместе, то разговор в итоге все равно сводится к пчелам. Спорят до сих пор, у кого мед лучше. Зато стало понятно, кто добывает меда больше всех. Это младшие братья, Анатолий и Александр. Александр предпочитает столетние ульи. В таком дерево чище, летом не жарко, зимой не холодно. Старинные ульи имеют особый дух. Старшим братьям такой романтизм младшего не очень понятен, а Александр про старших братьев иронично говорит: «Как пчеловоды они мне в подметки не годятся!» Те слушают снисходительно. Не все он еще знает! Но его достижения признают. Особенно им нравится воск, который Александр стапливает из старых сот. За большими желтыми кругами выстраивается даже очередь покупателей. Много воска увозится в близлежащие церкви и монастыри.

Династия

В Шейн-Майдане помимо Бухаркиных есть еще династии пчеловодов. Братья Наумовы, братья Бур-

Братья Бухаркины бережно хранят все старинные предметы, связанные с пчеловодством. Этой роевне (лукошко для ловли пчелиного роя) более 200 лет

Самый младший из Бухаркиных, Андрей, представляет в династии новое поколение пчеловодов

неторопливо чаевничаем и беседуем о пчеловодстве в России. Ведь с недавних пор заниматься им стало даже модно. Ну, увлечение пчелами мэра Москвы и так всем давно известно. Но, оказывается, среди российских чиновников самого разного уровня тоже немало тех, кто держит пасеку. И что интересно – среди современных пчеловодов много молодых людей.

А в династии Бухаркиных подрастает шестое поколение пчеловодов. Все внуки уже работают на пасеке. Но сначала, перед тем как познакомиться с пчелами, маленьким пасечникам показывают старинную 200-летнюю борть с дедовской пасеки. Этот цельный кусок дерева, выпиленный из ствола липы, отполированный дождями и руками, до сих пор приносит мед. Из этой передаваемой из поколения в поколение борти предки Бухаркиных добывали мед, который давал и дает жизнь этой семье. Приложишь к старинной борти ладонь – и ощутишь шум величественных и могучих лесов Древней Руси... 🐝

лаковы и Панкратовы. Все они чем-то неуловимо похожи на Бухаркиных. Пчеловоды – особые люди, со своим необычным жизненным укладом. Например, замечено, что пасечники склонны к нравоучениям, очень трудолюбивы и всегда замечают, если кто бездельничает, стремятся учить

других. Вот и у Геннадия такая же история. Ему хочется, чтобы пчеловодством занималось как можно больше людей. Давал пчелиные семьи знакомым. У кого пошло, у кого – нет. «Терпения не хватает!» – сетует он. ...На столе красуется чашка, полная свежего, пахучего меда. Мы

«СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ»

С ПРЕЗИДЕНТОМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ» МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ В ЦЕНТРЕ НЬЮ-ЙОРКА, В МАНХЭТТЕНСКОМ СОХО. ЗНАКОМЬТЕСЬ: ЮРИЙ АСКОЛЬДОВИЧ САНДУЛОВ. ПО ОБРАЗОВАНИЮ – ФИЛОСОФ, ПО ПРИЗВАНИЮ – ИСТОРИК, ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – НЕУТОМИМЫЙ СОБИРАТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ ТОГО ХРУПКОГО МИРА, КОТОРЫЙ МЫ СЕГОДНЯ НАЗЫВАЕМ «РУССКАЯ АМЕРИКА».

Юрий Аскольдович, а вы сами себя кем считаете в первую очередь – историком или философом?

– Вот вы сразу задали вопрос, на который я и самому себе затрудняюсь ответить. Образование у меня – классическая философия, окончил философский факультет Санкт-Петербургского университета, затем аспирантура и докторантура, там же и защищался, но в Америке преподавать ее мне не представилось возможным. Поэтому здесь я, наверное, больше известен как историк. Историк русского православия в Америке, историк Русской Америки. Практически я продолжаю дело, начатое Виктором Порфирьевичем Петровым, нашим знаменитым историком зарубежья. Кстати, в моей жизни случился интересный случай, который я считаю в определенном смысле для себя знаковым. Как-то раз я разыскивал на вашингтонском кладбище русские захоронения, у меня был список из 120 фамилий, там и философ Левицкий, и издатель Камкин, и многие другие. И вот когда я практически уже все могилы нашел, кроме одной, именно Виктора Порфирьевича, ко мне вдруг подходит молодой человек явно славянской внешности и, обращаясь по-русски, спрашивает,

не может ли он мне чем-нибудь помочь. Так что вы думаете? Он оказывается внуком Виктора Петрова! Он не только мне показал его могилу, но и впоследствии, когда мы уже подружились, передал и все архивы своего деда. Представляете, какая удача! Я ему, конечно, обещал хранить архив Петрова как отдельную единицу, что мы, безусловно, и осуществили. И потом, уже разбирая его бумаги, его бесценные тетради, его записки и исследования – и по истории Форты Росс, и по истории первых русских поселений на Аляске, – я только и благодарил судьбу, которая предоставила мне такой счастливый случай. Ну и конечно, это послужило отправной точкой в моей последующей концентрации на изучении и исследовании истории Русской Америки.

– А большой был архив?

– Вывозил тремя микроавтобусами! Около двухсот коробок.

– Если взять любую вашу книгу или исследование, то только диву даешься тому обилию материалов, которые там представлены. А если учитывать, что многие из них из вашего собственного архива, то возникает вопрос: где вы это все храните?

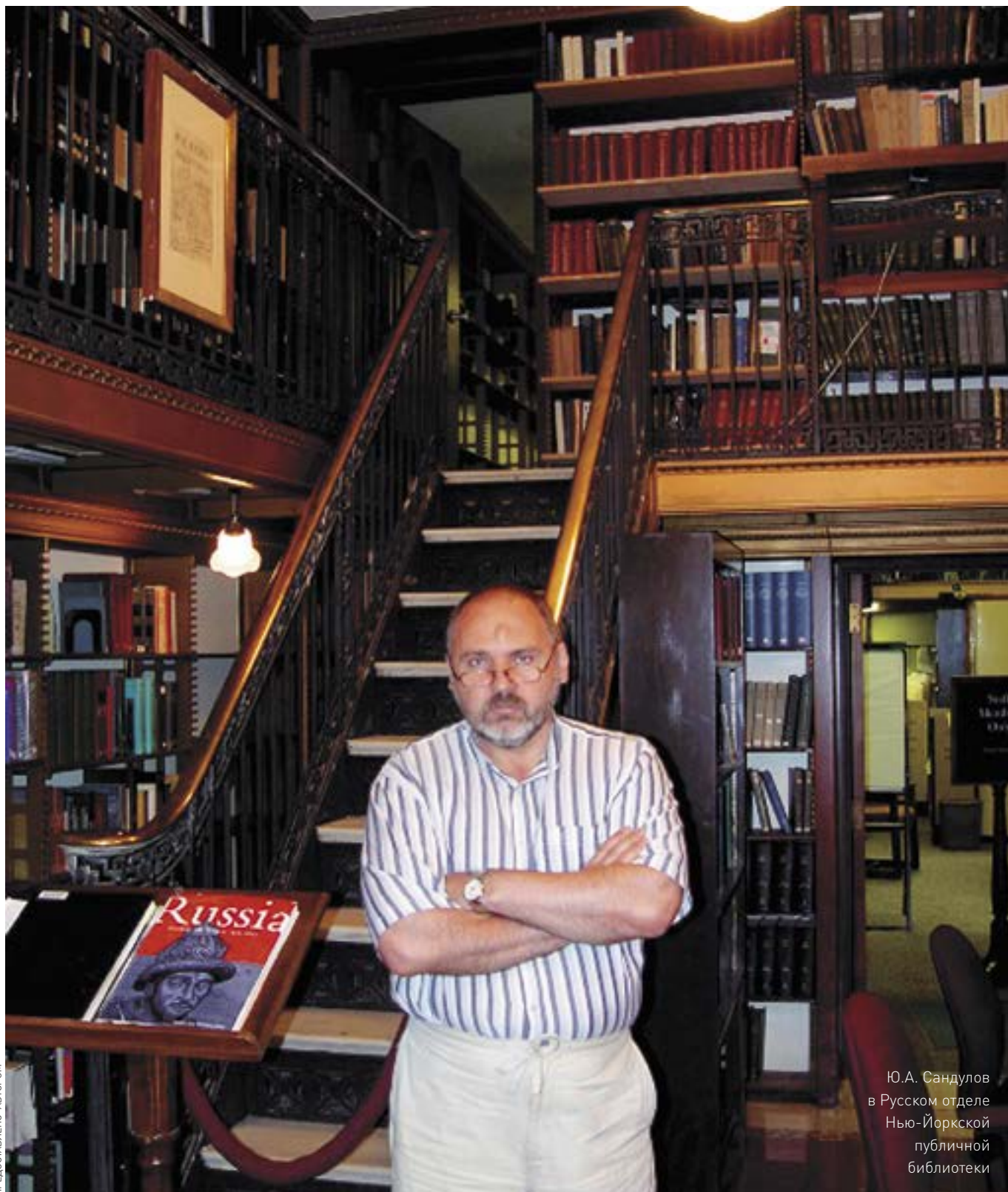
– Ну, когда-то все начиналось, конечно же, с квартиры. Но потом, по мере роста архива, я использовал

другие помещения, а сейчас все становится гораздо проще. Сейчас наша организация «Северный Крест» получает официальный статус «нон-профитной» организации. Уже и американское правительство намерено нам выделить гранты на помещение, в котором мы и собираемся в первую очередь разместить наш архив. Все это делается с дальним прицелом: превратить это однажды в большой музей, в который могли бы приезжать и работать историки и специалисты со всего мира.

– Вы не только собираете документы, бесценные фотографии нашего так быстро уходящего прошлого, но и публикуете материалы. И в виде книг и монографий, и даже в виде наборов открыток. Я имею в виду вашу замечательную серию «Награды и знаки белых армий и правительств»...

– Как и в любом большом деле здесь заслуга не только моя. Без помощи моих соратников – историков, писателей, ученых, исследователей – таких же энтузиастов, как и я, – это все было бы невозможно. Эти три комплекта открыток – «Награды белых армий и правительств» – появились вообще впервые в мировой филкартии. Когда-то, в 60-е годы, издательство «Посев» пыталось это сделать, но у них тогда не хватило материала. Они издали, по-моему, всего четыре открытки, и все. И то, они были в виде рисунков. Мы же нашли все оригиналы. Что-то в Эрмитаже, что-то на Украине, что-то в американских музеях, ну и конечно, в основном это частные коллекции. Все было сфотографировано, задокументировано и издано. Я бы хотел подчеркнуть, что здесь велика заслуга моего помощника Александра Рудиченко, исследователя-энтузиаста, специалиста по наградам, – он нам оказал неоценимую помощь. И вот этот пример заразил нас всех.

Когда мы поняли, что так быстро и скоро можно поделиться результатом своих исследований, то, конечно же, решили продолжить наше издательское дело. Скоро, например, будет годовщина, 90-летие «исхода», 90-летие белой эмиграции. Это, конечно, не праздник, скорее,

Ю.А. Сандулов
в Русском отделе
Нью-Йоркской
публичной
библиотеки

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

трагедия... Национальная трагедия... И мне бы не хотелось, чтобы эта дата прошла незамеченной. Мы уже получили поддержку и благословение владыки Илариона на то, чтобы издать комплекты открыток по всем митрополитам РПЦЗ – здесь будут владыки Анастасий, Антоний, Филарет, Виталий, Лавр. А также по

всем организациям, которые за все эти годы поддерживали в Америке русскую культуру.

– Юрий Аскольдович, а с чего все начиналось?

– Жизнь моя сложилась просто... Сначала я был моряком, затем преподавал в университете, потом издавал книги. И вот изда-

ние книг, академических книг, для высшей школы России, особенно в 95–96-м годах, когда в России во всем была нехватка, и послужило, по-видимому, отправной точкой. Первой книгой, которую мы издали огромным тиражом, был «Обзор русской истории» Сергея Германовича Пушкарева. Тогда сложилась

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Работа над рукописью книги «Записки белого офицера». Сидит сын автора – председатель Дворянского собрания США К.Э. Гиацинтов

Разворот книги «Награды и знаки белых армий и правительств»

ситуация, когда старые учебники уже не подходили, новых еще не написали, и был этакий провал. И вот тогда я, занимаясь эмигрантской литературой, предложил попробовать издать книгу эмигранта Пушкарева. Успех превзошел все ожидания. Книга выходила тиражом по 25–30 тысяч экземпляров, и практически все российские университеты учили тогда историю по Пушкареву...

– Вы долгие годы занимаетесь историей Русской Америки. Какое у вас

сложилось впечатление об американцах? Насколько они осведомлены о том огромном вкладе, который внесли русские в развитие американской культуры и науки? Известны ли им такие имена, как Сикорский, Тимашев, Зворыкин, Ипатьев?

– Да, конечно, имен этих сотни! Какую область американской науки ни возьми, обязательно натолкнешься на русскую фамилию. Знают ли это американцы? Смотря какие. Если вы имеете в виду простого обывателя – пусть никому

не будет обидно, что я употребляю здесь это слово, – то, конечно, он далек от русской истории, русской культуры и от понимания ее вклада в развитие Америки. Но те ребята, на которых мы опираемся, – из Колумбийского университета, из Принстона, из Йельского университета – отсюда мы стараемся подтянуть наши ресурсы...

– ...Гуманитарная элита, так сказать...

– Да, безусловно... О, эта молодежь, особенно те, кто занимается русской историей или литературой, прекрасно во всем разбираются. Они очень глубоко знают и русскую культуру, и тот вклад, который она внесла и продолжает вносить в американскую жизнь. Ведь американское образование, как вы знаете, очень углубленное. Может, не такое «широкое», как у нас, зато, если человек на чем-то специализируется, то уж знает свой предмет досконально!

– Расскажите поподробнее о вашей организации «Северный Крест». Цели, задачи и почему такое название? Очень красивое, надо заметить...

– Я уже говорил, что первые годы моей сознательной жизни я был моряком. И как все моряки, я знал

Виктор
Порфирьевич
Петров,
выдающийся
историк
и исследователь
Русской Америки

музеям. Вот, например, совсем недавно я передал в Центральный музей Вооруженных сил России карты белых армий. Как вы понимаете, наступательных карт красных у них в избытке, а вот наступательные карты из штабов белых армий все еще редкость... Сказать, что они были рады, – это ничего не сказать. Или, например, сейчас мы занимаемся передачей в Морской музей, в Санкт-Петербург, модели крейсера «Варяг», сделанной филладельфийскими мастерами. Петербург – мой родной город, я хотел, чтобы это хранилось там...

Но вообще-то мы мечтаем, что со временем превратимся в небольшой исследовательский институт, с четырьмя-пятью рабочими местами для ученых. Которые смогли бы сюда приезжать и заниматься...

– **Исследованием Русской Америки?**

– Да, конечно! Именно в этой сфере нашей национальной истории мы планируем занять лидирующее ме-

Звезда Креста Храбрости
Учреждена императором в 1926-м гг.

The Star of the Bravery Cross

Крест за верность и службу Родине
Учрежден императором.

Cross for Loyalty and Service to Russia

Медаль в память освобождения
Северной области от большевиков.
Учреждена в Советской армии 12 июля 1919 г.

Medal Commemorating the Liberation
of the Northern Province from the Bolsheviks

морскую навигацию, навигацию по звездам... Так вот, многие слышали о существовании созвездия Южный Крест в Южном полушарии, но немногие знают, что и в Северном полушарии есть свой Крест. Находится он в созвездии Лебедя. И именно его древние русские мореходы использовали как путеводный знак

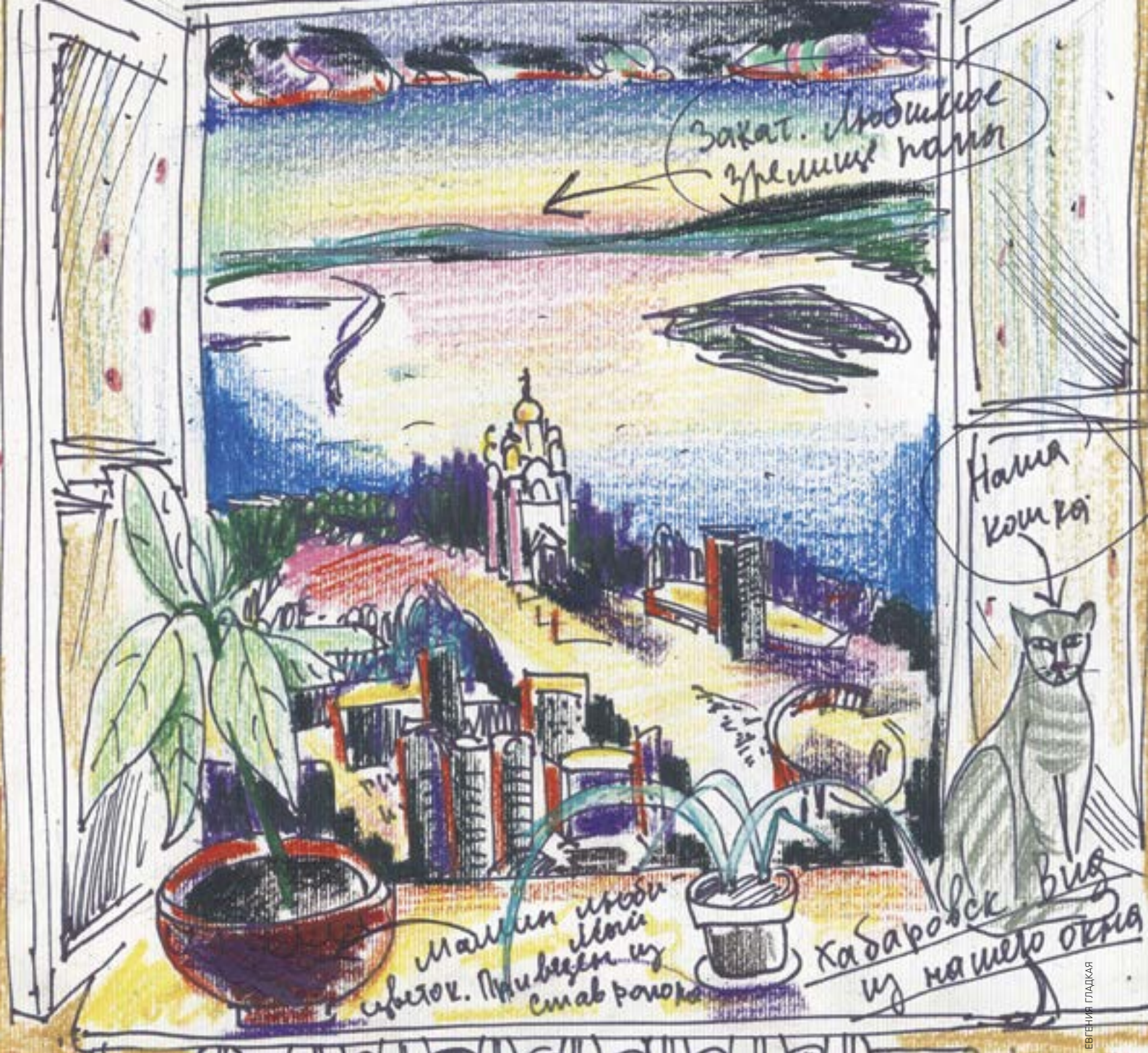
для возвращения к родным берегам, возвращения на Родину. И задачей нашего фонда также является возвращение, возвращение нашего русского наследия на Родину.

– **Возвращение вы имеете в виду в прямом или в переносном смысле?**

– По-разному... Бывает, мы что-то передаем или дарим российским

сто. С нашей библиотекой, которая уже насчитывает 40 тысяч томов, с нашим архивом, который практически еженедельно пополняется, я думаю, у нас есть все шансы рассчитывать на успех. 📖

**Беседовал
Дмитрий Полетаев
[Нью-Йорк]**

ОДНА СТРАНА

Саша Канноне

Единство страны – в судьбах людей. Та страна едина, в которой житель окраин гордится центром, а в столице помнят названия дальних городов. Еще это единство осуществляется во времени, то есть в памяти поколений, в культуре. То и другое – а вовсе не экономические связи и финансы – абсцисса и ордината любого национального государства.

К ОГДА МЕНЯ СПРАШИВАЮТ, где я родилась, я отвечаю: «В Ставрополе, но мои родители жили на Сахалине».

И это абсолютная правда моего рождения. По окончании университета отец и мать поехали работать на Дальний Восток – на Сахалин, а потом в Хабаровск. Но своих детей – меня и брата – мама рожала у себя на родине, в Ставрополе.

Все детство мое прошло под знаком Кавказа. Точнее, оно распределялось на две половины: зимнюю, будничную, на Дальнем Востоке и летнюю, праздничную, на не менее дальнем для меня юге. Бог знает, почему это было так. Связано ли это с учебой? Но свою школу я любила. Позже, когда мы переехали в

Ярославль, выяснилось, что по всем параметрам ярославская школа проигрывала дальневосточной. Что касается природных щедрот, то Хабаровск ведь тоже юг, расположен на широте Ялты и Портленда, имеет до 320 солнечных дней в году и, не проходя рядом холодное течение, был бы курортом хоть куда.

Стоит он на слиянии двух великих рек, Амура и Уссури. В них впадают речки поменьше – Черная, Красная, Амгунь и другие, коим нет ни числа, ни названия. Особенно это видно из иллюминатора самолета. Тайга, сопки вдруг обрываются, и долго летишь над землей, покрытой лабиринтом рек и протоков. Вода в них разного цвета: желтая, красноватая и черная. Весной, в половодье, они превращаются в единую водную поверхность – гладкую, глянцевую, едва разделенную прожилками суши.

Папа любил природу, был ее тонким ценителем и знатоком. Каждый вечер наша квартира на пятом этаже оглашалась возгласом: «Чудо природы! Чудо природы!» То был закат над Хехциром, или особой конфигурации облако, или и впрямь небывалый замес цветов и полутонов осенних листьев. И домочадцы покорно собирались подле и тоже возглашали о чуде.

Хорошо зная окрестности Хабаровска, папа имел на примете особые местечки. Он придумывал им романтические названия и возил нас туда на выходные. Ехали долго. По дороге пели или играли в города. Это когда каждое следующее название города начинается на ту букву, которой кончалось предыдущее. Ростов-Вологда-Актюбинск... Игра могла продолжаться часами. За рубежом почти «не ходили»: лучше знали имена своих городов.

Приехав, собирали хворост, разводили костер, готовили кулеш, чай. К заварке добавляли свернутую венчиком лиану лимонника. Удивительный вкус он придавал чаю – вкус хвойного дыма, цитруса и копти котелка.

Каждому сезону соответствовало свое место. Зимой ездили на Черную речку – к руслу, намертво схваченному льдом, в покрытые инеем

золотые травы высотой в человеческий рост. Весной – на Философский ключ, по берегам которого в больших нагретых проталинах росли первые подснежники. За ландышами отправлялись на Сопку чжурдженьского царя, за черемшой – к Уссури, за дикими пионами – в тайгу, переплетенную лианами, на далекий синий Хехцир. Дикие пионы – что за диво! Цветы моей жизни, самые красивые, какие мне доводилось видеть. Это эндемики. На садовые они не похожи. У них крупные белые венчики с лепестками в один ряд и круглой золотой сердцевинкой. Их аромат более изыскан и тонок. На каждом стебле только один цветок.

Вообще, на Дальнем Востоке даже обычные растения отличаются от среднерусских сортов, а фрукты и овощи имеют повышенное содержание пектина. Это придает им особую остроту и терпкость, так называемый мускусный, или лисий, привкус. Но вот странность: ни пригоршни войлочной вишни – голубиной крови, горящей на солнце, как рубин, ни мрачные ирисы в поймах Амгуни, ни лотосы озера Кривое, ни багровые сердолики Уссури не казались мне в ту пору экзотикой. Эка невидаль! Сердоликов в Хабаровске вдосталь в любой дворовой песочнице. Мы звали их «кремушками» и выцарапывали стеклом из асфальта, в который они попадали со строительным щебнем и песком. И Дальний Восток со всеми сокровищами своей природы был обычным и будничным, а счастьем и праздником – только Кавказ.

Топография моей памяти

Отправляясь туда, я словно переносилась из одной сказки в другую. Из них первой была Москва – огромная, как космос, и свежая, как июньская гроза. И это совсем не преувеличение: я действительно попадала в нее только летом! Все, все в ней было невиданное, другое. Там – лесистые сопки, кругом теснящие горизонт, здесь – плоская равнина, размах, ширь. Там – низовья Амура, безбрежного как море, густого и темного, здесь – леденцовая, кукольная, в парапетах и

маковках река Москва. Там – шальные дороги, здесь – асфальт, город, гигантские сталинские дома, которые так похожи один на другой, что кажется, будто не ты едешь мимо, а они следуют за тобой, как почтительные мажордомы. Глядя на них, и сам словно вырастаешь и ускоряешься, и несешься как птица, и все вокруг – полет, ликование, восторг! И люди в Москве казались другими. Одеты они были красиво, держались прямо, глядели строго. Я их немного побаивалась, но всех – обожала.

По приезде мы останавливались у друзей мамы, на ВДНХ. Посольство было кратким, но непременно, и оттого Москва тоже стала моей – родиной детства, топографией моей памяти. Распрощавшись с друзьями, мы вновь отправлялись в путь. На сей раз это был уже не самолет, а поезд – вареные яйца, запах угля, вагон...

Свободных мест никогда не было. Чуть кто выходил, на смену ему тотчас появлялись другие. Люди ездили охотно и много – работать, в гости, лечиться. Покупать дорожный билет надо было за месяцы вперед или летом доставать по блату. На каждой станции вагон встречает толпа торговцев. Сразу за Москвой – бабы с вареной картошкой и малосольными огурцами. У Ростова – другие бабы, с рыбой и пивом, еще дальше на юг – третьи, с узенькими кулечками первой черешни.

На Кавказ поезд прибывает утром. Совсем рано, чуть забрезжит, будят собирать белье. Это станция Кавказская, где перецепляют вагоны и стоянка 40 минут. Здесь еще кубанские степи, казачьи станицы и ровная как стол земля. Но стоит чуть проехать вперед – глядь в окно, а там горы. Они появляются внезапно, как во сне, и уж больше не исчезают. Змейка, Железная, Верблюдка – одна за другой они мерно шествуют вдоль поезда, как в кино. Мы приезжаем на Кавказ.

Прибывающих много, встречающих еще больше – шум, гам, суета! Те, кто в вагоне, прилипают к окошкам, ищут знакомые лица. Те, кто на перроне, бегут вдоль поезда, высматривая номера вагонов. Вот и дядя с

цветами. Он не ищет, не всматривается, а стоит барином на своем месте. И с оглушительным скрипом, чуть качнувшись, медленно и словно нехотя, наш вагон останавливается подле него.

Острова

Я благодарю Небо, что узнала Москву именно такой – промытою, гладкою, глядя из Хабаровска. И что моя родина не она и не Дальний Восток или Кавказ, но все вместе, Одна страна. И что каждый метр этой земли – самый отдаленный, зыбкий, «ненужный» – часть меня, моего тела и моей души. С этой землей у меня одна лимфа и одна кровь, нас связывают тысячи невидимых капилляров, разнять которые невозможно.

Где ты родилась? На маленьком острове Амура, где каждый год осенью и весной папа ловил рыбу. Ловил рыбу! Это же целый волшебный ритуал, с предварительной закупкой червей на лодочной станции у парка, с тайным стоговором «избранных» – папиных соратников по рыбалке, с кропотливым полночным перебором снастей и, наконец, с долгим папиным отсутствием в течение трех или четырех дней. Зато потом что за улов! Хватало и нам, и друзьям, и добрым соседям. И чудорыба эта была не чета здешней. В Амуре более 100 сортов – красноперка, карась, налим, сом, щука, верхогляд, сазан, пескарь, осетр, касатка (пресноводная рыба, названная так за костяной плавник на спине), ерш, плотва и бог знает что еще – и каких она размеров! Рыба приезжала в садках, в запахе тины, переложенная травой. Касатки ох как живучи! Жалея их, я просила их не готовить и пускала в тазы с водой. Дня через два они переворачивались вверх брюшком, и тайно от меня их убирали.

Незадолго до нашего отъезда с Дальнего Востока, когда я уже была сравнительно большой, папа взял на острова и меня. Не помню точно, где это было, но добирались очень долго. Сначала на машине до берегов Ханки, потом на вертолете над нескончаемым лабиринтом протоков, потом на моторной лодке

сквозь заросли камыша, распугивая голубых цапель и маленьких ярких уток.

Сам остров такой микроскопический, что его даже не потрудились назвать. Подобно планете Маленького принца, весь его можно обойти за пять минут. По периметру – тонкая кромка белого песка, словно кто-то взял да очертил мелом. Сразу у берега и дальше к центру он покрыт густыми зарослями ивняка. Их корни пронизывают почву, цепко держа ее и не отдавая жадной воде. К этим корням, пропустив бечеву сквозь жабы, папа привязывал рыбу – крупную, на 5–7 килограммов, – и долго потом вспоминал, как я отвязывала ее от коряги и прогуливала вдоль водной кромки, словно собаку на поводке.

Недавно Россия отдала пару амурских островов Китаю. Не моих с папой, чьих-то еще. Наши были необитаемые, на тех жили люди, вели хозяйство. Здесь в Москве объясняли, что это ненужные территории, пустые, а для меня это было страшное горе. Потому что это тоже моя родина, моя земля с моими детскими корешками.

Одна история

Я не была на Кавказе с начала 90-х и не еду сейчас, потому что боюсь. Кавказ моего детства – это «Герой нашего времени». Обычаи, уклад, ритм жизни, в величайших подробностях запечатленные в этом романе, в годы моего детства оставались решительно теми же, какими их нарисовал Лермонтов, и я наблюдала их своими глазами, проводя лето в Ставрополе и Пятигорске. Даже «черкесов» мои современники боялись так же, как при Максиме Максимыче. Каждый раз по приезду бабушка потчевала меня рассказами о похищенных девочках, опустошенных станицах и других «подвигах» горцев, действительно происшедших или выдуманных ею для моего устрашения. Сейчас, перечитывая Лермонтова, я понимаю, что перемены, постигшие страну в период с 40-х годов XIX века до 70-х века XX, со всеми революциями, войнами и террорами этих лет, куда менее ощутимы, чем те, что перенесла

она в пору перестройки. В начале 90-х все это застывшее прошлое отрезало как кинжалом. И вот я боюсь ехать, потому что мне страшно не застать мою родину в ее прежнем виде. А ведь это и мое прошлое, моя история – пусть даже и одна на двоих с Лермонтовым.

Где-то оно теперь, что с ним случилось? Куда подевались бывшие наряды, обычаи, лица? Уж точно не канули в никуда, во мрак и холод и зубовный скрежет. Города, дома, моды и даже самые лица людей меняются безвозвратно, но в этом нет ничего трагического, и даже наоборот. Время несет перемены, и в этом залог прогресса. Но оно, это прошлое, и не исчезает вовсе. Упакованное в страницы старых романов, семейных альбомов и в кадры старых кинолент, оно улеглось в бездонный сундук нашего исторического вчера, где и пролежит до скончания века, пока жива наша большая страна и пока жив хотя бы один русский. Это наше наследство, наш духовный НЗ, который у нас не отнять никаким революциям и перестройкам.

Бабушка-красавица

В Ставрополе жила моя бабушка Вера Михайловна. Она родилась в 1913 году и еще помнила, как со своим отцом на тачанке убегала от белых. Ее отец «в прошлой жизни» был рязанским дворянином, коллежским асессором, а в 1920-е министром почты Северо-Кавказской Республики. Мать – дочерью богема из Костромы, актрисой на ампула «инженю». Памятуя об этом, я всегда невольно радуюсь рязанцам и костромичам: земляки!

Бабушка была красавицей – с царственной осанкой и безупречным русским языком. Не считая легкого южного говора, приобретенного за годы жизни в Малороссии, ее речь была замечательно артикулирована и отличалась теми особенными интонациями, какие сейчас услышишь разве у заезжих русских, сохранивших их в дальней эмиграции. Мягкими и вместе холодноватыми из-за их абсолютной правильности и уместности.

Зато нрав ее, капризный и властный от рождения, к старости сде-

лался и вовсе невыносимым. Всю жизнь она проработала на руководящих постах и, выйдя на пенсию, по инерции продолжала править. Но с возрастом стала утомляться и, отказываясь понимать, что с ней происходит, сердилась и давала жару окружающим. И горе тем домочадцам, какие приключались в ту пору у нее под рукой!

В Пятигорске жил дядя. Кандидат медицинских наук и главврач одного из пятигорских санаториев, он тайно практиковал запретное в те годы иглоукалывание и жил припеваючи в большом доме в самом начале главного пятигорского променада.

Осененный столетними каштанами дом этот на своем веку перевидал не одно поколение гуляющих. Дядя родился и получил образование в Ставрополе, в Пятигорск попал по распределению. Сначала он жил в однокомнатной квартире на Ромаш-

ке (район Пятигорска), но, когда детей стало трое, ему случайно дали жилье в том самом доме, в котором до революции жил его дед, директор гимназии Дмитрий Иудович Лагунов. В начале 1920-х Дмитрия Иудовича по доносу расстреляли. Жёну его Анну – тоже. Причем, как гласит семейная легенда, приговоренная к смерти, она ожидала своей участи опять же в этом доме. История была неприятная. Здесь тоже случился донос, но на сей раз доносила сама Анна, и не красным, как в случае с Дмитрием Иудовичем, а белым, да еще на своего зятя, мужа ее дочери Олимпиады. Тот был комиссаром, сама Олимпиада тоже. Она и приговорила мать.

Дом

Дом окружен чугунной решеткой, увитой диким виноградом и розовым вьюном. Во дворе сад, в саду

старая алыча. В августе ее ветви клонятся к земле под грузом янтарных слив. К одной из них прилажены детские качели, на которых мы качались до головокружения. Как раз накануне перестройки ветка обломилась, и привязывать качели стало некуда. Рядом, в тени фруктовых деревьев, помещались беседка и стол с лавками. Здесь пили чай и обедали.

День напролет входная дверь оставалась открытой. Семья дяди состояла из шести человек – самого его, его жены, моей тетеньки Лизаветы Артемьевны, дядиной тещи Натальи Андреевны и троих детей, а моих кузенов – Веры, Бориса и Андрея. Дети то и дело бегали из дома в сад и обратно, приходили соседи из окрестных домов, гостили друзья и родные из Москвы, Ленинграда, Баку. За стол ежедневно садилось не менее десяти человек.

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

Тетя была наполовину армянка, росла в Баку и в Пятигорске училась. В те годы в городе были очень сильные вузы, особенно тетин, Педагогический. В оба съезжались абитуриенты со всего Союза и даже из-за рубежа. Когда моя бабушка из Ставрополя переехала в Пятигорск, она поселилась неподалеку от общежития мединститута. Это было 9-этажное блочное здание, и жили там только иностранцы. Все домашние работы выполняла Наталья Андреевна – бабушка-труженица, мастерица по части кулинарии и шитья и вдобавок чудесная рассказчица. В основном она потчевала нас историями из собственной жизни, но детство и юность бабушки Наты казались столь отдаленными, а говорила она так светло и поэтично, что реальные сюжеты вполне заменяли собою сказки. Иногда она дивно пела,

тонким надтреснутым голосом, но без фальши, идеально чисто. Лицо ее при этом светлело.

В доме были свои ритуалы. Рано утром по выходным, напившись чаю, все семейство отправлялось на рынок. Впереди дядя с тетей, за ними мы – мои кузены и я, иногда в сопровождении одной из бабушек. В центре Пятигорска два рынка. Нижний помещается в павильоне и мало отличается от любого в России. Зато Верхний, расположенный под открытым небом, – настоящий восточный базар. Сюда везут овощи и фрукты не только из всех кавказских республик и областей, но и из соседних Калмыкии, Приазовья, Астрахани. Торгуют не перекупщики, а крестьяне. Что за мимика, какие лица – и товар им под стать. Сразу у входа высятся груды фруктов и овощей, громадных пучков кинзы, базилика, тархуна. На рас-

каленном южном солнце плоды и зелень источают тяжелый пряный аромат.

Дальше – ряды. В одних продают только сыр, в других – творог и масло, в третьих – сметану, молоко, сливки и кремевый, с румяными корочками варенец. Еще дальше – ряды с медом, растительным маслом, птицей, рыбой, зерном, – и всюду наперебой приглашают пробовать. Поодаль расположились фуры с кирпичами и караваями ноздреватого станичного хлеба. Размеры гигантские – раз в пять больше наших, в Москве. И как духовитые! «Кубань – житница России», – всякий раз наставительно замечала бабушка, поводя своим несравненным носом. Да, житница: хлеб, выпечка, торты в Пятигорске совсем другого вкуса, нежели у нас. Другого теста!

За гастрономической частью следовала «культурная» – визит на «чер-

ный рынок», полулегальные развалы букинистов, где дядя искал старинные книги, а тетя – марки для коллекции. Оттуда, нагруженные и усталые, в том же порядке возвращались домой.

Город

Пообедав, мы играем в саду или бежим в парк, где посреди вековых деревьев и целого океана цветов в нашем распоряжении старые карусели, покрытый ряской пруд, горбатый мостик и – усада юности прошлых веков – павильон кривых зеркал. Парк располагался по соседству, людей в нем почти не было, и оттого он казался чем-то вроде продолжения дядинного сада.

Иногда нас водили в Цветник. Разбитый в начале XIX века у подножия Машука, этот дивный английский парк мало изменился за свою долгую историю. Бесчисленные клумбы, увитые розами беседки, причудливых форм разноцветные фонари, витражная старинная галерея – все это уже несло на себе черты упадка, но замшелость придавала парку особую прелесть.

Розовый гравий дорожек шуршит под ногами. Гуляющих много, особенно в часы водопития. «Водяное общество» 70-х годов XX века – это курортники со всего нашего бывшего общего пространства. Особенно много было почему-то выходцев из азиатских республик. Нигде, кроме Пятигорска, я не видала их в таком количестве зараз. В пестрых тюбетейках, шальварах, в горящих на солнце халатах, они представлялись персонажами восточных сказок и как нельзя лучше подходили тому средоточию чудес, каким мне казался старый Цветник. Такими же сказочными виделись мне цыгане – в разноцветных нарядах, монистах и платках. Их совсем не было на Дальнем Востоке. Мужчин среди них я не помню, а женщины гадали и пели, и маленькие смуглые дети танцевали и ходили на руках.

В глубине парка в окружении старых плакучих ив фонтан с каменным мальчиком посередине. В руках у мальчика большая рыба. Улыбаясь, он задумчиво смотрит перед

собой на чернильную поверхность воды, такой же замшелой, как и он, усеянной скрученными от жары листьями. Чуть поодаль деревянная ракушка летней эстрады с расставленными садовыми скамьями. На них старые облупленные шахматисты. Казалось, они вечно сидят здесь над расставленными фигурами и так и живут на этих скамьях. Тут же расположились уличные фотографы, художники и мастера силуэтов. Быстро и ловко они вырезают чернильные профили, и тонкая черная стружка, дрожа, кудрявится в клюве ножниц. У меня сохранились такие силуэты, сделанные с промежутком около 25 лет. Ажурные и одинаковые, они в то же время несут в себе разительное портретное сходство со своим оригиналом – с моей бабушкой, мамой, мною и моей племянницей. Непостижимо, как достигается это сходство. Художники работают быстро, не глядя.

И объяли меня воды до самой души моей

Еще дальше расположены бюветы. Это небольшие ротонды строгой классической архитектуры. Из распахнутых дверей веет серой. Внутри полумрак, журчание воды, гул голосов, пар. Гравий вокруг темен от выплескиваемой воды.

Часть источников находится внизу, другие – на горных склонах, в густых зарослях акации, шиповника, тут, покрывающих Машук. К ним ведут извилистые тропки, мощенные песчаниковыми плитами. Едва обработанные, они изглажены временем и протоптаны посередине. По сторонам дорожек уютные каменные скамьи. Тут и там прямо из обнажившейся породы журчат струйки воды. Направляя ее бег, кто-то упорно прилагивает под нее древесный листочек. Так было и 200 лет назад, и в годы моего детства, и, думаю, так делают сейчас. Это целебные источники – какой-нибудь «20-й» или нарзан. Вода течет, где ей удобно. Ее столько, что заключить всю ее в бюветы невозможно. В одном месте на Машуке она собирается в природных каменных резервуарах. Там всегда много людей. Это местные, те, кто

под открытым небом в зарослях тут и боярышника принимают ванны.

А однажды вода вырвалась из плена. Как-то, приехав в Пятигорск, мы с мамой решили навестить Цветник. Пока собирались, стемнело и разразился ливень, с громом и молнией. Но стоило ему утихнуть – тут же, как это нередко случается на юге, выглянуло солнце, и Кавказ подарил нас одной из своих самых щедрых улыбок. Мы шли по каштановой аллее и улыбались в ответ. Солнце сияло, лужи испарялись на глазах, однако ближе к парку мы вновь услышали шум. Он становился все громче, и у входа в Цветник мы застали небывалую картину. По одной из узких крутых улочек, бурля и вскипая, неслись ручьи. По правую сторону – вода «живая», сладкий «Красноармейский источник», по левую «мертвая» – с запахом тухлого яйца серная вода. И там, и там было по колено.

Прорыв случился где-то наверху. Может, в Академической галерее – монументальном бювете, сооруженном в середине прошлого века, а может, в одном из санаториев, тогда же понастроенных на отрогах Машука. К ним из Цветника карабкаются десятки расходящихся тропок. Одна из них ведет к Гроту Лермонтова – месту свиданий Печорина и Веры, другая – к Домику поэта, откуда он ушел на свою последнюю дуэль, третья – к Эоловой арфе, предмету вечных восторгов и вожделений моего детства, четвертая – к высоко приультившемуся домику канатной дороги. Отсюда открывается дивный вид на Пятигорск. Вытянутая подкова Академической галереи, ниже Цветник как на ладони, еще ниже – городской променады и вдалеке речка Подкумок.

...А вода все не утихает, бежит, омывая старое и новое, времен Романовых и времен хрущевых, влекомая властной силой, несущей ее вперед и вниз. Гуляющие в восторге. Мужчины, женщины, дети бредут навстречу ручьям. Разувшись и задрав платья, мы с мамой следуем за ними... 🍷

Евгений Попов

ХИЖИНА ТЕТИ ЗАБОЗЮК

КАЖДОМУ, КТО ПРИЕХАЛ ВПЕРВЫЕ В БУЭНОС-АЙРЕС, ОБЯЗАТЕЛЬНО СООБЩАТ: ФРАНЦУЗЫ ВЫШЛИ ИЗ ГАЛЛОВ, БРИТАНЦЫ – ИЗ БРИТТОВ, А АРГЕНТИНЦЫ... ИЗ ПАРОХОДОВ. НЕЗАТЕЙЛИВУЮ ПРИСКАЗКУ РАССКАЗЫВАЮТ КАК АНЕКДОТ, НО НА ПОВЕРКУ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ЭТО – БЫЛЬ.

РУССКОЙ АРГЕНТИНЫ В ТОМ виде, как, например, нью-йоркский Брайтон-Бич, не существует. Вы не найдете здесь ни квартала «компактного проживания» русскоязычных, ни вывесок на кириллице. Аргентина, как бы нелогично это ни звучало по отношению к истории

государства, куда более мононациональна, чем другие страны, пережившие натиск иммигрантских волн. То есть, к примеру, мексиканец, бежавший в США, вполне может остаться мексиканцем, как и его дети, а может, даже и внуки. В Аргентине же придется стать аргентинцем.

«Кабанья сибиряна»

С другой стороны, в поисках «русскости» глубоко копать не нужно. Она проявляется здесь хоть и не повсеместно, но ярко и в самых неожиданных местах. Например, на северо-востоке страны, в провинции Мисьонес, среди вечнозеленых плантаций мате (аргентинцы, кстати, настаивают на ударении на первом слоге) и чая, 100 лет назад выросла «кабанья сибиряна». В переводе с испанского – «сибирская хижина». Это самый настоящий сруб, построенный без единого гвоздя. Бревна до сих пор лежат ладно, одно к одному, статного и уверенного вида изба не потеряла, за ней усердно присматривают. О том, что дом постигнет такая судьба, его первый хозяин, сеньор Василий Мельник, наверняка не помышлял. Он просто строил дом так, как привык это делать у себя на Кубани. «Очень трудно понять, почему он так делал, – размышляет хранитель «кабаньи сибиряны», почетный консул России в городе Обере провинции Мисьонес

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Сенона Забозюк. – Наверное, думал, что зима придет суровая, а она так никогда и не пришла».

В «сибирской хижине» сейчас что-то вроде музея и культурного центра с общим названием «русский», но прямо на входе красуется репродукция герба Белорусской ССР, а среди немногочисленных экспонатов – раритетное Евангелие на украинском языке и чудно вышитый рушник. Есть здесь и русский девичий наряд – голубой безразмерный сарафан с кружевами и кокошник, шитый бисером. Все это, как и прялки, рубанки, расписные деревянные ложки, привезли с собой на пароходах иммигранты, прибывшие из разных уголков Российской империи. И только старинный медный самовар, уже слегка помятый и изрядно потускневший, посетители музея купили недавно в Аргентине у местных цыган.

Русскими в Аргентине нередко называют себя те, чьи предки говорили по-русски, причем многие из них уехали уже после распада Рос-

сийской империи. К примеру, мать почетного консула Сеноны Забозюк родилась в Белоруссии, а отец – на западе Украины. Но ее второй язык после испанского все-таки русский. И говорит Сенона блестяще, с едва уловимым западноукраинским говорком: «Папа очень любил есть борщ, но здесь нет капусты. Они давай пробовать в лесу листочки разные и со временем нашли подходящие».

У Сеноны есть подруга – аргентинка с украинской фамилией Сабчук. Зовут ее Нина, и она – завсегдатай «сибирской хижины». Нина говорит только по-испански, но вышивает традиционными русскими узорами платки, скатерти, полотенца, которые в Мисьонесе охотно покупают: «Я точно не знаю, из какой части России приехал мой папа. Он оказался здесь еще маленьким ребенком, а мать родилась в Бразилии. Папа не рассказывал историю семьи. Он всегда боялся чего-то. Я думаю, это как-то связано с революцией и коммунизмом».

Эту небольшую тихую провинцию населяют аргентинцы 75 национальностей. Русскоязычных среди них не так много: выходцы из России на пятом месте в общем потоке иммигрантов. Но, оказавшись на главной площади Оберы во время любого общепроvincialного торжества, о России невольно вспомнишь. Местный флаг похож на наш как две капли воды, только в Мисьонесе его перевернули и вот уже полвека считают своим.

Здесь любят праздники и шумно их отмечают – после традиционной официальной части, устав стоять на площади по стойке смирно, слушая, а скорее, пропуская мимо ушей нескончаемые речи местных старожил и уважаемых людей, аргентинцы отправляются на пикник. Обычно это выглядит так: на большой поляне собираются несколько сотен человек, жарят асадо – это когда шампур в человеческий рост и кусок мяса на пятерых. Припасы можно взять с собой или купить тут же на поляне у торговца, вроде того, что мы встретили на маевке, устроенной по случаю 200-летия майской революции. Зовут его Ра-

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Аргентинская Республика граничит с Чили, Боливией, Парагваем, Бразилией и Уругваем. Площадь – 2,8 миллиона квадратных километров. Население – чуть более 40 миллионов человек. В состав республики входят 23 провинции и автономный столичный округ. По территории страны протекает вторая по длине после Амазонки река Южной Америки – Парана. Аргентина занимает 4-е место в Латинской Америке по добыче нефти, входит в десятку стран мира, обладающих крупнейшими запасами урана. Страна – один из основных производителей и экспортеров мяса. Также экспортируются нефть, газ, соя, кукуруза, пшеница, автомобили (сборочное производство).

Доминирующая религия – католичество (90 процентов населения). В городах сконцентрировано свыше 80 процентов населения. В столице – Буэнос-Айресе – насчитывается свыше 12 миллионов жителей.

Коренное индейское население – колья, тоба, мапуче и др. – было почти полностью истреблено в процессе колонизации.

В марте 2009 года правительство Аргентины подписало с правительством России соглашение об отмене визового режима.

моно Кампо, на голове – нетипичный для этих мест голубой берет с алым помпоном. Это, объясняет торговец, дань предкам – у Рамоно они французы. Цены на говядину и свинину для своих Кампо не взвинчивает, если минуты три с ним поторговаться, то можно за 15 песо (чуть более 100 рублей) заполучить кусок мяса, которого вполне хватит и на обед, и на ужин. Тут же три футбольных поля. На одном играют так, что думаешь: не «Бока Хуниорс» ли с гастролью в Обере? На другом футбол отдаленно напоминает дворовый. А по третьему, перекрикивая друг друга, носятся юные Марадонны.

Потомки генералов и «команданте»

«Много русских приехало в конце XIX – начале XX века. В основном они обосновались в крупных городах. Это были образованные, интеллигентные люди, потому многие добились здесь больших успехов», – рассказывает профессор истории университета Буэнос-Айреса Луис Беласса. В карантинной зоне миграционной службы, уставленной одинаковыми белыми железными кроватями с проволочной сеткой, иммигрантам грезилось, что их беды закончились. И стоит лишь пройти формальности, как жизнь заиграет новыми яркими красками. За 100 с лишним лет в здании миграционной службы почти ничего не изменилось. Все те же очереди из жаждущих новой жизни людей. Разве что теперь на пароходах они почти не прибывают. Да и отель «Миграсьон», где иммигранты могли 15 дней жить за символическую плату, лет пятьдесят уже как закрыли. Эту гостиницу хорошо помнит Димитрий Нащокин – ныне успешный бизнесмен, чья семья в начале 40-х годов XX века поселилась в Вилла Девото – респектабельном пригороде Буэнос-Айреса. Димитрий уже с трудом читает приказ, подписан-

ный Николаем II о награждении своего деда, полковника лейб-гвардии Измайловского полка Сергея Нащокина, императорским орденом Св. Станислава. Через семь лет после этого награждения, в 1917 году, полковник бежит от Октябрьской революции в Югославию. Во время Второй мировой уже его потомки перебираются в Аргентину. «Мой отец хотел поехать далеко от всех этих войн и выбрал Южную Америку», – с трудом подбирая русские слова, вспоминает Димитрий – потомок рода, ведущего свою историю с 1327 года. О своем самом знаменитом родственнике – Афанасии Ордине-Нащокине, главе посольского приказа, воеводе, жившем в XVII веке, – он почти ничего не знает.

История «команданте Гришки» куда современной. 90-летний Григорий Паншин – единственный в Аргентине ветеран Великой Отечественной войны. Живет он последние 64 года у моря, в курортном городке Мардель-Плата. 4 ноября 1941 года 315-я особая стрелковая дивизия, где Паншин 19-летним пехотинцем начал войну, угодила в окружение под Вязьмой. Григорий попал в плен, его отправили на работы в Берлин. Он бежал в 1943-м, оказался в

Италии, где сразу же влился в партизанское движение. В 1945-м он снова попал в плен к немцам, опять бежал и даже успел с партизанским отрядом освободить Геную. После победы итальянцы прятали Григория, дважды побывавшего в немецких застенках, уже от НКВД. «Сорок дней я в тюрьме сидел, чтобы не нашли, – вспоминает Паншин, – а итальянцы затем отправили меня в Аргентину».

Откуда только за последние 200 лет не приходили в Буэнос-Айрес корабли! В основном, конечно, из Италии и Испании, но 200 тысяч выходцев из Российской империи и СССР, проживающих сейчас в Аргентине, цифра тоже не маленькая. Они как могут стараются не забывать свои корни, собираются в клубах Белинского, Маяковского, Островского, учатся народным танцам, но разговаривают даже между собой уже все больше по-испански.

Не так давно фонд «Русский мир» профинансировал издание учебника русского языка на испанском языке. Этого издания ждали многие. Наши соотечественники на другом берегу Атлантики требуют внимания России. Ведь здешний Русский мир, пожалуй, самый разобщенный. 🇷🇺

СТРАНА СЕРЕБРА

В 1516 году в будущую Аргентину прибыл первый европеец – испанец Хуан Диас-де-Солис. Местные индейские племена оказали ожесточенное сопротивление, и экспедиция испанцев провалилась. В 1520 году испанцы вернулись, возглавляемые Магелланом. Аргентиной страну называли испанцы (лат. Argentum – серебро), которые рассчитывали найти здесь богатые залежи этого металла, но жестоко ошиблись. В 1535 году экспедиция Педро де Мендоса основала форт Санта Мария дель Буэн Айре – будущую столицу Аргентины. В 1776 году было создано вице-королевство Рио-де-Ла-Плата (Парагвай, Аргентина, Уругвай и часть Боливии). В 1805–1806 годах британские войска штурмовали Буэнос-Айрес, но были разгромлены. В начале XIX века европейские поселенцы начали войну против власти Испании. В 1810 году было объявлено о ликвидации вице-королевства и введении правления испанского короля Фернандо VII Наполеона. В 1816 году была провозглашена независимость от испан-

ской короны и объявлено о создании Объединенных провинций Южной Америки. В 1819 году в стране разразилась гражданская война. В 1853 году была принята первая Конституция, а первым президентом страны стал генерал Хусто Уркиса.

В 1930 году в стране был совершен военный переворот, в 1946-м президентом страны был избран Хуан Перон (его супруга Эвита была известна не меньше, чем муж), которого избрали на эту должность второй раз в 1952 году. В 1955-м он был свергнут и вернулся к власти в 1973-м, правда, через год Перон умер, и власть перешла к его второй жене, Изабель. В 1976 году произошел еще один военный переворот, диктаторы сменяли друг друга на посту президента. В 1982 году военный режим вступил в войну с Великобританией из-за Фолклендских островов. Страна войну проиграла, но от претензий на острова не отказалась. В 1983 году в результате выборов к власти пришло демократическое правительство. Сегодня президентом Аргентины является Кристина Киршнер, избранная на этот пост в 2007 году.